

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2022 Vol. 5 №3 (17)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

«Caucasian Science Bridge» journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 30.11.2022. Подписано в печать 26.12.2022. Выход в свет 26.12.2022.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 20,00. Тираж 550 экз. Заказ № 8815.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ. 344090, г.

Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор;
Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный феде-
ральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св.
Климента, г. София, Болгария.

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела междуна-
родных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия.

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санк-
Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Стойка Петрова Пенкова – доктор социологических наук, доцент; Пловдивский
университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, США,
Вирджиния, г. Аннандейл, Международный языковой центр «ESZETT»

Даниела Коцева – доктор социологических наук, доцент; университет «Гоце
Делчев» – Штип, Северная Македония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-
Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г.
Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат со-
циологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований
«Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский
институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия.

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Pruel Nikolay Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Stoika Petrova Penkova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

Daniela Kotseva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбалиев В.З.

Социальное доверие и недоверие в сфере российского здравоохранения в период пандемии COVID-19: теоретико-методологические подходы и источники негативизации 12

Лукичев П.Н.

Три ошибки теории К. Маркса 21

Немчина В.И.

Демаркация идентичности: проблема сохранения суверенитета индивида в цифровом пространстве 37

Социология молодежи

Абрамова С.Б., Антонова Н.Л.

Гражданский неполитический активизм молодежи: поворот к цифровым локальным практикам 46

Касьянов В.В., Самыгин П.С., Горлова Н.И.

Перспективные пути и способы содействия участию молодежи в волонтерской деятельности в контексте реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации..... 56

Пилипенко А. Э.

Влияние корпоративной университетской идентичности на восприятие студенческой жизни 64

Социология семьи и детства

Богданова И.Н., Артамонова Я.В.

Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях..... 74

Социология управления

Янкина И.А., Рачипа А.А.

Социальная диагностика организационных патологий: сравнительный анализ коммерческих и некоммерческих организаций 84

Этносоциология

Бубликов В.В., Ермак Г. Г.

Самооценка этничности населением России с двойной русско-украинской идентичностью: «русские» и «украинские» качества 98

Социология региона

Великих П.К.

Социально-демографические предпосылки консолидации региональных сообществ (на основе анализа статистических данных) 116

Социология международных отношений

Манукян С.А.

Социальные установки в армянском обществе по вопросу о статусе «Нагорного Карабаха в составе Российской Федерации»..... 130

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Соколова Н.А.

Социальные ресурсы: понятие и детерминация в современной отечественной социологии..... 144

Черевков О.С.

Социальное влияние ислама: ретроспектива и современное состояние (на примере Северного Кавказа) 152

Информация для авторов..... 163

CONTENTS

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Vyalykh N. A., Bespalova A. A., Zarbaliev V. Z.

Social trust and distrust in sphere of Russian healthcare during the COVID-19 pandemic: theoretical and methodological approaches and sources of negativity 13

Lukichev P. N.

Three errors of Marx's theory 21

Nemchina V. I.

Identity demarcation: the problem of preserving the sovereignty of the individual in the digital space 37

SOCIOLOGY OF YOUTH

Abramova S. B., Antonova N. L.

Civic Non-Political Activism of Youth: Turning to Digital Local Practices 46

Kasyanov V. V., Samygin P. S., Gorlova N. I.

Promising ways and means of promoting youth participation in volunteer activities in the context of the implementation of the State youth policy in the Russian Federation 56

Pilipenko A. E.

Corporate identity of the university: influence on the perception of student life 64

SOCIOLOGY OF FAMILY AND CHILDHOOD

Bogdanova I. N., Artamonova Ya. V.

Young family as an "elusive" social phenomenon in modern Russian conditions 75

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Yankina I. A., Rachipa A. A.

Social diagnostics of organizational pathologies: a comparative analysis of commercial and non-profit organizations 84

ETHNOSOCIOLOGY

Bublikov V. V., Ermak G. G.

Self-assessment of ethnicity by the population of Russia with dual Russian-Ukrainian identity: "Russian" and "Ukrainian" qualities 99

SOCIOLOGY OF THE REGION

Velikikh P. K.

Socio-demographic prerequisites for the consolidation of regional communities (based on the analysis of statistical data) 116

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Manukyan S. A.

Social attitudes in the Armenian society on the issue of the status of "Upper Karabakh within the Russian Federation" 130

YOUTH FORMAT

Sokolova N. A.

Social resources: concept and determination in modern domestic sociology 144

Cherevkov O. S.

Social influence of Islam: retrospective and current state (on the example of the North Caucasus) 152

INFORMATION FOR AUTHORS 163

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель! Журнал «Caucasian Science Bridge», в логике своего названия, представляет номер, включающий разнообразие актуальной социологической проблематики и многообразие региональных социологических школ, выстраивая научную площадку для обмена научными идеями и разработками. В этом изначально виделась основная миссия нашего журнала, приглашающего опубликовать свои научные изыскания и результаты авторам, работающим в самых различных направлениях социологической науки. Только так можно построить «мост», соединяющий и объединяющий социологов-исследователей разных отраслевых направлений и региональных школ с одной целью – обнажить и объяснить актуальные проблемы современной социальной реальности, наметить пути их решения с тем, чтобы будущее в разрезе понятого настоящего стало регулируемым, управляемым и благополучным.

Для этого, безусловно, необходим глубокий методологический анализ тех социальных проблем, которые еще предстоит решить, особенно, в условиях новой пост пандемической реальности, заставившей переосмыслить многие явления и процессы, институциональные и ценностные изменения, определяющие траекторию социокультурной динамики социума. И не зря в данном номере журнала значимая часть статей представлена в рубрике «Методология и методы социологических исследований». Так, в статье Н.А. Вялых, А.А. Беспаловой и В.З. Зарбалиева проводится анализ теоретических подходов и методологических ограничений социологического исследования доверия и недоверия к услугам здравоохранения в контексте пандемии COVID-19. Традиционную для социологии проблему идентичности в контексте цифровой эпохи в своей статье поднимает В.И. Немчина. На основе выделения и анализа индивидуальной идентичности в цифровом пространстве автором осуществляется концептуализация различных подходов в характеристике идентичности. О «трех составных частях марксизма» в контексте содержащихся в них ошибках пишет П.Н. Лукичев, выделяющий философские, экономические и социологические основания такого подхода к оценке теории К. Маркса. Относительно социологической ошибки автор приходит к выводу, что она состоит в недостаточном учете плотности связи экономических и демографических процессов, которая реализуется как энергетическое насыщение экологической ниши общества, что приводит к изменению ее объема.

В рамках рубрики «Социология семьи и детства» интересный подход к интерпретации изменений в сфере семейно-брачных отношений предлагают

И.Н. Богданова и Я.В. Артамонова, усматривающие в этих изменениях основания для вывода о том, что молодая семья становится «ускользающим» социальным феноменом.

В рамках рубрики «Социология молодежи» молодежная проблематика получает свое оформление в границах актуализации таких проблем, как: гражданский неполитический активизм молодежи, для которой включенность в цифровую среду стала начальной стадией включения в гражданские практики (С.Б. Абрамова, Н.Л. Антонова); волонтерская деятельность молодежи в контексте поиска перспективных путей и способов содействия участию молодежи в этом виде деятельности в рамках реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации (В.В. Касьянов, П.С. Самыгин, Н.И. Горлова); университетская жизнь студентов в зеркале корпоративной идентичности, изменения в которой оказывают значительное влияние на восприятие студенческой жизни (А.Э. Пилипенко).

Предметное поле социологии управления в данном номере представлено обращением исследователей к проблеме патологий внутренней среды организаций. В качестве объекта исследования И.А. Янкина и А.В. Рачипа выбрали коммерческие и некоммерческие организации, сравнительный анализ которых с позиций предложенного ракурса позволил определить неоднородность опасности патологий для указанных организаций.

Этносоциологическое направление нашего журнала в данном номере представлено статьей В.В. Бубликова и Г.Г. Ермак, в которой авторы задались целью выявить структуру самосознания русско-украинского населения России посредством поиска ответов на такие ключевые вопросы, как: 1) маркируют ли биэтноры элементы своей идентичности как «русские», «украинские», находящиеся в равном соотношении или вовсе не окрашивают их этнически? 2) Как они оценивают влияние русской и украинской компонент этничности на свою личность, характер? Результаты исследования базируются на серьезном массиве эмпирических данных, полученных качественным и количественным методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, в местах компактного и дисперсного проживания биэтноров.

Для П.К. Великих важной научно-исследовательской задачей определена та, что связана с проблемой формирования консолидации региональных сообществ на основе их объединения вокруг общих ценностей, интересов и целей. Ее решение осуществлено на основе анализа социально-демографических предпосылок данного процесса, для чего автором был проведен анализ данных статистики, характеризующих развитие Белгородской, Воронежской, Курской областей. Исследования, посвященные проблеме

региональной консолидации, чрезвычайно актуальны для России как страны регионов и, безусловно, для такой отрасли социологии, как социология региона.

В свете повестки дня на глобальном уровне особое внимание привлекают вопросы и проблемы, включенные в предметное поле социологии международных отношений. Дискуссионное пространство данного направления весьма обширно и только расширяется на фоне роста конфликтности современного мира. В данном номере представляем статью нашего коллеги-социолога из Ереванского государственного университета, Манукяна С.А., на тему «Социальные установки в армянском обществе по вопросу о статусе «Нагорного Карабаха в составе Российской Федерации». Основываясь на данных общереспубликанского репрезентативного исследования «Кавказский барометр 2021», автор решает выяснить, насколько реальна, с позиции установок, сложившихся в массовом сознании армянского общества, принципиально иная альтернатива статуса Нагорного Карабаха – в составе Российской Федерации.

И, по сложившейся традиции, мы всегда приветствуем стремление молодых исследователей включиться в социологический дискурс, представить собственное видение актуальных социальных проблем и стратегию их социологического изучения. Заключительные аккорды в тематической композиции представляемого номера журнала «Caucasian Science Bridge» в рамках рубрики «Молодежный формат» звучат в исполнении аспирантов Института социологии и регионоведения Южного федерального университета – Н.О. Соколовой и О.С. Черевкова.

На определении исследовательского поля для понятия «социальные ресурсы» остановила свое внимание Н.О. Соколова. Проведенное на основе контент-анализа исследование позволило автору выявить и обосновать достаточно широкую интерпретацию и понимание роли и значения социальных ресурсов для развития социального капитала и территориальных общностей.

В статье О.С. Черевкова поднимается одна из самых актуальных проблем южнороссийского региона – социальное влияние ислама на Северном Кавказе. В ходе исследования автору удалось выявить конкретные примеры выражения социального влияния ислама на социальную структуру, традиции и обычаи населения Северного Кавказа на разных исторических этапах, а также обосновать необходимость дальнейших социологических исследований в этом предметном поле с точки зрения анализа и прогнозирования развития социально-политической, религиозной и социокультурной ситуации в северокавказском регионе.

Дорогой читатель, редакция журнала выражает надежду на то, что представленные в данном номере результаты теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам современной социологии и социальной практики вызовут живой интерес и желание поделиться своими научными находками, опытом исследовательской деятельности.

Приглашаем к публикации Ваших статей!

Заместитель главного редактора журнала
«Caucasian Science Bridge»,
А.В. Верещагина

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья

УДК 316.334:61

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.1

EDN IVEJOK

Социальное доверие и недоверие в сфере российского здравоохранения в период пандемии COVID-19: теоретико-методологические подходы и источники негативизации**Никита А. Вялых¹**¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: sociology4.1@yandex.ru**Анна А. Беспалова²**² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: anna_isir@mail.ru**Вадим З. Зарбалиев³**³ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: zarbaliyev@mail.ru**Аннотация**

Введение. В статье обсуждаются теоретические подходы и методологические ограничения социологического исследования доверия и недоверия к услугам здравоохранения в контексте пандемии COVID-19. Основные сложности концептуализации данного феномена обусловлены устойчивой когнитивной модой на количественное измерение всевозможных индексов доверия/недоверия, что создает иллюзию понимания общественного мнения и социальных настроений. Познавательные рамки также связаны с принципиальным оценочным противопоставлением доверия общества к медицинской помощи как блага недоверию как социокультурному барьеру развития системы здравоохранения.

Методы. Работа основывается на методологии социологического конструктивизма, которая делает возможным исследовать одновременно ментальные и институциональные факторы, конституирующие дискурс кризиса доверия общества к услугам здравоохранения.

Результаты и их обсуждение. Аргументировано, что социальное доверие конституируется только в результате деятельности и требует направленных усилий, активной смысложивненной позиции ключевых агентов. Но, учитывая принудительность неолиберальной трансформации института здравоохранения в современной России, поведенческие индикаторы должны дополняться сведениями об объективных показателях доступности и качества медицинской помощи. Ведущими источниками негативизации социального отношения к системе здравоохранения в пандемию COVID-19 стали, во-первых, агрессивные средства массовой коммуникации, во-вторых, не всегда последовательные и обоснованные политические решения, в-третьих, претензии на социальный контроль, попытки внешней интервенции в приватное пространство и стратегии медицинской активности общества. Авторы приходят к выводу: пандемия COVID-19 привела к некоторой трансформации оценок населения системы здравоохранения в целом, услуг здравоохранения, отношения к медицинским работникам. На повестку дня с новой остротой вышли проблемы системного характера, тем не менее, в общем, сохранился нисходящий тренд общественного доверия к системе медицинского обеспечения. Синтез количественных, качественных оценок доверия и объективных показателей доступности и качества медицинской помощи позволит лучше понять динамику представлений, ценностей и установок, формирующих фон социального настроения населения; спрогнозировать альтернативные сценарии и векторы трансформации института здравоохранения в зависимости от смыслового содержания социального доверия/недоверия российского общества к медицинским организациям.

Ключевые слова: социальное доверие; социальное недоверие; институт здравоохранения; агенты; общественное здоровье; пандемия COVID-19.

Благодарность: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-1818.2022.2).

Для цитирования: Вялых Н. А., Беспалова А. А., Зарбалиев В.З. (2022). Социальное доверие и недоверие в сфере российского здравоохранения в период пандемии COVID-19: теоретико-методологические подходы и источники негативизации. *Caucasian Science Bridge*, 5 (3), С. 12–20. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.1>

Social trust and distrust in sphere of Russian healthcare during the COVID-19 pandemic: theoretical and methodological approaches and sources of negativity

Nikita A. Vyalykh¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: sociology4.1@yandex.ru

Anna A. Besimalova²

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: anna_isir@mail.ru

Vadim Z. Zarbaliev³

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: zarbalievv@mail.ru

Abstract.

Introduction. The article discusses theoretical approaches and methodological limitations of sociological research of trust and distrust to the healthcare services in the framework of the COVID-19 pandemic. The main difficulties are caused by the stable cognitive fashion for the quantitative measurement of trust/distrust indices. It leads to the illusion of understanding public opinion and social moods to this issue. The cognitive framework is also associated with the fundamental evaluative opposition of society's trust to medical care as a blessing and distrust as a socio-cultural barrier to the development of the healthcare system.

Methods. The study is based on the methodology of sociological constructivism. Such approach makes it possible to study both mental and institutional factors that shape the crisis of public confidence to the health care services.

Results and its discussion. The authors argue that social trust is constructed as a result of activity and requires directed efforts, an active position of key agents. Taking into account the neoliberal transformation of the healthcare institution in modern Russia, behavioral indicators of trust should be supplemented with information about objective indicators of the accessibility and quality of medical care. Based on empirical data, the dynamics of public opinion on the effectiveness of the Russian healthcare system and its main problems in a complex epidemiological situation are analyzed. The leading sources of negative social attitudes to the healthcare system during the COVID-19 pandemic are the following: aggressive policy of media; political decisions which are not always consistent and justified; claims for social control, external intervention in private space and strategies of medical activity in the society. The authors came to the conclusion that the COVID-19 pandemic only changed the structure of social attitude to the health care services, escalated chronic difficulties, but did not affect significantly the downward vector of consumer confidence in the health care system. The conclusion is made about the need for both systemic regulation of institutional mechanisms of trust, and increasing the reserve of personal responsibility and adaptive potential of consumers of medical care. In this regard, the relevance of sociological research in public health and healthcare will only increase in the post-coronavirus period. The synthesis of quantitative, qualitative assessments of trust and objective indicators of the availability and quality of medical care will make it possible to explain the dynamics of ideas, values and attitudes that shape the background of the social mood; to predict alternative scenarios and vectors for the transformation of the healthcare institution, depending on the semantic content of social trust / distrust to medical organizations.

Keywords: social trust; social distrust; healthcare institute; agents; public health; the COVID-19 pandemic.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of President Grant for state support of young Russian scientists – candidates of sciences (МК-1818.2022.2).

For citation: Vyalykh N.A., Besimalova A.A., Zarbaliev V. Z. (2022). Social trust and distrust in sphere of Russian healthcare during the COVID-19 pandemic: theoretical and methodological approaches and sources of negativity. *Caucasian Science Bridge*, 5 (3), P. 12–20. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.1>

Введение

Социальное доверие/недоверие можно сравнить с фондовым рынком, живущим своей собственной логикой, своими законами, трендами, зонами поддержки, разворотами, провалами, отскоками, которые не в силах предсказать самые квалифицированные аналитики и на которые неспособны глобально повлиять даже игроки с крупным финансовым и символическим капиталом. В системе национального здравоохранения России, трансформирующейся последние три десятилетия в рынок ме-

дицинских услуг, таких «игроков-инвесторов» много. Кроме государства с его сетью полномочных субъектов федерального, регионального и муниципального уровней, потребителей медицинской помощи (пациентов, застрахованных), профессионального медицинского сообщества, представителей страховых медицинских организаций есть ряд других не менее значимых агентов: медицинские научно-исследовательские институты и вузы, фармацевтические корпорации, аптеки, производители медицинского оборудования, создатели медицинской рекламы и др. Все они имеют свои интересы, полномочия, рычаги, функции (явные и латентные), находящиеся в постоянном социальном конфликте, как внутри «саших себя», так и во взаимодействии с аутгруппами.

Тем не менее, научное сообщество не оставляет попыток разработки инструментариев, претендующих на комплексность, а также апробации различных подходов в изучении социального доверия и недоверия в сфере здравоохранения. В связи с этим, перед авторами стоит задача представить теоретико-методологические основания исследования доверия/недоверия в сфере здравоохранения, с точки зрения выявления косвенных индикаторов, вне ограничений прямых вопросов о доверии, а также стандартных шкальных распределений. Данная работа должна стать основой для проведения социологической диагностики текущей ситуации в сфере общественного доверия к здравоохранению. Среди ключевых вопросов, подлежащих обсуждению, – факторы доверия и недоверия в современном обществе (модели поведения; формальные и неформальные нормы; система ценностей различных групп населения; доступность медицинской помощи; характер новостных сообщений в СМИ и др.), а также источники негативизации социального конструирования общественного мнения о российском здравоохранении в период пандемии COVID-19. Какие инструменты и методологические подходы могут позволить лучше понять особенности доверия/недоверия в сфере здравоохранения? Вот основной круг целеполагающих вопросов, к решению которых мы постараемся подобрать ключи.

О методологии, теоретических дискуссиях и ограничениях социологического познания доверия/недоверия в здравоохранении

Обращаясь к вопросу о ключевых трендах современной методологии социологических исследований в общем, можно с уверенностью констатировать, что в приоритете стремление уйти от ограничений когнитивных установок классической и неклассической моделей. Солидаризируясь с данным направлением, считаем целесообразным рассматривать социальное доверие потребителей медицинской помощи на микро-, мезо- и макроуровне. То есть, включая в круг анализа персональную оценку состояния здоровья, отношение к работникам здравоохранения и социальной ситуации в системе здравоохранения в целом. Не стоит недооценивать макросоциологический подход к изучению социальных явлений. Его бесспорным преимуществом является возможность проанализировать поведенческие, культурные, социальные факторы доверия и недоверия, оценить степень их взаимосвязи как элементов целостной системы. Это позволяет выявить факторы негативизации доверия к системе здравоохранения в целом. Тем не менее, ограниченность макросоциологического подхода состоит в том, что ситуационные и внеинституциональные факторы социального доверия на микроуровне могут остаться вне поля зрения исследователя.

Для получения максимально комплексного результата возможно сочетание макросоциологического взгляда с концепциями субъективизма. Так, применительно к предмету нашего исследования социальное доверие можно рассматривать как результат индивидуальных практик социальной адаптации акторов к новым условиям

функционирования здравоохранения, в т.ч. в период пандемии COVID-19. В связи с тем, что не представляется возможным рассматривать процесс взаимодействия здравоохранения на институциональном уровне с обществом как таковым, социальное доверие к институту здравоохранения не может быть представлено как интегральное доверие социально-территориальных общностей к медицинским работникам. Рассматривая социальное доверие на микроуровне, следует отметить его эмоциональную составляющую, находящуюся в прямой зависимости от информационного окружения и характера социальной активности человека. Как подчеркивают зарубежные исследователи, «именно деятельность агентов является условием конструирования межличностного и институционального доверия, выполняющего функцию социальной адаптации к изменениям, рискам и неопределенности» (Amdaoud et al., 2021; Antinyan et al., 2021).

К настоящему времени в научной литературе накоплен значительный опыт изучения социального доверия и недоверия в обществе. Изучением данной проблемы занимаются философы, социологи, политологи, конфликтологи, культурологи и представители других гуманитарных дисциплин. В зависимости от когнитивного интереса ученого доверие изучается применительно к той или иной сфере или подсистеме общества, включая здравоохранение. Предпринимаются попытки междисциплинарного изучения доверия.

Говоря об общих трендах социологического изучения доверия в здравоохранении, следует отметить, что большинство исследований фокусируется исключительно на объектах медицинского обеспечения (поликлиники, больницы, лечебно-реабилитационные центры и пр.). В то время как, «причина ухудшения здоровья российского общества коренится в низком уровне медицинской информированности, санитарно-гигиенической и экологической культуры» (Журавлева, Иванова и др., 2021). К такому выводу приходят специалисты Института социологии ФНИСЦ РАН и тем самым, акцентируют внимание на необходимости расширить социологический взгляд на здоровье и здравоохранение. Однако концепцию повседневных практик не стоит возводить во главу угла, чтобы не создавалось иллюзии, что пациент сам ответствен за своё здоровье и последствия медицинского вмешательства.

Если обратиться к результатам зарубежных разработок по данной теме, количество которых возрастает с каждым годом, отражая её актуальность, можно отметить несколько ключевых моментов. Во-первых, при анализе эмпирических данных особое внимание отводится выявлению связей между доверием и базовыми социально-демографическими характеристиками потенциальных пациентов (пол, возраст, этническая принадлежность) (Kovacs et al, 2019, 642). Во-вторых, ряд исследователей смещает фокус на параметры функционирования медицинских организаций, личные качества медработников (компетентность, коммуникативные навыки, социальное самочувствие) (Dennerlein et al, 2020, 690). Обращает на себя внимание тот факт, что при таком ракурсе рассмотрения не учитываются факторы поведения пациентов, такие как поиск и анализ информации по проблемам здоровья, логика выбора модели поведения в ситуации заболевания, общий уровень культуры здоровья пациента, а также эмоциональный интеллект, мотивация, локус контроля). В-третьих, зарубежные авторы не оставляют без внимания такую проблему как факторы доверия к медицине. Среди них выделяют довольно нетипичные для отечественной социологической традиции факторы доверия пациента к врачу или организации: 1) характер нормативно-правовой базы и правовой культуры агентов; 2) степень анонимности и конфиденциальности информации, предоставляемой пациентом при обращении в медицинскую организацию; 3) качество и достоверность информации о медицинском вмешательстве; 4) уро-

вень автономии пациента в выборе схемы лечения (Gille et al., 2020; LoCurto, Berg, 2016). Интерес представляют работы, направленные на проведение комплексной социологической оценки доверия/недоверия. Так, наряду с субъективными ощущениями потребителей, крайне важно учитывать объективные показатели доступности и качества медицинской помощи: соотношение ожиданий и результатов медицинского вмешательства; соответствие способов диагностики и лечения потребностям пациента; время, потраченное пациентом при ожидании медицинской помощи, возможность оперативной записи на прием (Straten et al., 2002, 229).

В научном и публичном дискурсе преобладает трактовка доверия исключительно как позитивной характеристики с положительными последствиями, а недоверия как негативной, ведущей к отрицательным последствиям. Это же касается и доверия/недоверия к здравоохранению. Тем не менее, в зависимости от условий и социокультурного контекста конструктивное и деструктивное влияние могут оказывать и доверие, и недоверие. К подобному выводу пришли также Ю.В. Веселов и Н.Г. Скворцов. По мнению представителей петербургской социологической школы, высокий или низкий уровень доверия – не самое главное. Важно качественное содержание доверия, оно должно быть оптимальным. Иными словами, необходимо стремиться к балансу доверия и недоверия. Это более эффективно для общества, нежели «слепое», безоговорочное доверие (Веселов, Скворцов, 2021, 58). Действительно, от способности пациента критически мыслить, четко оценивать ситуацию, зависит в том числе уровень его доверия к медицине.

Таким образом, при всём многообразии методологических подходов, теоретических разработок, наблюдается некоторая фрагментарность социологического познания доверия/недоверия в здравоохранении. Представляется перспективной разработка методологии исследования, предполагающей изучение поведенческих и системных факторов доверия/недоверия к институту здравоохранения в их диалектической связи.

Специфика социального доверия/недоверия российского общества к здравоохранению в условиях пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19 внесла коррективы в научный социологический дискурс. Наряду с актуализацией таких категорий как «новая нормальность», «новая повседневность» (она же «сломанная»), авторы статей в рамках в социологии здоровья отмечают, что для системы здравоохранения в целом, эти термины были актуальны и тридцать лет назад, и сейчас. Всё чаще высказываются тезисы о том, что пандемия не оказала кардинального влияния на социальное настроение потребителей медицинской помощи в России. Данный тезис подтверждают результаты телефонного опроса Фонда «Общественное мнение»¹: 14% опрошенных уверены: вырастет доверие врачам, 21% респондентов думают, что оно снизится, 52% – что ничего не изменится» (Жизнь после пандемии...). Одной из причин подобных настроений может быть нежелание людей разочаровываться в завышенных ожиданиях, не строить иллюзий. Таким образом в обществе формируется мотивация к самостоятельному обеспечению своего здоровья и безопасности.

Во время пандемии вопрос доверия к здравоохранению потребовал более широкого рассмотрения, приобрел многосторонний и многоуровневый характер. Ярко определились ключевые факторы негативизации социального отношения к системе здравоохранения в пандемию COVID-19. К ним относятся, во-первых, агрессивные

¹ N=1500 россиян в возрасте от 18 лет, даты проведения 17–19 декабря 2021 г.

средства массовой коммуникации, во-вторых, не всегда последовательные и обоснованные политические решения, в-третьих, претензии на социальный контроль, попытки внешней интервенции в приватное пространство и стратегии медицинской активности общества.

Что касается доверия политическим решениям и заявлениям экспертного общества, как факторов негативизации доверия к здравоохранению в период пандемии, можно с уверенностью констатировать прямую зависимость данных явлений. Так, в России и западных странах зафиксировано увеличение числа популистских общественно-политических движений, журналистов, ученых, блоггеров, активно обсуждающих ковид-проблематику на различных Интернет-платформах, преследуя личные или корпоративные интересы. Как результат, наблюдалось падение уровня общественного доверия сначала к представителям власти, а затем и к экспертам. На волне дискуссий о пандемии, ограничительных мерах, активно поднимались вопросы о демократии и влиянии политических режимов на здоровье, цифровизации общества, сохранения личных данных, механизмах тотального контроля, соблюдения принципов свободы слова и передвижения» (Мухарямова и др., 2021, 41–42). По данным ВЦИОМ, порядка 48% жителей России в настоящее время в целом устраивает внутренняя политика правительства, тогда как год назад этот показатель был 25-30% (Оценка властей. Рейтинг ВЦИОМ...). Не только в России, но и за рубежом исследователи фиксировали такое явление как парадокс приватности: «государства, пытаясь решить краткосрочную проблему (ограничить распространение инфекции), подрывают доверие в долгосрочной перспективе» (Южаков и др., 2021, 11).

Как уже отмечалось выше, особое значение в период пандемии приобрели такие вопросы как обеспечение высокого уровня медицинской информированности, формирование у населения санитарно-гигиенической и экологической культур. Средства массовой информации (СМИ) играют решающее значение при решении этих задач, являя собой достаточно неоднозначный фактор социального доверия/недоверия. Телевидение, радио, электронные и сетевые ресурсы, печатные издания, плакаты, баннеры призваны наряду с другими общественными институтами формировать общественное мнение об эффективности здравоохранения. Согласно данным ВЦИОМ, в 2021 году чаще всего россияне¹ выбирали в качестве источника информации об экономике и общественно-политической жизни страны центральное телевидение (47%), социальные сети и блоги в интернете (42%), новостные, аналитические и официальные сайты в интернете (36%) (Медиапотребление и активность...).

Согласно исследованию Фонда Общественного Мнения, доверие россиян к государственным СМИ снизилось на 20% в период с 2016 по 2018 г. В то же время доверие к негосударственным СМИ выросло почти в два раза (О СМИ и журналистах...). Одной из причин такой ситуации является качество контента СМИ, содержащего большое количество непроверенной информации, односторонность в подаче материала, предвзятость в оценке событий. Как справедливо отмечают исследователи, для большинства сообщений в СМИ характерны акцент на ошибках организации предоставления медицинских услуг и мер профилактики особенно на начальных этапах распространения инфекции); противоречивость информации, представляемой без ссылок на первоисточник; не соответствие официальных заявлений реальной ситуации, с которой сталкивались пациенты на личном опыте; неоднородность и бессистемность информационной среды (Богдан и др., 2021, 529–530). Закономерно, что в итоге значительная часть аудитории СМИ просто отказалась от потребления «ко-

¹ N= 1600 россиян в возрасте от 18 лет, проведен 20 сентября 2021 г.

ронавирусного» медиа контента. При такой модели поведения существует риск пропустить действительно важную информацию о COVID-19. Так, согласно опросу ФОМ, проведенному в 2020г., «следит за информацией о коронавирусе подавляющее большинство россиян – 83%, из них внимательно следят 48%. В апреле это число было гораздо выше: 95% следили за информацией о коронавирусе, из них внимательно – 75%» (О СМИ и журналистах...).

Интерес представляет также отношение населения к ограничительным мерам в условиях угрозы пандемии COVID-19 (как индикатор интегрального доверия к политическим решениям, СМИ, экспертному сообществу, системе здравоохранения). Согласно опросу ФОМ, проведенному в 2020г., ограничительные меры против коронавируса «одобряет 71%, а считают, что это было неправильно, 22%. При этом 65% россиян считают, что если эпидемическая ситуация в стране серьезно ухудшится, то нужно повторно закрыть торговые центры, рестораны, кафе. Лишь 26% говорят, что этого делать не следует. За повторный режим самоизоляции при ухудшении ситуации выступают 60%, против – 33%» (Отношение к ограничительным мерам...). В массовом сознании необходимость реализации строгих мер сдерживания заболеваемости связана, с одной стороны, со страхом заражения, а с другой, с ожиданием от окружающих следования инструкциям на добровольной основе.

Заключение

Пандемия стала поводом, стимулирующим прилив общественного интереса к перманентному кризису российского здравоохранения. Однако, в начале 2022 г. COVID-19 за считанные недели буквально испарился на наших глазах (были сняты ограничения, закрыты госпитали, из риторики СМИ практически исчезла эта тема). Сейчас общество и гуманитарии полностью погрузились в переосмысление более реальных и видимых геополитических и экономических рисков. Система здравоохранения вновь испытывает дополнительную нагрузку. Поэтому не стоит снимать с повестки вопросы системного характера о системе здравоохранения, доверии потребителей медицинской помощи, социальном самочувствии медицинских работников уже в новых условиях посткоронавирусного периода. Перед научным сообществом стоит задача разработки сценариев, рисков, угроз и возможностей функционирования общественного здравоохранения в условиях новой нормальности.

Социальное доверие/недоверие не появляется из пустоты и не исчезает бесследно. Оно есть продукт сознательных усилий и мыслительных операций всех агентов, упомянутых в этой статье. Если мы говорим только о потребителях медицинской помощи, то к доверию нужно еще прийти самому человеку, так же, как и к индивидуальному здоровью – упражняясь в физических нагрузках, сбалансированном питании, тонкой настройке режима труда и отдыха. Наихудший сценарий – равнодушные и полное отсутствие вообще какого-либо статистически значимого отношения граждан к институту здравоохранения, что станет, вероятно, последним кирпичом в стене социальной фрагментации российского общества. Проявление даже негативных эмоций, напряженности, конфликтности, недоверия в сфере здравоохранения свидетельствует о потенциале роста, наличии самой системы как предмета научных исследований и публичного дискурса.

Подводя итог, отметим, что представляется актуальным проведение специальных социологических исследований с целью выявить региональную специфику, содержательные аспекты, структуру институционального доверия/недоверия к медицинским организациям, а также разработать сценарии нивелирования влияния факторов негативизации социального отношения к системе здравоохранения.

Литература

- Богдан, И.В., Чистякова, Д.П., Праведников, А.В. (2021). Проблематика доверия в социологии медицины. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2 (162), 526–533. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1859.
- Веселов, Ю.В., Скворцов, Н.Г. (2021). Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования. *Социологические исследования*, 6, 57–68. DOI: 10.31857/S013216250012556-4.
- Журавлева, И.В., Иванова Л.Ю., Ивахненко Г.А., Лакомова Н.В., Резникова Т.П. (2021). Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет. М.: ФНИСЦ РАН.
- Мухарьямова, Л.М., Заляев, А.Р., Шаммазова, Е.Ю. (2021). COVID-19: Политические вызовы для общественного здравоохранения. *Казанский медицинский журнал*, 102, 1, 39–46. DOI: 10.17816/КМЖ2021-39.
- Южаков, В.Н., Добролюбова, Е.И., Покида, А.Н., Зыбуновская, Н.В. (2021). Деятельность государства по защите охраняемых законом ценностей в период пандемии: оценка гражданами. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3, 7–30.
- Amdaoud, M., Arcuri, G., Levratto, N. (2021). Healthcare system and social trust in the fight against COVID-19: the case of France. *European Journal of Public Health*, 31(4), 895–900. DOI: 10.1093/eurpub/ckab112.
- Antinyan, A., Bassetti, T., Corazzini, L., Pavesi, F. (2021). Trust in the health system and COVID-19 treatment. *Frontiers in Psychology*, 12. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.643758.
- Dennerlein, J.T., Burke, L., Sabbath, E.L., Williams, J.A.R., Peters, S.E., Wallace, L., Karapanos, M., Sorensen, G. (2020). An integrative total worker health framework for keeping workers safe and healthy during the COVID-19 pandemic. *Human Factors*, 62, 5, 689–696. DOI: 10.1177/0018720820932699.
- Gille, F., Smith, S., Mays, N. (2020). What is public trust in the healthcare system? A new conceptual framework developed from qualitative data in England. *Social Theory & Health*, 19, 1–20. DOI:10.1057/s41285-020-00129-x.
- Kovacs, R.J., Lagarde, M., Cairns, J. (2019). Measuring patient trust: Comparing measures from a survey and an economic experiment. *Health Economics*, 28, 5, 641–652. DOI: 10.1002/hec.3870.
- LoCurto, J., Berg, G.M. (2016). Trust in healthcare settings: Scale development, methods, and preliminary determinants. *SAGE Open Medicine*, 4, 1, 1–12. DOI: 10.1177/2050312116664224.
- Straten, G.F., Friele, R.D., Groenewegen, P.P. (2002). Public trust in Dutch health care. *Social Science Medicine*, 55, 2, 227–234.
- Жизнь после пандемии: ожидания и прогнозы. Аналитический обзор Фонда «Общественное мнение» от 13 января 2022 г. Режим доступа: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14676>.
- Оценка властей. Рейтинг ВЦИОМ от 31.07.2022г. Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei>
- Медиапотребление и активность в интернете. Аналитический обзор ВЦИОМ от 23 сентября 2021 г. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete>
- О СМИ и журналистах. Опрос «ФОМнибус», проведен 17–18 ноября 2018г. N= 1500 респондентов. Режим доступа: <https://bd.fom.ru/pdf/d46smi2018.pdf>
- Отношение к ограничительным мерам. Опрос «К-ФОМ», проведен 14–16 августа 2020 года и 3–5 апреля 2020 г. N= 1000 граждан РФ 18 лет и старше, проживающих в городах. <https://covid19.fom.ru/post/otnoshenie-k-ogranichitelnyim-meram>

References

- Amdaoud, M., Arcuri, G., Levratto, N. (2021). Healthcare System and Social Trust in the Fight Against COVID-19: the Case of France. *European Journal of Public Health*, 31(4), 895–900. DOI: 10.1093/eurpub/ckab112.
- Antinyan, A., Bassetti, T., Corazzini, L., Pavesi, F. (2021). Trust in the Health System and COVID-19 Treatment. *Frontiers in Psychology*, 12. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.643758
- Bogdan, I.V., Chistyakova, D.P., Righteous, A.V. (2021). Problematics of Trust in the Sociology of Medicine. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2 (162), 526–533. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1859.
- Dennerlein, J.T., Burke, L., Sabbath, E.L., Williams, J.A.R., Peters, S.E., Wallace, L., Karapanos, M., Sorensen, G. (2020). An Integrative Total Worker Health Framework for Keeping Workers Safe and Healthy during the COVID-19 Pandemic. *Human Factors*, 62, 5, 689–696. DOI: 10.1177/0018720820932699.
- Gille, F., Smith, S., Mays, N. (2020). What is Public Trust in the Healthcare System? A New Conceptual Framework Developed from Qualitative Data in England. *Social Theory & Health*, 19, 1–20. DOI:10.1057/s41285-020-00129-x.
- Kovacs, R.J., Lagarde, M., Cairns, J. (2019). Measuring Patient Trust: Comparing Measures from a Survey and An Economic Experiment. *Health Economics*, 28, 5, 641–652. DOI: 10.1002/hec.3870.
- LoCurto, J., Berg, G.M. (2016). Trust in Healthcare Settings: Scale Development, Methods, and Preliminary Determinants. *SAGE Open Medicine*, 4, 1, 1–12. DOI: 10.1177/2050312116664224.

Mukharyamova, L.M., Zalyaev, A.R., Shammazova, E.Y. (2021). COVID-19: Political Challenges for Public Health. *Kazan Medical Journal*, 102, 1, 39–46. DOI: 10.17816/KMJ2021-39.

Straten, G.F., Friele, R.D., Groenewegen, P.P. (2002). Public Trust in Dutch Health Care. *Social Science Medicine*, 55, 2, 227–234.

Veselov, Yu.V., Skvortsov, N.G. (2021). Trust in the Era of Digital Transformations: The Experience of Sociological Studies. *Sociological Studies*, 6, 57–68. DOI: 10.31857/S013216250012556-4.

Yuzhakov, V.N., Dobrolyubova, E.I., Pokida, A.N., Zybunovskaya, N.V. (2021). State Activity for the Protection of Legally Protected Values during the Pandemic: Assessment by Citizens. *Issues of State and Municipal Management*, 3, 7–30.

Zhuravleva, I.V., Ivanova, L.Yu., Ivakhnenko, G.A., Lakomova, N.V., Reznikova, T.P. (2021). Adolescent Health and the Environment: Changes Over 20 Years. Moscow: FNISC RAN.

Life after the pandemic: expectations and forecasts. Analytical review of the Public Opinion Foundation, January 13, 2022. Available at: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14676>.

Government assessment. VCIOM rating. Available at: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei>.

Media assessment and activity on the Internet. Analytical review of VCIOM, September, 2021. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete>.

About the media and journalists. Poll «FOMnibus», November 17-18, 2018. Available at: <https://bd.fom.ru/pdf/d46smi2018.pdf>.

Attitude to restrictive measures. The K-FOM survey of August 14–16, 2020 and April 3–5, 2020. Available at: <https://covid19.fom.ru/post/otnoshenie-k-ogranichitelnyim-meram>.

Дата получения рукописи: 12.11.2022

Дата окончания рецензирования: 21.11.2022

Дата принятия к публикации: 28.11.2022

Информация об авторах

Вялых Никита Андреевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: sociology4.1@yandex.ru

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anna_isir@mail.ru

Зарбалиев Вадим Загиддинович – аспирант Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: zarbaliyev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Vyalykh Nikita Andreevich – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: sociology4.1@yandex.ru

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: anna_isir@mail.ru

Zarbaliyev Vadim Zagiddinovich – Postgraduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: zarbaliyev@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 314:303.7

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.2

EDN MOZJEJ

Три ошибки теории К. Маркса**Павел Н. Лукичев¹**¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: pnlukichyov@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Марксизм возник с учетом того уровня знаний, который был достигнут к середине XIX века. С того времени научные представления существенно изменились, что в теории требует пересмотра его основных положений, а на практике приводит к социальным и политическим ошибкам.

Методология. Принцип системности и методологические подходы структурно-функционального анализа, бихевиоризма и интеракционизма позволяют построить культур-антропологический методологический конструкт с использованием методов математического моделирования демографо-экономических процессов.

Результаты и их обсуждение. Все «три составные части марксизма» исходно содержат ошибки. Философская состоит в игнорировании того факта, что человеческие потребности необходимо рассматривать как витальные потребности, удовлетворяемые в принятых данным сообществом культурных формах. Экономическая – в преувеличении роли физического труда как источника прибавочной стоимости в ущерб интеллектуальным открытиям, которые дают возможность организовать и направить действие сил природы на осуществление полезной для общества «работы», так что добавленный продукт является даром человеческого интеллекта и сил природы человеческому обществу. В результате возникает избыточный продукт, позволяющий совершенствовать культурные формы удовлетворения витальных потребностей и приводящий к горизонтальной и вертикальной дифференциации общества. Социологическая ошибка состоит в недостаточном учете плотности связи экономических и демографических процессов, которая реализуется как энергетическое насыщение экологической ниши общества, что приводит к изменению ее объема. Эти основания позволяют построить математическую модель связи приращения валового внутреннего продукта и естественного движения населения.

Ключевые слова: культурные формы удовлетворения витальных потребностей; необходимый продукт; продукт оборота; продукт запаса; избыточный продукт; социальная дифференциация; прирост валового внутреннего продукта; экологическая ниша общества; естественное движение населения; математическое моделирование.

Для цитирования: Лукичев П. Н. (2022). Три ошибки теории К. Маркса. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 21–36. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.2>

Three errors of Marx's theory**Pavel N. Lukichev¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: pnlukichyov@sfedu.ru

Abstract

Introduction. Marxism arose considering the level of knowledge that was achieved by the middle of the XIX century. Since that time, scientific ideas have changed significantly, which in theory requires a revision of its main provisions, and in practice leads to social and political mistakes.

Methodology. The principle of systems and methodological approaches of structural and functional analysis, behaviorism and interactionism allow us to build a cultural-anthropological methodological construct using methods of mathematical modeling of demographic and economic processes.

Results and its discussion. All the “three constituent parts of Marxism” initially contain errors. The philosophical one consists in ignoring the fact that human needs must be considered as vital needs that are satisfied in the cultural forms accepted by this community. Economic error consists in exaggerating the role of physical labor as a source of surplus value to the detriment of intellectual discoveries that make it possible to organize and direct the action of the forces of nature to carry out “work” useful to society, so that the

added product is a gift of human intelligence and the forces of nature to human society. As a result, there is an excess product that makes it possible to improve cultural forms of satisfaction of life needs and leads to horizontal and vertical differentiation of society. The sociological error consists in insufficient consideration of the density of the connection between economic and demographic processes, which is realized as an energy saturation of the ecological niche of society, which leads to a change in its volume. These grounds allow us to build a mathematical model of the relationship between the increment of gross domestic product and the natural movement of the population.

Keywords: cultural forms of satisfaction of vital needs; necessary product; product of circulation; spare product; excess product; social differentiation; growth of the gross domestic product; ecological niche of society; natural movement of the population; mathematical modeling.

For citation: Lukichev P. N. (2022). Three errors of Marx's theory. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 21–36. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.2>

Введение

За последние тридцать лет теория марксизма пережила сложную политическую динамику. Прежде всего, она практически утратила свои идеологические позиции в России. В бывших советских республиках она активно вытесняется идеологией национально-культурного возрождения с перегибами, доходящими до откровенного национализма и даже крайних проявлений нацизма. В Западной Европе социалистические и социал-демократические партии, по сути, давно уже отошли от учения К. Маркса, как, впрочем, и от идей социализма и социальной справедливости, так что «левую» идеологию подхватили «правые» партии. Однако в Китае и Индо-Китае марксизм сохраняет и даже усиливает свои позиции, что связано с экономическими успехами стран, сохраняющих коммунистическую ориентацию, но он приобрел национально модифицированную форму. Идеи марксизма получают распространение и к ним проявляется неподдельный интерес в странах Латинской Америки так же, как и в англо-саксонской части Северной Америки.

Разберемся, что «так» и что «не так» в теории К. Маркса.

Каждый, кто получил высшее образование в Советском Союзе, досконально изучал работу В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма», но мало кто задумывался над возможностью существования недочетов в этих составных частях, которые по наследству достались и марксистской теории.

Первая из них содержится в начале философских размышлений и связана с пониманием сущности потребностей человека. В ранней, совместной с Ф. Энгельсом, работе «Die Deutsche Ideologie», которая была не только декларацией взглядов, но и определила на все будущее время убеждения авторов, К. Маркс буквально пишет следующее: «... die Menschen imstande sein müssen zu leben... Zum Leben aber gehört vor allem Essen und Trinken, Wohnung, Kleidung und noch einiges Andere»¹. Из этого далее вытекает другой тезис: «Das Zweite ist, daß das befriedigte erste Bedürfnis selbst, die Aktion der Befriedigung und das schon erworbene Instrument der Befriedigung zu neuen Bedürfnissen führt – und diese Erzeugung neuer Bedürfnisse ist die erste geschichtliche Tat»² (Marx, Engels, 1969, 28-29). Конечно, эти положения в свое время были необходимыми прежде всего для обоснования материалистического понимания истории и сути экономических процессов. Причем убедительность их такова, что они не вызывают сомнений практически ни у кого, хотя логически ведут в дурную бесконечность постоянного появления все новых и новых потребностей, нарастающих на предыду-

¹ «...люди должны иметь возможность жить... Но для жизни нужны, прежде всего, пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что».

² «Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом».

щие, и также требующие удовлетворения. Однако, если сегодня автомобиль, скажем, является средством передвижения, то «потребность» в упряжке лошадей и каком-нибудь тарантасе уже не существует, по крайней мере, у большинства населения экономически развитых стран. Равным образом, «потребность» в перьевой ручке и чернильнице, которыми пользовался К. Маркс, не беспокоит более современных ученых.

Тем самым, так называемый «закон бесконечного роста человеческих потребностей» превращается в фикцию, лишенную реального содержания, поскольку только в одном отношении человеческие потребности заданы в качестве константы, и это – витальные потребности, да и те актуализируются лишь периодически, время от времени сменяя друг друга или в какие-то моменты сосуществуя параллельно.

«Дурную бесконечность» роста потребностей не спасает идея А. Маслоу, попытавшегося классифицировать человеческие потребности, построив их пирамиду и положив в ее основание физиологические потребности человека, над которыми возвышаются потребности в комфорте и безопасности, а еще выше – потребности в заботе и привязанности. На самом вершине пирамиды А. Маслоу размещает потребность самоутверждения и самовыражения (Maslow, 1954). Нашедшая широкое признание и применение в теоретических исследованиях «пирамида Маслоу» не нашла подтверждения в эмпирических исследованиях (Холлифорд, Уиддет, 2008). Более того, по сути, все указанные им потребности редуцируемы к витальным, биологическим основаниям. В качестве примера можно привести «потребность в социальном окружении». По А. Маслоу она находится на «третьем этаже» пирамиды потребностей, но в действительности представляет собой всеобщее ассоциативное свойство материи, а в частности, собственно говоря, стадный инстинкт, который свойственен всем живым организмам, тем более отличающимся гregarной (*grex, gregis* – лат. стадо) организацией, т. е. лежит она на уровне витальных потребностей. «Потребность в познании», которую А. Маслоу ставит на самую вершину своей пирамиды, представляет собой реализацию ориентировочно-исследовательского инстинкта, который, между прочим, свойственен всем самостоятельно движущимся биологическим организмам и без которого абсолютно невозможно их существование в агрессивной внешней среде (Данилова, Крылова, 1989, 220–221).

Надо полагать, Бронислав Малиновский наиболее обстоятельно и в наибольшей степени близко к истине рассмотрел проблему потребностей. Исходя из амбивалентной природы человека, биологической и социальной, он и потребности человека представил как имеющие природную и социальную сущность. Витальные потребности в этой концепции предстают в виде процесса органического метаболизма, который осуществляется в социальных культурных формах. В результате исчезают потребности в одежде, жилище и т. д., поскольку они есть не что иное как потребность в сохранении температурного баланса внутренней и внешней среды организма (Малиновский, 1997, 698). Социальная человеческая сущность обуславливает производство культурных артефактов, т. е. способов и условий органического метаболизма человека как биологического индивида.

Бр. Малиновский рассматривает необходимость в существовании этих культурных условий как социальные потребности (needs) (Malinovsky, 1944, 174), как оболочку, в которой удовлетворяются витальные потребности. Надо полагать, что употребление понятия «потребность» является следствием «лингвистического голода», т. к. ни один из языков мира не произвел понятий, разделяющих витальную и культурную стороны потребностей. В связи с этим можно предложить различать понятия потребностей (needs) как относимое к процессу органического метаболизма и требований, культурных запросов (requirements) к культурным формам жизнедеятельности.

Такое различие дает возможность говорить не о потребности в «пище вообще» или «питье», а о потребности организма человека в определенном количестве химических элементов, обеспечивающих нормальное функционирование его организма. При этом витальные потребности имеют константный характер, они актуализируются и удовлетворяются в стационарном режиме. Однако в том то и дело, что удовлетворяются они в культурных формах, которые динамичны и изменяются постоянно по мере эволюции общества и смены культурных эпох.

Органический метаболизм представляет собой обмен биологического организма веществом, энергией и информацией с внешней организму средой. Культурные формы, в которых этот обмен осуществляется, имеют материальное выражение, энергетически насыщены и информационно значимы. Человек непосредственно не нуждается в метане или каменном угле, но существуют его требования к культурным формам приготовления пищи с использованием огня. Нет у человека потребности в нефти или керосине, но есть культурный запрос на форму и скорость передвижения в пространстве планеты на автотранспорте или самолете. И так далее, и тому подобное...

Это представление о витальных потребностях, удовлетворяемых в культурных формах, имеет принципиальное значение, в том числе и для понимания «тайны» прибавочной стоимости, в отношении которой совершается вторая ошибка. Для понимания ее поступим так же, как сам К. Маркс в третьем томе «Капитала» при анализе дифференциальной ренты, когда пишет: «Предположим, что...» (Маркс, 1975, 696). Также и мы предположим, что в античном эргастерии по помолу муки восемь рабов приводят в движение жернова. Можно поставить вопрос: каким образом возникает в данном случае «прибавочный труд» и «прибавочный продукт», извлекаемый и присваиваемый владельцем эргастерия? Очевидно, с позиций марксистской политической экономии, что источником прибавочного продукта является труд рабов. Получаемая прибыль представляет собой разность затраченных на их содержание средств, – скажем, набедренных повязок для каждого из них и дневной порции чечевичной похлебки, с одной стороны, – и средств, которые могут быть извлечены владельцем эргастерия при реализации результата их дневного труда, с другой. Однако, помимо стоимости набедренных повязок и чечевичной похлебки в расходы по содержанию рабов, видимо, необходимо также включить расходы по содержанию надсмотрщиков, а также тех рабов, которые таскают мешки с зерном и мукой. Можно, видимо, сказать и так, что все они только участвуют в перераспределении прежде созданного прибавочного продукта, а не создают новый. Однако...

Однако, пример с эргастерием по помолу муки выбран нами не случайно. С этимологической стороны слова мука и мука являются однокоренными так же, как и нем. Mühe и Mehl, чем подчеркивается, что с точки зрения классической (в качестве одного из факторов) и марксистской (единственным) фактором прибавочного продукта выступает физический труд, к тому же принудительный. Принуждением, в принципе, является не только прямое насилие, но и вообще необходимость для социальных индивидов данного вида трудовой деятельности, т. е. Mühe – физического труда, или в качестве абстракции Arbeit – работы, которая кроме прочего имеет и чисто физическое (в смысле физики как научного направления) значение.

Усложним наш мысленный эксперимент, заменив восемь рабов двумя ослами. Сразу же возникает вопрос: кто теперь создает прибавочный продукт? По условию классической (и марксистской тем более) политической экономии это может быть только человеческий труд. Тем самым оказывается необходимым включить в качестве непосредственных участников производственного процесса погонщика ослов и того, кто осуществляет за ними уход. Но тогда необходимо также признать, что и в

первом варианте (с использованием рабского труда) надсмотрщика за рабами следует признать непосредственным участником производственного процесса и создателем прибавочного продукта наряду с рабами, а не рассматривать его в качестве издержек производства.

На следующем шаге нашего мысленного эксперимента заменим ослов водяным колесом. Остается тот же вопрос: кто теперь производит прибавочный продукт? Сам мельник с семьей? Батраки, таскающие мешки с зерном и мукой? Работники, построившие водяную мельницу? Тот, кто придумал принцип вращения жерновов посредством водяного колеса? Или само водяное колесо?

Последний пример особенно показателен в том отношении, что в нем присутствуют свободные энергетические потоки, организованные и направленные человеческим интеллектом и трудом.

Вот тут-то и вскрывается «тайна» появления прибавочного продукта. Весь производственный процесс – это процесс, в котором используются свободные энергетические потоки природной среды или принудительно извлекаются человеком из природной среды с целью осуществления работы (в физическом смысле – в том смысле, в котором понятие работы используется в физике) по производству того, что человеку необходимо для жизнедеятельности.

Но тогда, во-первых, вся цепочка взаимосвязанных индивидов обеспечивает своим трудом существование друг друга. Во-вторых, оказывается, что каждый из них вносит свою долю прибавочного труда независимо от места в социальной системе и характера осуществления социальных функций. И наконец, в-третьих, осуществление любой из них представляет собой использование, извлечение или преобразование природных сил и энергии природы. При этом и сам человек является природной силой, и он неизбежно тратит свою энергию, преобразуя ее в процессе трудовой и вообще всякой жизнедеятельности, а эти траты, в свою очередь, нуждаются в восполнении.

В качестве доказательства того, что любой общественно полезный труд создает прибавочный продукт можно привести известную басню И. А. Крылова, в которой лебедь, рак и щука «везти с поклажей воз взяли». Каждый из них в отдельности совершает затрату собственной энергии, и с физической точки зрения в силу этого совершает работу. Однако, с этой точки зрения, сумма работ равна нулю, т. е. суммарная работа равна нулю. Все, чего им не хватает, так это согласованности действий, иными словами организации их деятельности, чтобы она стала «общественно полезной». Наличие организатора привело бы к совершению работы по перемещению «воза с поклажей», да еще и в нужном направлении, а это и означало бы осуществление общественно полезной трудовой деятельности. Причем в этом случае как раз и возникает «прибавочный продукт», каковым выступает разность между энергией, которая была бы затрачена на перемещение груза без использования колесного транспорта и энергией, затраченной на целенаправленное перемещение груза с использованием колесного транспорта, т. е. сил природы, находящихся вне индивидуальных организмов, осуществляющих данный трудовой акт при условии одинакового преодоления грузом расстояния. Можно его представить и по-другому: как разность достигнутого результата, т. е. проделанного грузом пути при наличии организующих усилий, дающих целенаправленность движения и использованием колесного транспорта, с одной стороны, и пути, который мог бы быть проделан без них. В этом случае энергия, затраченная индивидами, осуществляющими данный трудовой акт, является одинаковой и в одинаковой мере нуждающейся в восполнении.

Это, в свою очередь, приводит к выводу, что возникший «прибавочный продукт» представляет собой время, освободившееся для осуществления других функ-

ций, т. е. некоторый объем энергии, которая может быть растрочена иным образом. Или, как во втором случае, означает увеличение производительности труда. К. Маркс в «Капитале» неоднократно использует понятие «энергия», но, конечно, не в том смысле, в котором оно начинает применяться в конце XIX, а тем более в начале XX века, когда разность потенциальной (или кинетической) энергии в физике понимается уже как исчисление совершенной работы. Понятно поэтому, что ни Маркса, ни его предшественников в этом упрекнуть было бы не справедливо. Тем не менее...

Остановимся на первом варианте.

Без учета таких моментов как защита от погодных условий, необходимости сохранения строго определенного для биологического (человеческого) организма диапазона температур внешней среды, человеку в сутки необходимо 2 700 ккал в зоне умеренного климата (Алексеев, 1985, 34–36). Конечно, это средняя цифра – без различий возраста и пола индивида, и относится она исключительно к продуктам питания, точнее – к энергетически насыщенным продуктам питания. Соответственно в среднем индивид затрачивает в течение суток именно данное количество энергии. Причем затрачивает ее независимо от того, осуществляется общественно полезный труд или нет. Она просто должна быть растрочена, дабы сохранился энергетический баланс, а следовательно, и здоровье индивида. Если энергии затрачивается больше, чем поглощается организмом, это неизбежно ведет к истощению организма. Если же поглощается энергии больше, чем растрачивается, то организм страдает от избыточного веса. В любом случае нарушение энергетического баланса вызывает нарушение обмена веществ, и нарушается здоровье организма.

Это означает только то, что общественно полезная, т. е., по большому счету, трудовая деятельность индивида не может выходить за рамки этого энергетического баланса.

Равным образом обезьяна, прыгая по деревьям, затрачивает энергии на «развлечения» и добычу пищи столько же, сколько ее содержится в добытых ею продуктах питания. Иначе говоря, в процессе трудовой деятельности организм человека не может потратить энергии больше, чем может получить. А если сказать более жестко: в течение суток он не может потратить энергии больше, чем получает извне. Т. е. ни один человек как биологический организм не в состоянии осуществить трудовой процесс, количественно превосходящий энергию, получаемую извне. А значит, прибавочному труду в этом процессе просто неоткуда взяться пока мы рассматриваем человека как наделенного природными силами. Это тем более очевидно, что сам по себе трудовой процесс как целенаправленная общественно полезная деятельность по производству потребительных стоимостей отнюдь не занимает все время бодрствования социального индивида. Следовательно, в течение той части суток, когда она осуществляется, должно быть создано продуктов труда, энергетически насыщенных в значительно большей степени, чем количество энергии, обеспечивающей его функционирование как биологического организма. Это оказывается возможным только в том случае, если к процессу трудовой деятельности привлекаются внешние человеку природные силы. Или, что то же самое, энергетические природные потоки, которые (в общем случае совершая бесполезную для человека работу) направляются им для достижения его собственных целей. Таким образом, их работа не прибавляется количественно и не убывает, и закон сохранения энергии не нарушается, а продолжает действовать, как ему и положено. Вопрос только в направленности действия направленных или извлеченных природных сил.

Это можно проиллюстрировать, в принципе, на любом примере.

Скажем, *Homo habilis* делает попытки раздробить кость для добычи питательной массы костного мозга. Собственными силами он сделать это не в состоя-

нии. Подвернувшийся под руку плоский камень позволяет достичь желаемой цели. Усиление действия обусловлено тяжестью (весом, по сути, массой – $P = mg$) камня, движение которого вниз при точности удара, обеспечивается рукой, держащей камень. Однако распределение действующей силы идет по всей поверхности (ударяющей плоскости) камня. Эффективность еще более возрастает, если на одном камне сделан скол, и острием он приставлен к выбранной точке, а затем уже по нему наносится удар плоским камнем. Тогда не только увеличивается действующая масса, но и «по правилу параллелограмма» суммирующая сила, приложенная к одной точке, оказывается значительно возросшей притом, что количество энергии, затраченной организмом, остается практически тем же.

То же самое – с тупым и острым наконечником копья. Можно привести пример и с копьеметалкой, которая, по существу, удлиняет бросающую копье руку. Поскольку угловая скорость остается той же при движении руки, то энергетические затраты организма изменяются незначительно (только за счет веса копьеметалки), но увеличивается сила и дальность броска за счет увеличения линейной скорости. Соответственно, количественно возрастает работа (в физическом смысле), осуществленная летящим копьем, но работа, осуществляемая организмом, практически, не меняется. Тем самым осуществляется приращение труда, т. е. получен «прибавочный» труд – как разность работ летящего копья и организма человека.

Таким же образом, экстраполируя приведенные размышления на индустриальную стадию развития цивилизации, можно сказать, что, получая заработную плату, работник, по сути, получает средства, которые должны компенсировать не только его энергетические траты, осуществленные в течение рабочего времени, но и всего времени жизнедеятельности за период между выплатами. И не только его самого, но и членов его семьи. Не только средства, удовлетворяющие их витальные потребности, но и средства, обеспечивающие их удовлетворение в привычных для данной социальной группы, принятых в данной социальной среде культурных формах (напомним – материально выраженных, энергетически насыщенных и информационно значимых).

Именно в этом смысле следует понимать дефиницию производительных сил – как сил природы, в том числе и самого человека, организованных и направленных его волей, интеллектом и трудом на создание полезных для него стоимостей (потребительных стоимостей). Организованные и направленные природные силы человека – это его знания, опыт, навыки и умения. Свободные энергетические потоки и извлекаемая из природы энергия, в совокупности с организованными и направленными природными силами человека – это и есть то, что производит дополнительный, прибавленный, добавленный или, как его ни назови, прибавочный продукт. Иначе говоря, производительные силы – это силы природы, облаченные в культурные формы, которые также материально выражены, энергетически насыщены и информационно значимы.

Соответственно, следует заменить общеупотребимые понятия «необходимый и прибавочный продукт» на представления о «необходимом» в широком смысле продукте, который включает в себя необходимый в узком смысле продукт, продукт оборота и продукт запаса, и «избыточный» продукт. Понятно, что тогда вся история человечества представляется не в виде первобытного общества, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций, а в виде перехода от присваивающего к производящему хозяйству и соответственно от присваивающей к аграрно-пасторальной, индустриальной и информационной стадиям экономического развития, на базе которых могут возникать культурно-этнически специфические общественно-политические образования.

Необходимый продукт (в узком смысле) есть то, что служит для компенсации энергии социальных индивидов, затраченной в процессе их жизнедеятельности.

Продукт оборота служит для воспроизводства необходимого (в узком смысле) продукта.

Продукт запаса служит в силу климатических колебаний для использования в качестве необходимого продукта или продукта оборота.

Наконец, избыточный продукт возникает при неиспользовании продукта запаса и угрозе его порчи и гибели, что делает необходимым его иноовеществление и материализацию в более долговечные формы существования, в культурные формы жизнедеятельности, а это приводит к социальной вертикальной и горизонтальной дифференциации.

При присваивающем хозяйстве продукт оборота создается самой природой, независимо от деятельности человека, которая только подлежит самоограничению, чтобы не нарушать экологическое равновесие и процесс природного воспроизводства. Продукт запаса создается под влиянием примера тех биологических видов животных, которые запасают продукты питания на определенные периоды времени. Некоторый стабильно возникающий избыточный продукт преобразуется в половозрастную социальную дифференциацию с соответствующим разделением труда.

При аграрно-пасторальной экономике продукт оборота, образованный в результате направленных и организованных волей, интеллектом и трудом человека сил природы, существует в натуральном виде так же, как и продукт запаса, который необходим для компенсации климатических колебаний и непредсказуемости природных явлений. Оба являются необходимыми для процесса воспроизводства производства. Неиспользованный продукт запаса образует избыточный продукт, который может быть отчужден от производителя. К. Маркс говорит об этом следующим образом: самостоятельный мелкий производитель «... смотрит на эту затрату труда как необходимое условие производства продукта труда... Что же касается прибавочного труда, затрачиваемого им сверх необходимого труда, то он, конечно, реализуется в прибавочном продукте; и поскольку он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как продукт, который ничего ему не стоил, так как он не стоил овеществленного труда. Только расходование этого последнего имеет для него значение отчуждения богатства. Он естественно стремится продавать как можно дороже; но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если только эта прибыль не антиципирована задолженностью, ипотеками и т. д.» (Маркс, 1975, 751).

Такое отчуждение может быть осуществлено в виде уже овеществленного труда в качестве дани или оброка, в виде живого труда в качестве барщины, может быть компенсировано обменом или социальным взаимодействием в виде управления, обеспечения защиты от внешней агрессии, каких-либо услуг и т. п. Соответственно избыточный продукт поступает в распределение и перераспределение. В натуральном виде он используется для его иноовеществления в профессиональной деятельности тех, кто создает культурные формы жизнедеятельности в их материальном, духовном, социальном (в терминологии Лесли Уайта (White, 1959)) существовании, монетизируется, материализуется в драгоценности, сокровища, эстетические ценности и сокровища культуры.

На индустриальной стадии экономического развития монетизированный избыточный продукт выступает, по сути, в качестве иноовеществленного продукта запаса, который теперь проделывает обратный путь, превращаясь в оборотный капитал как аналог продукта оборота. Его авансированная форма даже возвращается

в натуральный вид, чтобы удовлетворить витальные потребности социальных индивидов, акторов производства, услуг и торговли, но все же неизбежно дополняется культурными формами их органического метаболизма. Однако в данном отношении натуральный необходимый продукт все же есть избыточный продукт, полученный по большей части в аграрно-пасторальном секторе экономики и в меньшей мере – в секторе присваивающего хозяйства, в то время как культурные формы жизнедеятельности – результат целиком и полностью иноовеществления избыточного продукта.

Концентрированный в банковском секторе и монетизированный избыточный продукт в качестве капитала является, с точки зрения классической политической экономии, существенным фактором производства (Смит, 1962). Впрочем, и марксистская политическая экономия тоже справедливо считает, что, по сути, банковский финансовый капитал есть не что иное как монетизированный избыточный продукт или продукт запаса в качестве накопленного предыдущими поколениями овеществленного труда. Так что и то, что находится в обороте, и то, что попадает в разнообразные фонды, временно исключенные из оборота, представляют собой зарезервированный овеществленный труд предшествующих поколений. Избыточный продукт имеет вид периодически возникающего перепроизводства.

В информационном обществе аналогом продукта оборота выступает вся та интеллектуальная и эмоциональная информация, которая востребована на настоящий момент (что, собственно, и объясняет финансовую успешность в сфере развлечений и артистической деятельности). Аналогом же продукта запаса являются фундаментальные направления научных исследований, которые еще не нашли себе практического применения, а также художественные достижения, которые на настоящий момент еще не получили признания, но потенциально к этому способны. Аналогом избыточного продукта выступает все то, что находится вне сферы понимания и востребованности социума на текущий момент времени, а может быть, и не будет востребовано никогда.

Стадии экономического роста цивилизации – это не последовательно сменяющиеся друг друга способы производства, но это способы производства, последовательно получающие доминирование в качестве основного источника жизнеобеспечения.

Третья ошибка состоит в игнорировании демографических процессов. Правда, К. Маркс время от времени упоминает о численном росте народонаселения, которое должно находиться в соответствии с эволюцией средств производства и даже приходит к выводу о возможности возникновения «относительного перенаселения», но не делает эту связь предметом анализа. Что касается других политэкономов и экономистов вообще, то данный аспект находится вне сферы их интересов. Это определено, как можно полагать, отношением к концепции Мальтуса (Мальтус, 1993) и, прежде всего, к вытекающим из мальтузианства выводам. Выводы, конечно, далеки от современного понимания гуманизма, но исходный тезис о геометрическом росте популяции, который как тенденция сохраняется всегда, даже тогда, когда реально наблюдается снижение ее численности, остается истинным.

Так, например, если представить численность населения на начало года t_0 как равное S_0 , то в течение года оно увеличится на n рожденных и уменьшится на m умерших, и к началу следующего года t_1 численность населения станет равным S_1 :

$$S_1 = S_0 + n - m = S_0 \left(1 + \frac{n - m}{S_0} \right),$$

но $\frac{n - m}{S_0} = k$, т. е. данное отношение равно коэффициенту прироста населения. Однако

$$S_0(1 + k) \approx S_0 e^k = S_1,$$

что и означает как раз, что функция роста населения имеет экспоненциальный характер (Лукичев, 2020, 97–98).

Притом, что этот результат остается безусловно истинным, в 1845 году Ферхюльст показал, как экспонента превращается в логистическую кривую с уменьшением коэффициента прироста популяции (Пайтген и Рихтер, 1993, 39). Суть идеи состоит в установлении связи между этим коэффициентом (k) и свободным остатком экологической ниши (δ) через коэффициент пропорциональности (R), который равен коэффициенту прироста популяции на тот момент, когда ее экологическая ниша совершенно свободна ($\delta = 1$), но заполнение популяцией своей экологической ниши вызывает уменьшение коэффициента ее прироста:

$$k = R\delta = R(1 - x).$$

Когда экологическая ниша заполнена, коэффициент прироста популяции начинает колебаться вокруг некоторого значения. Однако демографическая динамика, т. е. динамика человеческой популяции, отличается тем, что на довольно длительных промежутках времени коэффициент прироста может сохранять относительно постоянную величину. А это означает, что и расширение экологической ниши, достигнутое интеллектом и трудом человека, осуществляется с тем же коэффициентом, а из этого очевидно следует, что и расширение экологической ниши имеет ту же экспоненциальную тенденцию. Поэтому формулу Ферхюльста можно переписать с учетом доказанного равенства коэффициента пропорциональности натуральному логарифму второй константы «социальной стабильности» ($R = C_2 = \ln 1,56$) (Лукичев, 2017, 200–205, 244–250):

$$k_1 = \ln C_2 \times \left(1 - \frac{S_0 e^{k_0}}{S_{\max_1} e^{q_1}} \right),$$

где k_0 – коэффициент прироста населения за год t_0 ;

k_1 – коэффициент прироста населения за год t_1 ;

S_0 – численность населения на начало года t_0 ;

S_{\max_1} – объем экологической ниши популяции, достигнутый на начало года t_1 ;

q_1 – коэффициент расширения экологической ниши за год t_1 .

Между тем коэффициенты рождаемости (k_n) и смертности (k_m) динамически связаны друг с другом величиной ($\vartheta - \tau$):

$$(\vartheta - \tau) = \frac{1}{k} \ln \frac{k_n}{k_m}.$$

Эта величина является обратной среднему логарифмическому коэффициентом рождаемости и смертности. При этом она крайне чувствительна к любым изменениям культурных форм органического метаболизма социальных индивидов.

Таким образом, если соединить обе формулы, считая P_0 равным отношению численности населения (S_0) к возможному максимальному значению численности S_{\max_1} , т. е. к объему экологической ниши общества:

$$(\vartheta - \tau) \ln \frac{k_n}{k_m} = \ln C_2 \cdot \left(1 - \frac{P_0 e^{k_0}}{e^{q_1}} \right).$$

$$\ln \frac{k_n}{k_m} = (\vartheta - \tau)_0 e^{\gamma_1} \cdot \ln C_2 \cdot \left(1 - \frac{P_0 e^{k_0}}{e^{q_1}} \right).$$

$$\ln \frac{k_{m_1}}{k_{m_0}} = (\vartheta - \tau)_0 \cdot \ln C_2 \cdot \left(e^{\gamma_1} - \frac{P_0 e^{k_0}}{e^{q_1 - \gamma_1}} \right).$$

Здесь наиболее важным является знаменатель в правой части уравнения, поскольку разность q и γ дает некоторую величину g или, что то же самое

$$q = \gamma + g.$$

Анализ показывает, что коэффициент γ преимущественно воздействует на уровень смертности, а коэффициент g – на уровень рождаемости. Конечно «преимущественно» не значит, что коэффициент γ не воздействует на изменение рождаемости, или, что коэффициент g никак не вызывает изменение величины смертности, но влияние это – опосредованное, более слабое, чем непосредственное воздействие g на рождаемость и γ на смертность.

Если прибегать к метафоре, то экологическую нишу общества имеет смысл представлять в виде «сот». Тогда e^g есть не что иное, как скорость, с которой происходит создание новых ячеек экологической ниши и насыщение их энергией, обеспечивающей органический метаболизм индивидов, составляющих общество, а e^γ – скорость насыщения энергией всех ячеек экологической ниши для обеспечения воспроизводства культурных форм, в которых осуществляется органический метаболизм. Иначе говоря, – расширение и углубление экологической ниши общества. Однако следует заметить: если g носит отрицательное значение, то это означает откладывание населением своего репродуктивного поведения «на будущее», и тогда экономические потоки получают направленность на сохранение и расширенное воспроизводство культурных форм органического метаболизма. Напротив, отрицательное значение коэффициента γ означает снижение качества жизни и усиление самоэксплуатации населения через использование дополнительных источников обеспечения. Конечно, отрицательное значение коэффициента γ (а значит, чаще всего – положительное значение коэффициента g) может возникать и в силу действия демографической волны, когда большее по численности поколение, достигая половозрелого возраста, производит на свет большее количество детей. В этом случае коэффициент g вбирает в себя значение γ , и новые ячейки экологической ниши создаются за счет отрицательного значения коэффициента γ , т. е. происходит снижение требований к культурным формам жизнедеятельности и откладывание «на потом» их удовлетворения.

В то же время и создание и разрушение ячеек экологической ниши представляет собой совершенную обществом работу, т. е. затраченную энергию, а она должна быть восполнена удовлетворением витальных потребностей социальных индивидов в культурных формах, принятых в данном сообществе. В виду этого введем понятие совокупности потребленных стоимостей (СПС), изменение которой (Δ СПС) представляет собой сумму коэффициентов g и γ , взятых в их абсолютном значении (Δ СПС = $\pm(|g| + |\gamma|)$). Соответственно возникает возможность сопоставить понятие совокупности потребленных стоимостей с понятием валового внутреннего продукта (ВВП). Различие их состоит в том, что понятие валового внутреннего продукта охватывает всю сумму товаров и услуг, произведенных за определенный период времени (Kuznets, 1926), а совокупность потребленных стоимостей – весь объем ценностей, потребленных в целях расширенного воспроизводства общества.

При этом приращение валового внутреннего продукта (Δ ВВП), поскольку оно представлено в долях от единицы, за которую принят ВВП предыдущего года, сопоставимо с изменением совокупности потребленных стоимостей (Δ СПС), так как она также исчислима в долях от единицы. В закрытой социальной системе

$\Delta ВВП = \Delta СПС$, но в открытой социальной системе это экономическое равенство не соблюдается (Лукичев, 2015). Данный подход дает возможность ввести следующие положения.

Позитивное значение $\Delta СПС$ означает, что во внутренний оборот дополнительно вводятся средства в виде кредитов или ранее сделанных банковских вкладов, т. е. в виде монетизированного продукта запаса. Напротив, негативное значение $\Delta СПС$ показывает, что из обращения внутри страны выведены финансовые средства, превращаемые в монетизированный продукт запаса или инвестируемые в экономику других стран.

В результате получается так, что, если $\Delta СПС > \Delta ВВП$, то, значит, в ВВП не были включены средства, введенные во внутренний оборот, и совершенные вне учета налоговой службой работы и услуги. *Viceversa*, если $\Delta СПС < \Delta ВВП$, то наблюдается вывоз капиталов и/или их вывод из обращения внутри страны.

Значение коэффициента g устанавливается как разность коэффициента расширения экологической ниши популяции (q), определяемого с использованием модифицированной формулы Ферхюльста через предыдущий и последующий коэффициенты прироста населения и натуральный логарифм «второй константы социальной стабильности» (C_2):

$$g = q - \gamma;$$

$$q = k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2 - k_1},$$

где k_0 – коэффициент прироста населения в предыдущем году t_0 ;

k_1 – коэффициент прироста населения в следующем году t_1 .

Таким образом, становится возможным определять критическое значение $\Delta СПС_{\text{критич.}}$, при котором коэффициент прироста населения в следующем году t_1 будет равен нулю. Соответственно, при $\Delta СПС > \Delta СПС_{\text{критич.}}$. Коэффициент прироста населения в следующем году t_1 будет иметь положительное значение, а при $\Delta СПС < \Delta СПС_{\text{критич.}}$ – отрицательное. Поэтому

$$\Delta СПС_{\text{критич.}} = k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} - 2\gamma_1,$$

или

$$\Delta СПС_{\text{критич.}} = 2\gamma_1 - \left(k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} \right).$$

То же самое относится и к приращению валового внутреннего продукта ($\Delta ВВП$), которое также может оцениваться через $\Delta ВВП_{\text{критич.}}$, условно считая, что $\Delta СПС$ равно состоит из коэффициентов g и γ ($g_{\text{расчет.}} = \gamma_{\text{расчет.}}$) и $\Delta ВВП = \Delta СПС = g_{\text{расчет.}} + \gamma_{\text{расчет.}} = 2\gamma_{\text{расчет.}}$, поэтому:

$$\Delta ВВП_{\text{критич.}} = k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} - \Delta ВВП,$$

либо

$$\Delta ВВП_{\text{критич.}} = \Delta ВВП - \left(k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} \right).$$

Таблица 1

Сопоставление данных по Δ ВВП и Δ СПС

Год	Δ ВВП в % ¹	Δ ВВП _{крит.} в %	Δ СПС в %	Δ СПС _{крит.} в %	q_1 в долях от «1»	γ_1 в долях от «1»	k^2
1990	- 2,8	-2,31	-4,5	-5,03	0,00005067	0,02270428	0,0022
1991	- 4,9	-4,62	-8,8	-8,95	-0,0011842	0,04333111	0,0007
1992	- 14,5	-14,41	- 5,8	-5,49	-0,0042429	0,02700205	-0,0015
1993	- 8,8	-8,61	4,8	5,92	-0,0095360	-0,0286479	-0,0051
1994	- 14,9	-14,27	9,8	11,14	-0,0073208	-0,0525388	-0,0061
1995	- 1,6	-2,35	- 8,4	-7,10	-0,0052123	0,03927318	-0,0057
1996	- 3,5	-4,20	- 10,4	-9,25	-0,0048115	0,04977193	-0,0053
1997	1,4	0,75	-7,5	-6,37	-0,0048554	0,03511088	-0,0051
1998	- 5,3	-5,93	0,9	1,97	-0,0044323	-0,0067037	-0,0048
1999	6,4	7,23	2,2	3,66	-0,0083533	-0,0153336	-0,0064
2000	10,0	10,68	8,0	9,43	-0,0068433	-0,0432463	-0,0066
2001	5,1	4,29	4,5	6,00	-0,0066000	-0,0259386	-0,0066
2002	4,7	3,89	10,3	11,72	-0,0063784	- 0,0546207	-0,0065
2003	7,2	5,10	5,4	6,74	-0,0058349	- 0,0297109	-0,0062
2004	7,2	6,44	-1,3	-0,09	-0,0048684	0,00429884	-0,0056
2005	6,4	5,71	-1,7	-0,42	-0,0062660	0,00557393	-0,0059
2006	7,7	6,97	-6,3	-5,23	-0,0034557	0,02979973	-0,0048
2007	8,1	7,51	5,1	5,83	-0,0014573	-0,0261868	-0,0033
2008	5,2	4,79	4,9	5,47	-0,0015126	-0,0253046	-0,0025
2009	- 7,8	-8,36	-0,6	-0,16	-0,0009334	0,00237498	-0,0018
2010	4,0	3,78	2,5	2,53	-0,0015760	-0,0115317	-0,0017
2011	4,2	3,99	-4,3	-4,14	0,0000938	0,02175862	-0,0009
2012	3,4	3,40	3,4	3,40	0,0011218	-0,0164402	0
2013	1,3	1,30	-2,41	-2,41	0,0004499	0,01225716	0,0002
2014	0,7	0,67	1,6	1,50	0,0002	-0,0076266	0,0002
2015	-2,8	-2,84	-0,7	-0,79	0,0004250	0,0038206	0,0003
2016	-0,2	-0,13	-3,95	-3,94	-0,00039735	0,01953187	-0,00001
2017	1,8	1,80	-15,5	-15,31	-0,0020094	0,07655501	-0,0009
2018	-2,8	-2,69	-4,7	-4,33	-0,0024697	0,02220739	- 0,0016
2019	-2,0	-1,80	-9,4	-8,87	-0,0029435	0,04533516	- 0,0022
2020	-3,1	-2,39	13,6	14,67	-0,00777868	-0,0719756	-0,0047
2021	4,7	4,12	13,0	14,57	-0,01024773	-0,0699360	-0,0072

Анализ данной таблицы дает возможность определить некоторые закономерности. Причем таблица охватывает период от 1990 года, когда Российская Федерация перешла к расчету ВВП, принятому на уровне мировой экономики, до 2021 года, т. е. период в 32 года. Это достаточное количество «опытов» для выявления закона рас-

¹ ВВП России по годам: 1991–2021. Объем и динамика: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/>.

² Смертность и рождаемость в России по годам: <http://gogov.ru/articles/natural-increase>.

пределения вероятностей, а по аналогии можно сказать, что и некоторых закономерностей. В частности:

очевидно, что динамической закономерностью, вытекающей, по сути, из самих формул, является зависимость:

1. Если $\Delta\text{СПС} > \Delta\text{СПС}_{\text{крит.}}$, то коэффициент прироста населения будет положительным, если $\Delta\text{СПС} < \Delta\text{СПС}_{\text{крит.}}$, коэффициент прироста населения будет отрицательным;

статистическими закономерностями, проявляемыми на этом отрезке времени, где коэффициент прироста населения по большей части отрицательный, являются следующие связи (вероятно, при положительном приросте населения эти связи могут проявлять себя иначе):

2. Если $q > 0$ и $\gamma > 0$, то $\Delta\text{СПС} < 0$;
3. Если $q < 0$ и $\gamma < 0$, то $\Delta\text{СПС} > 0$;
4. Если $q > 0$, а $\gamma < 0$, то $\Delta\text{СПС} > 0$;
5. Если $q < 0$, а $\gamma > 0$, то $\Delta\text{СПС} < 0$;

а также

6. Если $\Delta\text{ВВП} > \Delta\text{ВВП}_{\text{крит.}}$, то $k_1 > k_0$;
7. Если $\Delta\text{ВВП} < \Delta\text{ВВП}_{\text{крит.}}$, то $k_1 < k_0$.

Последняя закономерность может нарушаться в результате неожиданного вмешательства непредвиденного фактора или сознательного искажения реальности. В частности, в 2005 году прирост ВВП определен Росстатом как положительный, причем в этом случае $\Delta\text{ВВП} > \Delta\text{ВВП}_{\text{крит.}}$, но $k_{2005} < k_{2004}$. Это заставляет поставить вопрос о правильности определения Росстатом прироста ВВП, т. к., если $\Delta\text{ВВП}_{2005} = -6,4\%$ и $\Delta\text{ВВП}_{\text{крит.}} = -5,71\%$, то тогда действительно $k_{2005} < k_{2004}$. Нарушение закономерности наблюдается также в 2021 году, по всей видимости, это является следствием пандемии и резкого возрастания смертности (если, конечно, прирост ВВП действительно положительный). Данные закономерности могут в последующем уточняться, хотя суть вряд ли уже изменится.

Таким образом, приведенные индикаторы плотно связаны друг с другом, что дает возможность для уточнения их значений при сопоставлении. С другой стороны, появляется возможность как долгосрочных (Лукичев, Герасимов, Дятлов, 2019), так и краткосрочных прогнозов «естественного движения населения» (Лукичев, 2021). Наконец, построенная математическая модель своими результатами подтверждает правильность теоретических подходов к пониманию природы человеческих потребностей и их культурных форм, а также и видения вопросов политической экономии.

Заключение

Отмеченные несовершенства теории К. Маркса ни в коей мере нельзя поставить в вину самому К. Марксу. Глубокий мыслитель, по любому, был человеком своего времени, а на тот момент не существовало понимания химической составляющей физиологических процессов биологических организмов, да и номенклатуры химических элементов еще не было. Соответственно человеческие потребности не представлялись как имеющие культурную оболочку, но как некое динамичное целое, возрастающее постоянно по мере роста производительных сил общества. Культур-антропологический методологический подход интеракционизма позволяет анализировать их как статичную систему витальных потребностей, по сути, в совокупности как органический метаболизм, осуществление которого происходит в культурных формах, принятых в данном обществе и в данное время сообразно достигнутому уровню развития экономики.

С другой стороны, на момент создания К. Марксом теории политической экономии понятие «энергии» в физике еще не употреблялось так, как это вошло в язык

науки в конце XIX – начале XX века, а понятие «работы», хотя уже и использовавшееся, имело вид, связанный с действующими силами, но без привязки к энергетической стороне физических процессов. В силу этого «труд» и «работа» как понятия имели гуманитарный, философский смысл, не соотносимый с естественнонаучным содержанием. Преодоление этого разрыва, а он является необходимым для единообразия научной лексики, заставляет по-новому, иначе, чем это делалось в классической и марксистской политической экономии, рассматривать такие категории, как «прибавочный продукт», «прибавочный труд», «прибавочная (прибавленная, добавленная и пр. – автор) стоимость». Они отражают, как следует полагать, то, что можно назвать «культурной рентой», взимаемой вследствие различия культурных форм жизнеобеспечения и результата труда, большая часть которого, за вычетом энергетических затрат самих акторов производства, представляет собою дар природных сил и человеческого интеллекта, направившего их действие на производство востребованной продукции («полезных стоимостей»).

Критика концепции Мальтуса, шедшая с разных сторон, но с одной – гуманистической позиции, привела к игнорированию работ тех ученых, которые пытались анализировать демографические процессы с применением математических методов, в частности были проигнорированы и на долгое время забыты размышления Ферхюльста. Модификация формулы Ферхюльста с допущением изменения объема экологической ниши популяции под влиянием трудовых и интеллектуальных усилий человеческого общества приводит к установлению плотной связи между приростом валового внутреннего продукта и коэффициентом прироста населения. Однако связь эта не является прямолинейной и однонаправленной, так как значительную часть коэффициента изменения объема экологической ниши обеспечивает ее «углубление» вследствие энергетического насыщения культурных форм жизнедеятельности социальных индивидов. Математическая модель этой связи на статистическом материале верифицирует приведенные теоретические построения.

Литература

- Алексеев, В. П. (1985). Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль, 236.
- Данилова, Н. Н., Крылова, А. Л. (1989). Физиология высшей нервной деятельности. М.: МГУ, 399.
- Лукичев, П. Н. (2015). Модель воздействия фактора прироста ВВП на естественное движение населения. *Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе: сборник научных статей: материалы IX Международной научной конференции*, 9. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 25–48.
- Лукичев, П. Н. (2017). Общая теория социальной динамики: Основания и начала анализа. Изд. 2-е. М.: РУСАЙНС, 324.
- Лукичев, П. Н., Герасимов Г. И., Дятлов А. В. (2019). Демографическая динамика и стадии экономического роста. *Научный результат. Социология и управление*, 5(3), 20–36.
- Лукичев, П. Н. (2020). Междисциплинарные методологические подходы к анализу факторного пространства социальных конфликтов. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 184.
- Лукичев, П. Н. (2021). Методика краткосрочного прогнозирования естественного движения населения. *Актуальные проблемы воспитания в образовательной среде: IV международная междисциплинарная научно-практическая конференция*. Новочеркасск: Лик, 62–71.
- Малиновский, Бр. (1997). Функциональный анализ. Антология исследования культуры. 1, Интерпретации культуры. СПб: Университетская книга, 654–702.
- Мальтус, Т. Р. (1993). Опыт о законе народонаселения. Петрозаводск: Петроком, 136.
- Маркс, К. (1975). Капитал. Критика политической экономии. Под ред. Ф. Энгельса. Т. III, кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. II. М.: Политиздат.
- Пайтген, Х.-О., Рихтер, П. Х. (1993). Красота фракталов: Образы комплексных динамических систем: Пер. с англ. М.: Мир, 176.
- Смит, А. (1962). Исследование о природе и причинах богатства народов [Вступ. статья и коммент. канд. экон. наук В. С. Афанасьева]. М.: Соцэкгиз.

- Холлифорд, С., Уиддет, С. (2008). Мотивация: Практическое руководство для менеджеров: Пер с англ. ООО «Пароль». М.: ГИППО, 341.
- Kuznets, S. (1926). *Cyclical Fluctuation: Retail and Wholesale Trade, United States 1919-1926*. New York.
- Malinovsky, Br. (1944). *The Functional Theory. Scientific Theory of Culture, and Other Essay*. Chapel Hill, 147–176.
- Marx, K., Engels, F. (1969). *Die deutsche Ideologie. Werke, Band 3*. Berlin/DDR: Dietz Verlag.
- Maslow, A. H. (1954). *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row, 399.
- White, L. A. (1959). *The Concept of Culture. American Anthropologist*, 61. Wash, 227-251.
- ВВП России по годам: 1991—2021. Объем и динамика. Режим доступа: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/>
- Смертность и рождаемость в России по годам. Режим доступа: <http://gogov.ru/articles/natural-increase>

References

- Alexeev, V. P. (1985). *Geographical foci of the formation of human races*. Moscow: Mysl.
- Danilova, N. N., Krylova, A. L. (1989). *Physiology of higher nervous activity*. Moscow: Moscow State University.
- Holliford, S., Uiddet, S. (2008). *Motivation: A Practical Guide for Managers*. Moscow: GIPPO.
- Kuznets, S. (1926). *Cyclical Fluctuation: Retail and Wholesale Trade, United States 1919-1926*. New York.
- Lukichev, P. N. (2015). A model of the impact of the GDP growth factor on the natural movement of the population. *In Conflicts and security in a transforming society: Materials of the IX International Scientific Conference*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press.
- Lukichev, P. N. (2017). *General theory of social dynamics: Foundations and beginnings of analysis*. 2nd ed. Moscow: RUSAINS.
- Lukichev, P. N., Gerasimov G. I., Dyatlov, A. V. (2019). *Demographic dynamics and stages of economic growth*. Scientific result. *Sociology and Management*, 3, 20–36.
- Lukichev, P. N. (2020). *Interdisciplinary methodological approaches to the analysis of the factor space of social conflicts*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press.
- Lukichev, P. N. (2021). *Methodology of short-term forecasting of natural population movement. In Actual problems of upbringing in the educational environment: IV International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference*. Novocherkassk: Lik.
- Malinovsky Br. (1944). *The Functional Theory. In Scientific Theory of Culture, and Other Essay*. Chapel Hill, 1944.
- Malinovsky, Br. (1997). *Functional analysis. In Anthology of Culture Research. 1, Interpretations of the culture*. Saint Petersburg.: Universitetskaya kniga.
- Malthus, T. P. (1993). *The Essay of the Population Principle*. Petrosavodsk: Perokom.
- Marx, K., Engels F. (1969). *Die deutsche Ideologie. In Werke, Band 3*. Berlin/DDR: Dietz Verlag.
- Marx, K. (1975). *Capital. Criticism of political economy. In F. Engels. V. III, B. III. The process of capitalist production taken as a whole. Part II*. Moscow: Politizdat.
- Maslow, A. H. (1954). *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row.
- Peitgen, H.-O, Richter, P. H. (1993). *The Beauty of Fractals: Images of Complex Dynamical Systems*. Moscow: Mir.
- Smith, A. (1962). *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Socekgiz.
- White, L.A. (1959). *The Concept of Culture. In American Anthropologist*, 61. Wash.
- Russia's GDP by year: 1991–2021. Volume and dynamics. Available at: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/>.
- Mortality and fertility in Russia by year. Available at: <http://gogov.ru/articles/natural-increase>.

Дата получения рукописи: 20.09.2022

Дата окончания рецензирования: 09.10.2022

Дата принятия к публикации: 15.11.2022

Информация об авторе

Лукичев Павел Николаевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: lukichev@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Lukichev Pavel Nikolaevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Conflictology and National Security, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: lukichev@inbox.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.347

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.3

EDN MQXQCN

Демаркация идентичности: проблема сохранения суверенитета индивида в цифровом пространстве**Вера И. Немчина¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: nemchina@sfnu.ru**Аннотация**

Введение. В цифровую эпоху индивид становится носителем и жертвой амбивалентной и лабильной индивидуальной идентичности: идентичности реальной как выражения собственной индивидуальности, включающей личностную, групповую, профессиональную, гендерную, этническую, гражданскую, и идентичности виртуальной как пользователя информационного ресурса с индивидуальным цифровым кодом. Сегодня формируется всеобщая эпоха активной имитации реальной жизни, конструирования анонимного индивида, основанных на тотальном апгрейде его идентификационных кодов.

Теоретические основы исследования. На основе выделения и анализа индивидуальной идентичности в цифровом пространстве была осуществлена концептуализация различных подходов в характеристике идентичности. Она выражается в том, что ситуативный подход характеризует теоретическую конструкцию, описывающую способность человека формировать свою идентичность в различных ситуациях и ради сохранения своей индивидуальности отклоняться от общих норм группового поведения; интерсубъективный подход дает определение уникального места индивида, его осознание как следствие интериоризации в существующей символической организации группы; структурно-функциональный подход эксплицирует фиксируемую совокупность атрибуций индивида, в число которых входят его личные черты, функциональные признаки и мотивационная структура.

Результаты и их обсуждение. В цифровой среде воспроизводятся идентификационные конструкты индивида как некоторые инструментальные матрицы или своеобразные операциональные модели повседневной и социальной коммуникации, модели взаимоотношений и взаимосвязей в множественности социальных миров. При этом, отражая социальную реальность, индивид формирует свое отношение к ней согласно идентификационному конструкту, а, реализуя по этим матрицам и моделям свои действия, индивид творит часть самой реальности, меняет ее, трансформирует. Учитывая, что идентификационный конструкт может быть целенаправленно формируемым или непроизвольно возникающим способом отражения доминирующей над индивидом реальности, можно представить его в виде прагматично-целевого результата прямого воздействия на субъекта искусственно сконструированной среды (манипуляция), или как следствие рационального отношения к социальной реальности в виде продукта социальных переживаний и социальных чувств, детерминированных принципами и правилами доминирующей реальности.

Ключевые слова: идентификационный конструкт; амбивалентность идентичности; социальная ригидность личности; симулякры и симуляции; виртуальная идентичность; цифровая повседневность; множественность социальности; эффект коловратности идентификации.

Для цитирования: Немчина В. И. (2022). Демаркация идентичности: проблема сохранения суверенитета индивида в цифровом пространстве. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 37–44. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.3>

Identity demarcation: the problem of preserving the sovereignty of the individual in the digital space**Vera I. Nemchina¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: nemchina@sfnu.ru**Abstract**

Introduction. In the digital age, the individual becomes the bearer and victim of an ambivalent and labile individual identity: a real identity, as an expression of one's own individuality, including personal, group,

professional, gender, ethnic, civil, and a virtual identity, as a user of an information resource with an individual digital code. Today, a universal era of active imitation of real life is being formed, the construction of an anonymous individual based on a total upgrade of his identification codes.

Theoretical basis of the study. Based on the identification and analysis of individual identity in the digital space, the conceptualization of various approaches to characterizing identity was carried out. It is expressed in the fact that the situational approach characterizes a theoretical construction that describes the ability of a person to form his identity in various situations and, in order to preserve his individuality, deviate from the general norms of group behavior; the intersubjective approach defines the unique place of the individual, his awareness as a consequence of internalization in the existing symbolic organization of the group; the structural-functional approach explicates a fixed set of attributions of an individual, which include his personal traits, functional characteristics and motivational structure.

Results and its discussion. In the digital environment, the identification constructs of the individual are reproduced as some instrumental matrices or original operational models of everyday and social communication, models of relationships and interconnections in the plurality of social worlds. At the same time, reflecting social reality, the individual forms his attitude towards it according to the identification construct, and realizing his actions according to these matrices and models, the individual creates a part of reality itself, changes it, transforms it. Considering that an identification construct can be a purposefully formed or involuntarily emerging way of reflecting the reality that dominates an individual, it can be represented as a pragmatic-target result of a direct impact on the subject of an artificially constructed environment (manipulation), or as a consequence of a rational attitude to social reality in the form of a product of social experiences and social feelings determined by the principles and rules of the dominant reality.

Keywords: identification construct; ambivalence of identity; social rigidity of the individual; simulacra and simulations; virtual identity; digital everyday life; plurality of sociality; the effect of rotation of identification.

For citation: Nemchina V. I. Identity demarcation: the problem of preserving the sovereignty of the individual in the digital space. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 37–44. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.3>

Введение

Сегодня, безусловно, можно констатировать, что «произошло переструктурирование всего социального пространства и всей системы общественных отношений, что имеет своим следствием и переструктурирование механизмов идентификации. Соответственно, то, что учеными называется «ломкой идентичности», «конфликтом идентичностей» или «кризисом идентичности», является отражением процесса массовой социальной и личностной дезориентации, которая выражается в тех формах, которые были приведены выше, а также в следующем» (Немчина, 2018, 110):

- социальный мир изменился, как отмечает А. Ю. Хамнаева, поэтому изменилась его социальная динамика, и это стало основанием изменения идентичности (Хамнаева, 2007);
- редуцирована функция современного общества как целостной системы и устойчивой структуры, которая обеспечивает индивиду целостность и устойчивость в формате безопасного существования;
- непредсказуемость и неопределенность общества как детерминанта повседневности определила непредсказуемый и неопределенный характер идентичности, что часто находит выражение во взаимоисключающих ценностных основаниях и самоопределениях индивида в разных коммуникативных пространствах;
- ценностная деформация многоуровневого социокультурного пространства трансформировало основу индивидуального самопознания и самоопределения, разорвало социокультурные связи;
- девальвировались культурные коды, которые давали возможность посредством воспитания, социализации, образования приобретать одобряемый социальный статус индивиду через приобщение к культуре;
- многоформатность модусов (форм презентации) идентичности, которая базируется на противоречивых основаниях, определяющих невозможность внешней социальной оценки идентичности человека;

- возникновение новых идентификационных модусов, которые не связаны с образованием и культурой, но при этом дают возможность приобретения высокого социального статуса;
- сегментированная идентичность индивида стала определяться принадлежностью индивида тому или иному социальному сегменту, полю социальных отношений;
- доминирование коллективного формата идентичности над индивидуальным как референтно-группового, в зависимости от вхождения его в ту или иную устойчивую референтную группу.

Теоретическое обоснование

По мнению А. Жаде, Е. С. Куква, С. А. Ляушевой и А. Ю. Шадже (Жаде, Куква, Ляушева, Шадже, 2006), динамика идентичности не сводится к линейному движению от естественной (природной) идентичности к идентичности в изменяющемся мире. «Структура и характер идентичности, по мнению указанных исследователей, определяется ролью тех или иных компонентов, входящих в нее. Соответственно этому, авторы характеризуют многоуровневую российскую идентичность как иерархически структурированную и представленную следующими уровнями: этническая, региональная, национальная, геополитическая и цивилизационная» (Немчина, 2018, 111).

Обоснованным такой подход можно принять, но лишь с одной оговоркой: данная иерархия выражает только вертикальный срез идентичности и оставляет без внимания ее горизонтальный срез, а, ведь, именно на этом уровне живет и действует конкретный индивид. Представляется необходимым дополнить эту конструкцию именно таким подходом.

Когда мы говорим об идентичности индивида, то акцентируем внимание, прежде всего, на личностной и социальной характеристиках. Многие исследователи, например, И. П. Ильин, избегают термина «личностный», чтобы в своем дискурсе не входить в область социальной психологии и психологии личности и связанные с нею идентификационные механизмы. Они предпочитают говорить о персональной идентичности (Ильин, 1998). И это измерение идентичности имеет горизонтальные и вертикальные измерения. Под горизонтальным измерением имеется в виду включенность персоны-индивида в различные социальные группы. То, что индивид может принадлежать к самым разным социальным группам, и большим, и малым, характеризует то, что многоярусное социальное пространство является социальным полем, на котором «произрастают» различные идентичности, в том числе и такие разнопорядковые идентичности, как гражданско-государственная, историческая, цивилизационная, являющиеся выражением вертикального измерения идентичности.

В характеристике идентичности современного российского общества мы исходим из того, что для экспликативного анализа целесообразно выделять следующие группы идентичностей:

1. Базовые идентичности.
2. Характерологические видофикации базовых идентичностей.
3. Процессуальные состояния характерологических видофикаций базовых идентичностей.

Базовыми идентичностями выступают следующие идентичности, которые можно назвать субстанцией (основой всякой идентичности): индивидуальная идентичность – коллективная идентичность – социальная идентичность.

Характерологическими видофикациями индивидуальной идентичности являются следующие: личностная (персональная) идентичность, гендерная идентичность, демографическая идентичность и профессиональная идентичность.

Характерологическими видофикациями коллективной идентичности являются следующие: групповая идентичность и этническая идентичность, подвидами которых являются профессионально-групповая идентичность, культурно-групповая идентичность, гендерно-демографическая групповая идентичность, этнокультурная идентичность, ритуально-групповая идентичность, мобилизационно-групповая идентичность.

Характерологическими видофикациями социальной идентичности являются следующие: национальная идентичность, государственная идентичность, подвидами которых являются территориальная и региональная идентичность, цивилизационная идентичность, геополитическая идентичность и такие разновидности социальной идентичности, как социокультурная, политическая, экономическая и историческая.

Процессуальные состояния базовых идентичностей как субстанции идентичностей и их характерологических видофикаций назовем акциденциями идентичностей как обозначающее несущественные, случайно появляющиеся (т.е. связанные не с сущностью, а с внешними обстоятельствами) свойства явления или процесса.

Идентичность – родовое качество человека. Только человеку присущи самосознание, самооценка, самоотождествление и прочие атрибутивные качества. Именно поэтому в рамках социальной антропологии идентичность человека рассматривается как одно из базисных понятий. Для антропологического рассмотрения идентичности присущи две направленности: одна, отталкиваясь от перечисленных выше заданных параметров, ориентируется на исследование группообразования, другая – на особенности структурирования социального пространства.

Антропологический подход к рассмотрению идентичности представлен в работах М. Бубера, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Мид, Ж.-П. Сартра, У. Джеймса, Э. Фромма, М. Шелера, М. Фуко, М. Хайдеггера, К. Ясперса и других авторов. Для данного подхода характерно рассмотрение идентичности как сущностной черты природы человека вообще.

Предмет такого рассмотрения – именно природа человека. В таком разрезе обычно элиминируются какие-то индивидуально-личностные характеристики субъекта, мотивы его действий, психотип, эмоциональная и когнитивная сферы личности. Они подразумеваются как уже имеющиеся, как заданные, как некий устойчивый параметр субъекта.

Среди отечественных авторов, использующих данную парадигму, можно выделить работы Е. П. Белинской, В. С. Михайлова, А. Е. Жичкиной, М. В. Шакуровой, Н. Л. Ивановой и других авторов. Среди главных проблем, которые рассматриваются представителями данного направления, нужно выделить следующие: экспликация качеств и отношений субъекта в определенном континууме (сегменте социальных практик, коммуникативном пространстве, информационном пространстве и т.д.), формы и способы реализации субъекта в этом пространстве; осмысление субъектом себя в этом пространстве.

Подобный подход «нащупал» больше количество задач и нерешенных проблем, дилемм и противоречий, к числу которых можно отнести дилемму самоотождественности и «инаковости» в виртуальном мире, дуализм сущности индивида (самость и принадлежность социальной общности), противоречивый внутренний диалог индивида и его коммуникация с партнерами, механизмы самореализации, формы самоопределения, новые формы социальной и личностной рефлексии и т.д.

Идентичность в антропологическом разрезе, как отмечает В.И. Самохвалова, есть характеристика принадлежности индивида к группе людей на основе общности существования, функций, реализуемых в наличном бытии, общих черт, свойств, характеристик и целей существования, а также реально существующих норм и представлений о нормах (Самохвалова, 2009).

Такой отечественный исследователь, как П.С. Гуревич, считает, что есть и другая антропологическая сторона проблемы идентичности: человек стремится сравнить себя с какой-то групповой общностью, и через это сравнение глубже и всестороннее осмыслить и понять себя самого, выработать представление о себе самом (Гуревич, 2010).

Согласно представлениям Мартина Бубера, жизнь – это встреча «Я и Ты» и «Я–Он», при этом первая встреча есть диалог, а вторая – монолог (Бубер, 1995, 76). В диалоге другой воспринимается во всей своей специфической инаковости, цельности и уникальности, а в монологе имеет место объектное отношение использования. В любом случае, познание себя осуществляется через другого. М.Бубер тонко подметил специфические особенности идентификации – в этом формате различается идентичность человека как свободной личности и индивида, который руководствуется своей собственной волей, вернее – своеволием.

Свободная в самореализации личность реализует себя через равноправное отношение к другому как партнеру по диалогу, а несвободный индивид, являющийся заложником своего своеволия, реализует себя (усматривает свою идентичность) через монолог, т. е. навязывая себя другому или другим и используя внешний для него мир для реализации своих собственных своевольных целей. Для ведения диалога с другим в цифровой среде нужно не только отдать отчет о том, кем является другой (другом, врагом, партнером и т. д.), но и отдать себе отчет о себе самом.

Результаты и их обсуждение

В цифровую эпоху «индивид становится носителем и жертвой амбивалентной индивидуальной идентичности: идентичности как выражения собственной индивидуальности, включающей личностную, групповую, профессиональную, гендерную, этническую, гражданскую, которую можно назвать реальной идентичностью, и идентичность виртуальную – его индивидуальный цифровой адрес, идентичность как пользователя информационного ресурса» (Немчина, 2017, 148).

«Формируется всеобщая эпоха симуляции, активной имитации реальной жизни. Этот процесс, конечно же, не может не касаться и идентичности индивида. Его идентичность также представляет собой симулякр, как некий фантом, теряющий или уже потерявший всякую связь с реальностью. Симулякр, являясь иллюзией, хотя и цифровой иллюзией, сводит персональную идентичность к иррациональным ценностям и установкам и, соответственно, переносит границы адекватной социализации в иллюзорный нереальный формат, который апробируется в столь же подвижном пространстве виртуальности» (Немчина, 2017, 149).

Такая идентичность способствует развитию дезадаптивных стратегий личности в мире материального бытия и системы реальных социальных взаимодействий. А если учесть то, что симулякр является элементом цепочки аддиктивной зависимости индивида от ресурсов иллюзорной реальности, то это скорее способствует деструктивным элементам в идентификационном процессе.

Подмена в виде симуляции базовой реальности иллюзорными симулякрами и симуляций – процесс, который стал реальностью. Размываются не только границы между реальностью и иллюзией, размываются и еще более значимые границы.

Цифровой мир создает свой порядок, свои нормы поведения, свою мораль, свои компетентности и значимости. Это все можно назвать инфоэтическими проблемами бытия в цифровой реальности. Сопоставление реального мира и мира цифрового, а также размежевание современного общества относительно информационного капитала (как капитал или как механизм манипуляции), создание двух несоприкасающихся миров со своими ценностями и своей свободой доступа и практиками использования информационных ресурсов приводит к умножению, к плюрализации миров.

Все эти миры порождаются реальностями информационного общества, и все эти миры являются социальностями. Возникает феномен множественности социальности. Соответственно этому, возникает эффект коловратности идентификации в этих мирах.

Когда реальный мир подменяется иллюзорным миром, информация, получаемая индивидом в цифровом пространстве, не требует творческой оценки, ценностного предпочтения и выбора, а является лишь формой утилитарного, прагматического или гедонистического потребления, когда реальные ценности подменяются симулякрами, то и сам индивид тоже становится своеобразным симулякром. Идентичность в таком отношении становится, как отмечает Е. О. Труфанова, непроходимым лабиринтом (Труфанова, 2010).

При всех прочих особенностях информационно-коммуникационный обмен и коммуникативное взаимодействие в цифровом пространстве утрачивают практически все невербальные средства передачи информации, чувств, эмоций, образности, эмоциональности. Такая коммуникация, как отмечают В. И. Кокшарова, Н. В. Рейнгардт О. В. Тихонов (Кокшарова, Никифоров, 2013; Рейнгардт, 2006; Тихонов, 2013), частично компенсирует эту потерю различными визуальными, символическими и графическими средствами выражения своих чувств.

В цифровом пространстве акторы коммуникации создают себе так называемые виртуальные имиджи, которые являются выражением их «виртуальной личности». Это является, так сказать, внешним выражением трансформации персональной идентичности в виртуальной среде. И здесь актуальным является вопрос о том, насколько реальная идентичность индивида совпадает или расходится с виртуальной идентичностью. То, как называет себя актер виртуальной коммуникации, отмечает И. Рейд, характеризует его самопрезентацию в цифровой коммуникации (Reid, 1994). В этом плане возникает целый спектр проблем, характеризующих персональную идентичность в виртуальной реальности.

Это, прежде всего, проблема соотношения реального «Я» и виртуального «Я». Другая проблема – это то, какие характеристики реальной личности являются основанием для конструирования его виртуального «Я». Третья проблема – на каких ценностных основаниях выбираются те или иные черты виртуального «Я». Существует множество самых разных версий. Одна из них связана со степенью социальной ригидности личности, в частности, с так называемой, ролевой ригидностью (индивид идентифицирует себя с исполнителем некоторого репертуара ролей) и с диспозиционной ригидностью (индивид в своей идентичности руководствуется достаточно жесткими установками). Для цифровой коммуникации оба ригидных репертуара характеризуются тем, что индивид идентифицирует себя не столько с ценностями какой-то определенной устойчивой социальной группы (как это имеет место в реальности), а с достаточно широким спектром сообществ, в данном случае – сетевых сообществ, с которыми он находится в контакте. Это означает, что в формировании идентичности индивида в виртуальной реальности участвует множество референт-

ных групп, в связи с чем идентичность индивида становится амбивалентной, ее границы прозрачными, а аксиологические основания лабильными.

Таким образом воспроизводятся идентификационные конструкты индивида в цифровой среде как некоторые специфические матрицы или своеобразные операциональные модели суждений и оценок, предназначенные для выражения отношения к тем ситуациям, которые возникают в процесс идентификации. Это также модели повседневной и социальной коммуникации, модели взаимоотношений и взаимосвязей. И совершенно нетривиальным является вопрос: если мы действуем согласно этим моделям (общаемся, создаем коммуникативный континуум, социализируемся и адаптируемся к социальной действительности), тогда мы ведь вносим в социальный мир и социальный порядок, новые социальные практики коммуникации и взаимоотношений. А создавая социальные практики и реализуя их в действительности, мы создаем какой-то сегмент социальной реальности.

Поэтому, с одной стороны, отражая социальную реальность, мы конструируем свое отношение к ней в виде идентификационного конструкта, отраженного в наборе социальных маркеров и матриц поведения и действия, а с другой стороны, реализуя по этим маркерам и матрицам свои действия, мы творим часть социальной реальности, меняем ее, трансформируем. Получается, что социальные реальности – это искусственные, то есть созданные людьми абстрактные образования. Их продуктивная и инструментальная функция заключается в том, что они выступают своеобразными идеальными моделями, и данные модели предназначены для отражения того, что именно представляется как реальность. При этом идентификационный конструкт индивида может быть целенаправленно формируемым или непроизвольно возникающим способом отражения доминирующей над ним реальности. Он может быть прагматично-целевым результатом прямого воздействия на субъекта (например, манипуляция), а может быть следствием рационального отношения к социальной реальности в виде отражения ее в понятиях и принципах и продуктом социальных переживаний и социальных чувств, сформированных также искусственно сконструированной средой. Амбивалентность множившихся реальностей и идентификационного конструкта делает прозрачными и неустойчивыми личные границы индивида и порождает когнитивный диссонанс.

Литература

- Бубер, М. (1995). Два образа веры. М.: Издательство «Республика», 78.
- Гуревич П.С. (2010). Проблема идентичности человека в философской антропологии. *Вопросы социальной теории*, 4, 64-78.
- Жаде З. А., Куква Е. С., Ляшова С. А., Шадже А. Ю. (2006). Многоуровневая идентичность М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 241.
- Ильин, И. П. (1998). Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. Москва: *Интрада*, 77-78.
- Немчина, В.И. (2018). Многоуровневая структура современной идентичности: проблема демаркации социальности. *Социально-гуманитарные знания*, 7, 110-116.
- Немчина, В. И. (2017). Идентичность индивида в социальных интернет-практиках. *Философия права*, 1 (80), 128-132.
- Радклифф-Браун, А. Р. (1997). Историческая и функциональная интерпретация культуры и практическое применение антропологии в управлении народами. *Антология исследований культуры*, 1, 34.
- Рейнгардт, Н. В. (2006). Трансформация идентичности человека в информационно-компьютерном мире. Автореф. Дисс. к. филос. н.: Курск.
- Самохвалова, В. И. (2009). К пониманию человека в его человеческой идентичности, *Полигнозис*, 2, 89-102.
- Тихонов, О. В. (2013). Трансформация феномена идентичности в пространстве сети Интернет: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Казань, 18.
- Труфанова, Е. О. (2008). Человек в лабиринте идентичностей. *Вопросы философии*, 2, 12-18.

Хамнаева, А. Ю. (2007). Характеристики идентичности в меняющемся мире. *Аналитика культурологии*, 7, 45-52.

Reid, E. (1994). Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Cultural Studies Program. Department of English. University of Melbourne, 1, 187-192.

Кокшарова, Е. И., Никифоров, О. Ю. (2006). Полиидентичность личности в виртуальном коммуникативном пространстве сети Интернет. Режим доступа: [http:// human.snauka.ru](http://human.snauka.ru).

References

Buber, M. (1995). Two Types of Fatih. Moscow: Publishing House "Respublica", 78.

Gurevich, P.S. (2010). The Problem of Human Identity in Philosophical Anthropology. *Voprosy socialnoj teorii*, 4, 64-78.

Ilyin, I.P. (1998). Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of the scientific myth. Moscow: *Intrada*, 77-78.

Khamnaeva, A. Yu. (2007). Characteristics of Identity in a Changing World. *Analytics of Culturology*, 7, 45-52.

Nemchina, V.I. (2018). Multi-level structure of modern identity: the problem of demarcation of sociality. *Social and humanitarian knowledge*, 7, 110-116.

Nemchina, V. I. (2017). Identity of the individual in social Internet practices. *Philosophy of law*, 1 (80), 128-132.

Radcliffe-Brown, A. R. (1997). Historical and functional interpretation of culture and practical use of anthropology for control over the aborigines. *Anthology of Cultural Studies*, 1, 34.

Reid, E. (1994). Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities / A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Cultural Studies Program. Department of English. University of Melbourne, 1, 187-192.

Reinhardt, N. W. (2006). Transformation of human identity in the information and computer world. Abstract for the dissertation: Kursk.

Samokhvalova, V. I. (2009). Toward an understanding of man in his human identity. *Polygnosis*. 2, 89-102.

Tikhonov, O. V. (2013). Transformation of the phenomenon of identity in the Internet space: abstract of the dissertation, Kazan, 18.

Trufanova, E. O. (2008). Man in the labyrinth of identities. *Questions of Philosophy*, 2, 12-18.

Zhade, Z. A., Kukva, E. S., Lyausheva, S. A., Shadje, A. Yu. (2006). Multilevel identity M.: Russian Philosophical Society; Maikop: LLC "Quality", 241.

Koksharova, E. I., Nikiforov, O. Yu. (2006). Polyidentity of a person in the virtual communicative space of the Internet. Available at: <http://human.snauka.ru>.

Дата получения рукописи: 15.10.2022

Дата окончания рецензирования: 02.11.2022

Дата принятия к публикации: 7.11.2022

Информация об авторе

Немчина Вера Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nemchina@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Nemchina Vera Ivanovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Regional and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nemchina@sfedu.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 316.42

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.4

EDN RCKAKI

**Гражданский неполитический активизм молодежи:
поворот к цифровым локальным практикам****Софья Б. Абрамова¹**¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Наталья Л. Антонова²²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

e-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Аннотация

Введение. Определяется актуальность темы через обоснование перехода гражданской активности молодежи в цифровую среду, что формирует новую цифровую гражданственность и определяет цифровое участие как принципиально новый формат гражданского самоопределения и активности молодежи.

Теоретическое обоснование. Рассматривается проблема перехода и взаимного дополнения гражданской активности в традиционном оффлайн и цифровом онлайн форматах. Показаны как преимущества цифрового активизма, так и противоречия, возникающие при его использовании, такие как недоверие эффективности, недостаточность ресурсов и т. д. Понимается вопрос локальной определенности взаимодействия онлайн и оффлайн форм активизма, связанной с культурными, политическими и иными условиями. Выдвигается положение о локальном активизме как начальной стадии включения молодежи в гражданские практики, а использование цифровых технологий – как наиболее понятный способ для молодого поколения.

Методы. Эмпирические данные получены в ходе социологического опроса в рамках разведывательной стратегии с использованием глубинных интервью. Информантами выступили 14 жителей Екатеринбурга в возрасте 18-25 лет.

Результаты и их обсуждение.

Результаты исследования позволили показать преобладание неполитических форм гражданской активности молодежи. Репертуар гражданского участия имеет расширенный характер, однако преимущественно связан с решением социально значимых проблем на локальном уровне. Показана роль социальных сетей и блоггерства как механизмов мобилизации гражданской позиции и активности молодежи. Уровень готовности местных властей к сотрудничеству с молодежными активистами оценивается как достаточно низкий. Основной моделью молодежи выступает гибридный активизм, построенный на сочетании онлайн и оффлайн практик, при достаточно выраженной позиции о неготовности отказаться от оффлайн активизма полностью в сторону цифрового гражданского участия.

Ключевые слова: гражданская активность; цифровой активизм; локальный активизм; мобилизация; поколение Z; цифровая гражданственность.

Благодарности: Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

Для цитирования: Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. (2022). Гражданский политический активизм молодежи: переход к цифровым локальным практикам. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 46–55. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.4>

Civic Non-Political Activism of Youth: Turning to Digital Local Practices**Sofya B. Abramova¹**¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Natalya L. Antonova²

²Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
e-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the topic is determined through the rationale for the transition of youth civic activity to the digital environment, which forms a new digital civic consciousness and defines digital participation as a fundamentally new format of civic self-determination and youth activity.

Theoretical justification. The problem of transition and mutual complementation of civic activity in traditional offline and digital online formats is considered. Both the advantages of digital activism and the contradictions arising from its use, such as distrust of efficiency, lack of resources, etc. are shown. The issue of local certainty of interaction between online and offline forms of activism associated with cultural, political and other conditions is understood. A provision is put forward on local activism as the initial stage of involving young people in civic practices, and the use of digital technologies as the most understandable way for the younger generation.

Methods. Empirical data obtained in the course of a sociological survey as part of an intelligence strategy using in-depth interviews. The informants were 14 residents of Yekaterinburg aged 18-25 years.

Results and its discussion. The results of the study made it possible to show the predominance of non-political forms of youth civic engagement. The repertoire of civic participation has an expanded character, however, it is mainly associated with the solution of socially significant problems at the local level. The role of social networks and blogging as mechanisms for mobilizing civic position and youth activity is shown. The level of willingness of local authorities to cooperate with youth activists is regarded as rather low. The main model of youth is hybrid activism, built on a combination of online and offline practices, with a fairly pronounced position about the unwillingness to abandon offline activism completely in the direction of digital civic participation.

Keywords: civic activity; digital activism; local activism; mobilization; generation Z; digital civic consciousness.

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

For citation: Abramova S. B., Antonova N. L. (2022). Civic Non-Political Activism of Youth: Turning to Digital Local Practices. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 46–55. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.4>

Введение

По оценкам западных исследователей, в современном мире не отмечается снижения гражданской активности молодого поколения, а наоборот, происходит изменение моделей его участия в реализации функций гражданского общества. Молодые люди экспериментируют, среди прочего «примеряя на себя» различные практики гражданского участия в цифровом обществе (Soep, 2014).

Подобные изменения в поведении молодого поколения соответствуют одному из общемировых трендов современного мироустройства – повсеместной цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека, одним из следствий которой выступает трансформация гражданской активности и ее перенос в онлайн-пространство. Онлайн-сетевые практики – это стиль и образ жизни современной молодежи – поколения Z. Цифровая гражданственность понимается как перенос общественно-политической активности в цифровую среду (Бродовская, 2019), что определяет не только преобладание онлайн коммуникаций в повседневных и профессиональных практиках молодежи, но и складывание политической и социальной субкультуры, основанной на целенаправленно формируемых моделях цифровой гражданской активности. Здесь происходит преодоление недоверия молодого поколения к институту государства через их «встречу» в понятном для молодежи цифровом пространстве (Блинова, Горбунова, 2021).

Более того, если физическое общественное пространство регулируется старшим поколением, то переход в виртуальный мир представляется молодежи в виде

«нового царства» (Arends & Hordijk, 2015), в котором они могут свободно выбирать идентичности, группы интересов и направления гражданского участия. Молодые люди не только политически и социально активны, они также активно участвуют в собственной политической социализации, преимущественно выбирая неинституционализированные формы (Earl, Maher & Elliott, 2017). Исследователи молодежи ввели понятие «биографические последствия активности» (Passy & Monsch, 2018) для демонстрации особой значимости активизма для поколения Z как фактора формирования образа жизни, культуры, социальных движений и личностного успеха. Это обуславливает и основную цель представляемого исследования, связанную с осмыслением онлайн активизма молодежи в контексте выбора локальной направленности как наиболее доступной модели гражданского участия, позволяющей в реальных практиках непосредственно видеть и использовать результаты своего онлайн активизма.

Теоретическое обоснование

Одним из аспектов современной гражданской активности, вызывающих наибольший интерес у исследователей, выступает соотношение форм онлайн и оффлайн активизма. Молодежные движения все более широко используют онлайн стратегии мобилизации. Молодые люди научились быть онлайн активными и компенсировать через онлайн коммуникацию потери от ограничений взаимодействия в период пандемии, во время нехватки времени и других ситуациях. Однако большое число исследователей фиксируют, что онлайн модели активизма не потеряли тесных связей с процессами в оффлайн реальности. Так, исследование экологического активизма (Soler-i-Martí, Ferrer-Fons & Terren, 2020) показало, что пики активности в Твиттере «вращаются» вокруг реальных событий, наполняя контент до и после акций в реальности. M-G. Chon и H. Park (2020) указывают, что значимые события в сфере расовых проблем вызвали практически сопоставимый уровень роста онлайн и оффлайн активизма, и люди не видят принципиальных различий в обсуждении этих проблем в социальных сетях или «живых» разговорах.

В этом контексте социальные сети перестают рассматриваться исключительно как способ отправки сообщений. Они становятся передовыми инструментами мобилизации, преодолевают когнитивные ограничения отдельных участников (Vimber, Flanagan & Stohl, 2005), облегчают выражение личного мнения и его распространение, заставляют сталкиваться со спорной информацией, даже если человек ее не ищет (Xenos, Vromen & Loader, 2014). По сравнению с традиционными способами активизма онлайн-формы имеют множество преимуществ, таких как возможность активистским организациям напрямую общаться со своей аудиторией, обход механизмов и коммерческой предвзятости основных СМИ, представление информации в более живой и привлекательной форме, обеспечение охвата более широкой глобальной аудитории за счет стирания географических границ, помощь в установлении коллективной идентичности, солидарности и чувства единства среди активистов и др. (Mentes, 2019)

Однако и здесь возникают значимые противоречия. Одно из них было зафиксировано J.Schradie (2018), которая показала снижение интенсивности онлайн активизма среди представителей рабочего класса, связав это с факторами отсутствия организационных ресурсов, навыков, полномочий и времени. Цифровое неравенство способно как снизить гражданскую активность в целом, так и вызывать более высокую интенсивность оффлайн способов ее проявления.

Препятствуют развитию онлайн активизма и негативные представления населения об его имитационности, неэффективности в решении социально значимых

проблем, формальности и т. д., широко распространенные в том числе среди молодежи. По оценкам Е. Смолевой и Ю. Ухановой (2021), 34% молодежи предпочтительной формой считают только оффлайн форматы гражданского участия. При этом наблюдается существенное различие в оценках молодежи, когда речь идет об использовании цифровых технологий для политического и гражданского участия. В политической сфере доминирует высокий уровень сомнения в эффективности онлайн-флешмобов, недоверие электронному голосованию, отсутствие заинтересованности в обсуждении политических тем в своих блогах и т. д. (Гришаева, Шамаева, 2022) Для неполитического активизма характерны достаточно высокая интенсивность создания контента по вопросам социальных проблем и развития волонтерства, интерес к установлению онлайн-диалога, опыт хотя бы разовых участия в различных онлайн-акциях и петициях и др. (Домбровская, 2020)

Также сам процесс перехода из онлайн форм в реальные акции выступает как более сложный и многоступенчатый, чем кажется на первый взгляд. Как показало исследование молодежи 15-29 лет А.А. Азарова, Е.В. Бродовской и А.Б. Шатилова (2021), конкретный сценарий конверсии цифрового поведения в реальные практики складывается из разнообразных вариантов способности лидеров общественного мнения и агентов мобилизации придавать силу «слабым связям» в социальных сетях. Согласно подходу М. Кастельса (Castells, 2009), здесь в наибольшей степени работает власть в форме сетевого влияния, когда одни социальные акторы воздействуют на других, выбирая специфические формы и контексты, что создает неповторимость и локальную эффективность перехода конкретной сетевой акции в реальную.

Важным моментом раскрытия связи онлайн и оффлайн форм активизма является необходимость учитывать местный контекст. Сила связи этих форм зависит от конкретного случая, конкретных реалий (O'Brien, 2021). Так, в некоторых случаях уход только в онлайн практики создает риски превратить движение в «онлайн-гетто». В других – оффлайн-доверие имеет решающее значение для построения онлайн-доверия (Koltsova & Selivanova, 2015). Еще одним контекстом может стать цифровой вигилантизм со стороны активных участников движений, переходящий даже в оффлайн преследования при недостаточно анонимизированном поведении в онлайн среде (Lovelluck, 2020). И таких культурных, социальных, политических контекстов может быть бесконечное множество, что и определяет модель связи оффлайн и онлайн практик в каждом конкретном, локальном случае.

Локальный активизм, рассматриваемый как действия жителей, направленные на участие в городском управлении, определение желательных и предотвращение нежелательных моделей развития городского пространства и процессов (Желнина, Тыканова, 2019), включает в себя формальные (юридически закрепленные инструменты участия) и неформальные, самоорганизующиеся партисипаторные практики. Именно локальный активизм часто выступает в качестве первого опыта гражданского участия молодежи. Например, дворовые и жилищные движения становятся «тренировочной площадкой» – начиная с близких вопросов, молодые горожане затем могут использовать полученные навыки в других, более сложных сферах (Shomina, Kolossov & Shukhat, 2002).

Методы

Основной целью эмпирического исследования выступило изучение возможностей и противоречий, возникающих при столкновении онлайн и оффлайн моделей гражданского активизма, а также раскрытие гипотезы о локализации направленности гражданских акций не только при оффлайн, но и при использовании онлайн фор-

мата участия. В июне 2022 года была проведена серия разведывательных глубинных интервью, информантами выступили 14 молодых жители г. Екатеринбурга в возрасте от 18 до 25 лет, 7 мужчин и 7 женщин, из них 6 участников проекта представляют работающую молодежь, 3 – учащуюся, 5 сочетают эти виды деятельности. Гайд исследования включал три блока вопросов, соответствующих следующим задачам: 1) изучение реальных практик включения в различные формы гражданского активизма, 2) выявление отношения к цифровым формам гражданской активности, 3) понимание оценки молодыми гражданами эффективности проектов и ее связи с уровнем (локальным / региональным и т.д.) проведения акции. Средняя продолжительность интервью составила 25 минут, транскрибированные тексты интервью были обобщены и сгруппированы в соответствии с выдвинутыми задачами исследования.

Результаты и их обсуждение

Материалы исследования показали, что современная молодежь крупного промышленного города скорее ориентирована на неполитические практики гражданского активизма, которые имеют локально-территориальный характер. Такая ориентация, связана, прежде всего, с представлениями молодежи о своей роли как субъекта влияния на принимаемые властными структурами решения. Речь идет о том, что свою активность молодое поколение может проявить на локальном низовом уровне – конкретной территории своего проживания: *«...если взять низший уровень, то может быть да [оказать влияние на решения, принимаемые органами власти различного уровня], если что-то глобальное, то нет... низший уровень, парк какой-нибудь, новая детская площадка»* (муж., 23 года). Возможность сотрудничества с властями на муниципальном, региональном, областном уровне видится как намного более реальная, приводящая к достижению конкретных результатов: *«Сам участвовал в таких проектах, вносили идеи, инициативы»* (муж., 24 года).

Ключевой проблемной зоной для развития неполитических гражданских инициатив даже на локальном уровне, по мнению молодежи, является неготовность властных структур к диалогу с молодыми активистами: *«должна быть более адекватная урбанистическая система, которая реагировала на предложения граждан»* (муж., 24 года).

При выборе практик гражданского неполитического участия молодежь демонстрирует широкий спектр направлений приложения своих сил, идей, намерений и замыслов. Тем самым формируется развернутый репертуар активности, связанный с заботой о животных, благоустройством локального пространства, культурными и экологическими мероприятиями: *«Мы помогаем питомникам, приносим еду, одеяла, следим за объявлениями, сообщаем о «потеряшках»* (жен., 25 лет); *«сбор вторсырья и его отдельная сортировка... городские... субботники, ну это к экологии относится»* (жен., 24 года); *«благоустройство в своем районе»* (муж., 25 лет); *«реставрировал с друзьями граффити»* (муж., 24 года); *«организация выставок родного края»* (муж., 24 года). Молодые информанты оказывают и финансовую поддержку: *«оказывала материальную помощь [приюту для животных], также приношу что-то, покупаю, часто помогаю»* (жен., 19 лет).

Локальные практики гражданской активности молодежи, согласно нашему исследованию, не имеют институционального базиса: как правило, они спонтанны, не организованы, не регулярны, индивидуализированы. Респонденты вовлечены в локальный гражданский активизм в зависимости от актуальности проблемы, требующей решения, наличия ресурсов, а также участия в них друзей/знакомых, т.е. ближайшего социального окружения: *«хотела поучаствовать в волонтерских движениях, но не позволяет время, силы и ресурсы»* (жен., 24 года).

Это определяет и определенную легкость выбора онлайн или оффлайн форм участия, переход между ними совершается ситуативно: *«А какая разница? Думаю, что нет разницы, в зависимости, что удобно в конкретный момент»* (жен, 21 год). Молодые горожане видят в реальных практиках, что и организаторы проектов стараются вести их параллельно в обеих формах: *«Не только оффлайн, допустим, есть поддержка онлайн, отправляли деньги на разные нужды приютов. По возможности это все делается и онлайн, и оффлайн»* (жен., 19 лет).

Базисной формой онлайн активизма для всех выступает обсуждение социально значимых проблем в социальных сетях. Однако только 2 информанта заявляют, что *«пока останавливаюсь на таких обсуждениях»* (ж., 25) – и это заставляет их ощущать себя *«пассивным гражданином»*. Остальные включены в благотворительные пожертвования, распространение информации о мероприятиях и акциях, подписание онлайн-петиций, голосование на городских порталах, написание отзывов, молодежных творческих проектах, создании мультимедийных лонгридов и т. п. Очень часто онлайн активизм связывают не только с реализацией своей гражданской позиции, но и формированием общественного мнения: *«Стараюсь привлекать других людей, заинтересовать их, чтобы они не столько выразили свое мнение, сколько узнали о ситуации, чтобы подумали, обдумали это все»* (жен, 19 лет).

Исследование показало, что молодые информанты используют коллективные и индивидуальные практики, которые нацелены на получение конкретного результата. В этом информанты видят и преимущество локального оффлайн-активизма. Одна из участниц прокомментировала подписание онлайн-петиции следующим образом: *«проверки какие-то провели, а результата не было. Как обычно, мы типа услышали, типа сделали, но как бы нет»* (жен., 19 лет).

Помимо сервисов, настроенных на сбор онлайн-петиций, в ходе проведения исследования информанты также обращались к сервисам, организующим сбор средств (например, зоозащита), преимущество которых состоит в возможности проявить непосредственное гражданское участие при дефиците времени.

В качестве Интернет-площадки для обсуждений актуальных вопросов информанты выбирают социальные сети: *«Очень часто стараюсь какие-то моменты освещать у себя в сторис ... во Вконтакте тоже делала репосты каких-то петиций. Стараюсь привлекать других людей, заинтересовать их, чтобы они не столько выразили свое мнение, сколько узнали о ситуации, чтобы подумали, обдумали это все. Считаю, что трансляция через свои личные блоги успешнее, так как люди тебе доверяют, они с тобой знакомы, смотрят тебя, придут, почитают, может, мысли свои выскажут или не выскажут, но что-то обдумают»* (жен., 19 лет). Признавая, что социальные сети могут быть инструментом для создания альтернативных нарративов, необходимо подчеркнуть, что в цифровых технологиях эти нарративы будут отражать мнение тех, кто имеет влияние и способен привлечь внимание. В этом смысле создание актуальных тем опирается на уже созданную сеть профилей активистов, которая может быть задействована в любое время. Современный блогер – это лидер мнений, информационный ресурс, а также источник мобилизации молодых людей для вовлечения в различного рода активности. Как отмечает Е.В. Лазуткина (2016, 52), *«в процессе коммуникации в блогосфере на первый план выходит личность, вокруг которой и строится блог»*. Межличностные связи, выстраиваемые в Интернет-коммуникациях, могут стать движущей силой гражданской активности молодежи: *«если выкладывают блогеры, у которых миллионы подписчиков, там, конечно, отзывов намного больше»* (жен., 19 лет).

Преимуществом онлайн-активизма, по оценкам опрошенных, является, прежде всего, широкий охват населения: *«онлайн формат позволяет охватить широкий круг*

населения, ...охватить не только конкретный локальный город, но в принципе всю страну, и даже при желании соседние страны, регионы» (жен., 21 год). Стирание территориальных границ, которое стало возможным благодаря развитию новых информационно-коммуникационных технологий, важнейшее, на наш взгляд, условие развитие молодежных инициатив и партиспации в построение гражданского общества. Однако Интернет-среда, предоставляя возможность заявить свою гражданскую позицию, формирует и пассивность, «диванный активизм» (Пырма, 2020), не прилагая особых усилий: «в интернете можно выразить любую свою позицию, потому что это легко, не надо никуда идти» (муж., 25 лет).

Вместе с этим, для информантов предпочтительнее заявлять свою неполитическую гражданскую позицию через реальные практики в повседневной жизни, которые свидетельствуют о принятии молодежью ответственности за себя и свою жизнь: «надо начинать с себя, тогда будут изменения к лучшему, стараюсь сортировать мусор, не выкидывать, главное, понимать уровень ответственности, убирать за своей собакой, например». (жен., 24 года). Согласно нашим исследованиям, современное молодое поколение «берет на себя ответственность за место проживания и реализацию своих жизненных планов» (Антонова, Абрамова, Полякова, 2020, 445).

Заключение

В целом, современное молодое поколение проявляет разного рода неполитический активизм, причем полагает, что локальные практики оффлайн-активностей более эффективны в сравнении с онлайн и в большей мере способствуют развитию как территории, так и развитию личностных качеств. Онлайн-активизм может привести к пассивному характеру заявления гражданской позиции, но при этом привлечь внимание к проблемным точкам большую аудиторию.

Материалы опроса также позволили авторам выделить группы молодежи по уровню их вовлеченности в практики гражданского неполитического активизма. По результатам данного пилотного проекта были сконструированы четыре типа: 1) лидеры, иницирующие различную помощь и поддержку (экология, зоозащита, культурные инициативы и пр.); 2) модераторы, роль которых заключается в продвижение идей и действий, чаще всего с использованием новых информационных технологий (Интернет-сообщества, блоги); 3) активисты, реализующие неполитические инициативы как оффлайн, так и онлайн; 4) наблюдатели, которые ссылаются на дефицит ресурсов, прежде всего, временных, но в целом поддерживают инициативы и желают увидеть конкретные результаты. Развертывание данной типологии на социально-демографические, образовательные и иные характеристики молодежи предполагается в последующих исследованиях, опирающихся на количественную стратегию.

Данное исследование позволило продемонстрировать, что онлайн и оффлайн активизм тесно связаны, не ограничивают друг друга, а зачастую стимулируют взаимное использование обеих форм гражданской активности. С одной стороны, зафиксировано отсутствие в сознании молодежи представлений о четких границах каждой формы, происходит размывания онлайн и оффлайн плоскостей, что выражается в легкости перехода из одной формы в другую. С другой – именно гибридный активизм оказывается активно востребованным молодежью на уровне решения локальных социальных задач, позволяет достигать наибольшей эффективности гражданских инициатив за счет сочетания сильных сторон каждой из форм активизма.

На примере цифровой активности показано, что именно на местном уровне происходит процесс становления гражданского общества в виде реальных практик, интересных для молодежи и открытых для доказательства их результативности.

Благодаря развитию цифровых форм участия молодые граждане получают расширение спектра сфер, направлений, моделей взаимодействия с различными субъектами в процесс партисипаторных практик.

Проведенное исследование позволяет говорить о высоком потенциале цифрового активизма молодежи в решении задач социального развития регионов, формирования локальной идентичности молодежи, консолидации местного сообщества в целях установления диалога с субъектами власти и гражданскими активистами.

Литература

- Азаров, А.А., Бродовская, Е.В., Шатилов, А.Б. (2021). Гражданский активизм российской молодежи в цифровой среде как предиктор активности офлайн: результаты массового опроса и мультиагентного моделирования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 296–318. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2041.
- Антонова, Н.Л., Абрамова, С.Б., Полякова, В.В. (2020). Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 443–462. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597.
- Блинова, О.А., Горбунова, Ю.А. (2021). Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы. *Вопросы управления*, 3, 20–34. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.
- Бродовская, Е.В. (2019). Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность. *Власть*, 27(4), 65–69. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587.
- Гришаева, С.А., Шамаев, П.А. (2022). Политическое участие молодежи в цифровой среде. *Цифровая социология*, 5(1), 25–35. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35.
- Домбровская, А.Ю. (2020). Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования). *Власть*, 28(2), 51–58. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7134.
- Желнина, А.А., Тыканова, Е.В. (2019). Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(1), 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8.
- Лазуткина, Е.В. (2016). Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы рунета. *Вестн. НГУ. Серия: История, филология*, 15(6), 51–59.
- Пырма, Р.В. (2020). Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций. *Власть*, 2, 74–81. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7137.
- Смолева, Е.О., Уханова, Ю.В. (2021). Онлайн- и офлайн-форматы гражданского участия: возможности и риски. *Caucasian Science Bridge*, 4,3(13), 66–76. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.3.6.
- Arends, I.S.M., Hordijk, M.A. (2015). Physical and Virtual Public Spaces for Youth: The Importance of Claiming Spaces in Lima, Peru. In: Nairn, K., Kraftl, P., Skelton, T. (eds) *Space, Place and Environment. Geographies of Children and Young People*, vol. 3. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-4585-90-3_16-1.
- Bimber, B., Flanagan, A. J., Stohl, C. (2005). Reconceptualizing collective action in the contemporary media environment. *Communication Theory*, 15, 365–388. DOI: 10.1111/j.1468-2885.2005.tb00340.x.
- Castells, M. (2009) *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press. 592.
- Chon, M-G., Park, H. (2020). Social Media Activism in the Digital Age: Testing an Integrative Model of Activism on Contentious Issues. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 97(1), 72–97. DOI: 10.1177/1077699019835896.
- Earl, J., Maher, T.V., Elliott, T. (2017). Youth, Activism, and Social Movements. *Sociology Compass*, 11(4). DOI: 10.1111/soc4.12465.
- Koltsova, O., Selivanova, G. (2015). Explaining Offline Participation in a Social Movement with Online Data: The Case of Observers for Fair Elections. *Higher School of Economics Research Paper*, WP BRP 67/SOC/2015. DOI: 10.2139/ssrn.2719508.
- Loveluck, B. (2020). The Many Shades of Digital Vigilantism: A Typology of Online Self-Justice. *Global Crime*, 21(3–4), 213–241. DOI: 10.1080/17440572.2019.1614444.
- Mentes, S.A. (2019). Online Environmental Activism: The Case of Igneada Floodplain Forest. *SAGE Open*, July-September, 1-10. DOI: 10.1177/2158244019877877.
- O'Brien, Th. (2021). Digital activism and the state. *Tapuya: Latin American Science, Technology and Society*, 4(1), DOI: 10.1080/25729861.2021.1973291.
- Passy, F., Monsch, G-A. (2018). Biographical Consequences of Activism. *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements*, McCammon, 499–514. DOI: 10.1002/9781119168577.ch28.
- Schradie, J. (2018). The Digital Activism Gap: How Class and Costs Shape Online Collective Action. *Social Problems*, 65(1), 51–74. DOI: 10.1093/socpro/spx042.

- Shomina, Y., Kolossov, V., Shukhat, V. (2002). Local activism and the prospects for civil society in Moscow. *Eurasian Geography and Economics*, 43(3), 244–270. DOI: 10.2747/1538-7216.43.3.244.
- Soep, E. (2014). *Participatory politics: Next-generation tactics to remake public spheres*. London: The MIT Press, Cambridge. Режим доступа: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/26056/1004029.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Soler-i-Martí, R., Ferrer-Fons, M., Terren, L. (2020). The interdependency of online and offline activism: A case study of Fridays For Future-Barcelona in the context of the COVID-19 lockdown. *Hipertext.net*, 21, 105–114. DOI: 10.31009/hipertext.net.2020.i21.09.
- Xenos, M., Vromen, A., Loader, B.D. (2014). The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies. *Information, Communication & Society*, 17, 151–167. DOI: 10.1080/1369118X.2013.871318.

References

- Antonova, N.L., Abramova, S.B., Polyakova, V.V. (2020). The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 443–462. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597.
- Arends, I.S.M., Hordijk, M.A. (2015). Physical and Virtual Public Spaces for Youth: The Importance of Claiming Spaces in Lima, Peru. In: Nairn, K., Kraftl, P., Skelton, T. (eds) *Space, Place and Environment. Geographies of Children and Young People*, vol. 3. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-4585-90-3_16-1.
- Azarov, A.A., Brodovskaya, E., Shatilov, A.B. (2021). Civic Activism of Russian Youth in the Digital Environment as a Predictor of Offline Activity: Results of a Population Survey and MultiAgent Modeling. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 296–318. DOI: doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2041.
- Bimber, B., Flanagan, A. J., Stohl, C. (2005). Reconceptualizing collective action in the contemporary media environment. *Communication Theory*, 15, 365–388. DOI: 10.1111/j.1468-2885.2005.tb00340.x.
- Blinova, O.A., Gorbunova, Yu.A. (2021). Political communication strategies of young people in the digital space: possible outcomes. *Management Issues*, 3, 20–34. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.
- Brodovskaya, E.V. (2019). Digital Citizens, Digital Citizenship and Digital Civic Consciousness. *Vlast' (The Authority)*, 27(4), 65–69. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587.
- Castells, M. (2009) *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press. 592.
- Chon, M-G., Park, H. (2020). Social Media Activism in the Digital Age: Testing an Integrative Model of Activism on Contentious Issues. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 97(1), 72–97. DOI: 10.1177/1077699019835896.
- Dombrovskaya, A. Y. (2020). Civil Activism of Youth in Modern Russia: Features of its Manifestation in Online and Offline Environments. *Vlast' (The Authority)*, 28 (2), 51-58. DOI: doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134.
- Earl, J., Maher, T.V., Elliott, T. (2017). Youth, Activism, and Social Movements. *Sociology Compass*, 11 (4). DOI: 10.1111/soc4.12465.
- Grishaeva, S.A., Shamaev, P.A. (2022). Young people's political participation in the digital environment. *Digital Sociology*, 25 (1), 25–35. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35.
- Koltsova, O., Selivanova, G. (2015). Explaining Offline Participation in a Social Movement with Online Data: The Case of Observers for Fair Elections. *Higher School of Economics Research Paper*, WP BRP 67/SOC/2015. DOI: 10.2139/ssrn.2719508.
- Lazutkina, E.V. (2016). Opinion leaders in the blogosphere runet. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 15 (6), 51–59.
- Loveluck, B. (2020). The Many Shades of Digital Vigilantism: A Typology of Online Self-Justice. *Global Crime*, 21 (3–4), 213–241. DOI: 10.1080/17440572.2019.1614444.
- Mentes, S.A. (2019). Online Environmental Activism: The Case of Igneada Floodplain Forest. *SAGE Open*, July-September, 1-10. DOI: 10.1177/2158244019877877.
- O'Brien, Th. (2021). Digital activism and the state. *Tapuya: Latin American Science, Technology and Society*, 4 (1), DOI: 10.1080/25729861.2021.1973291.
- Passy, F., Monsch, G-A. (2018). Biographical Consequences of Activism. *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements*, McCammon, 499–514. DOI: 10.1002/9781119168577.ch28.
- Pyрма, R.V. (2020). Concepts of Civil Activism in the Digital Space of Communications. *Vlast' (The Authority)*, 2, 74–81. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7137.
- Schradiе, J. (2018). The Digital Activism Gap: How Class and Costs Shape Online Collective Action. *Social Problems*, 65 (1), 51–74. DOI: 10.1093/socpro/spx042.
- Shomina, Y., Kolossov, V., Shukhat, V. (2002). Local activism and the prospects for civil society in Moscow. *Eurasian Geography and Economics*, 43 (3), 244–270. DOI: 10.2747/1538-7216.43.3.244.
- Smoleva, E.O., Ukhanova, U.V. (2021). Online and offline formats of civic participation: possibilities and risks. *Caucasian Science Bridge*, 4(3), 66–77. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.3.6.

Soep, E. (2014). *Participatory politics: Next-generation tactics to remake public spheres*. London: The MIT Press, Cambridge. Available at: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/26056/1004029.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

Soler-i-Martí, R., Ferrer-Fons, M., Terren, L. (2020). The interdependency of online and offline activism: A case study of Fridays For Future-Barcelona in the context of the COVID-19 lockdown. *Hipertext.net*, 21, 105–114. DOI: 10.31009/hipertext.net.2020.i21.09.

Xenos, M., Vromen, A., Loader, B.D. (2014). The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies. *Information, Communication & Society*, 17, 151–167. DOI: 10.1080/1369118X.2013.871318.

Zhel'nina, A., Tykanova, E. (2019). Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 22(1), 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8.

Дата получения рукописи: 13.10.2022

Дата окончания рецензирования: 22.10.2022

Дата принятия к публикации: 3.11.2022

Информация об авторах

Абрамова Софья Борисовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Abramova Sofya Borisovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Applied Sociology, B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Antonova Natalya Leonidovna – Doctor of Sociological Sciences, professor, Department of Applied Sociology, B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: n.l.antonova@urfu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.35

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.5

EDN WQHSDG

**Перспективные пути и способы содействия участию молодежи
в волонтерской деятельности в контексте реализации
государственной молодежной политики в Российской Федерации****Валерий В. Касьянов¹**¹Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,
e-mail: culture@kubsu.ru**Петр С. Самыгин²**²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: samygin78@yandex.ru**Наталья И. Горлова³**³Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Краснодар, Россия,
gorlovanat@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В статье рассматриваются перспективные пути и способы содействия участию молодежи в добровольческой деятельности в контексте реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации; указывается, что государственная политика в отношении добровольчества характеризуется несоответствием с позицией самих молодых людей относительно волонтерской деятельности и ее приоритетных направлений. Опыт организации волонтерского движения в России и зарубежных странах свидетельствует о том, что добровольческая деятельность может наиболее эффективно реализовываться в рамках институциональных структур.

Методы. В рамках исследования применяются аналитический подход, а также методы сравнения и абстрагирования. Методологически исследование выстраивается в опоре на феноменологический подход.

Результаты. Авторы отмечают, что государственная политика, направленная на содействие участию молодежи в волонтерской деятельности, должна включать в качестве неотъемлемого компонента выделение соответствующим некоммерческим организациям различных грантов и государственных субсидий наряду с увеличением финансирования программ развития добровольчества.

Ключевые слова: общество; молодежь; волонтер; волонтерство; добровольчество; благотворительность; волонтерская деятельность; волонтерское движение; государственная политика; информационная политика; социальная реклама.

Для цитирования: Касьянов В. В., Самыгин П. С., Горлова Н. И. (2022). Перспективные пути и способы содействия участию молодежи в волонтерской деятельности в контексте реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 56–63. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.5>

**Promising ways and means of promoting youth participation
in volunteer activities in the context of the implementation
of the State youth policy in the Russian Federation****Valery V. Kasyanov¹**¹Kuban State University, Krasnodar, Russia
e-mail: culture@kubsu.ru**Peter S. Samygin²**²Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
e-mail: samygin78@yandex.ru

Natalia I. Gorlova³

³Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar, Russia,
gorlovanat@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article discusses promising ways and means of promoting youth participation in volunteering in the context of the implementation of the state youth policy in the Russian Federation, it is indicated that the state policy on volunteerism is characterized by inconsistency with the position of young people themselves regarding volunteering and its priorities. The experience of organizing the volunteer movement in Russia and foreign countries indicates that voluntary activity can be most effectively implemented within the framework of institutional structures.

Methods. The research uses an analytical approach, as well as methods of comparison and abstraction. The research also relies on the phenomenological method.

Results. The authors note that the state policy aimed at promoting the participation of young people in volunteer activities should include, as an integral component, the allocation of various grants and state subsidies to relevant nonprofit organizations, along with an increase in funding for volunteerism development programs.

Keywords: society; youth; volunteer; volunteering; volunteerism; charity; volunteer activity; volunteer movement; public policy; information policy; social advertising.

For citation: Kasyanov V. V., Samygin P. S., Gorlova N.I. (2022). Promising ways and means of promoting youth participation in volunteer activities in the context of the implementation of the State youth policy in the Russian Federation. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 56–63. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.5>

Введение

Одним из наиболее значимых трендов в развитии современного общества выступает развитие волонтерского или добровольческого движения, которое в настоящее время объединяет большое количество людей, стремящихся к решению наиболее актуальных социальных проблем. Так, в период пандемии, как отмечается в специальных исследованиях, в массовом сознании выросла ценность волонтерства, произошло осознание значительной частью населения высокой значимости деятельности добровольцев. По утверждению Филипповой и Зубовой, рассматриваемый период характеризуется восприятием волонтерства как важного, дополнительного к мерам государственной поддержки ресурса оказания помощи уязвимым категориям населения, нуждающимся в поддержке; произошла актуализация потребности в волонтерах, осуществляющих помощь пожилым людям и другим категориям населения, оказавшимся в сложной ситуации. Сложившаяся ситуация, в целом, способствовала росту популярности волонтерства, широкому распространению ценностей альтруизма, благоприятствовала включению значительной части населения и, в том числе, молодежи в активную общественную жизнь (Зубова, Филиппова, 2020, 124-125).

Несмотря на существенный рост числа россиян, представляющих различные социально-демографические группы в волонтерском движении, расширение масштабов, рост числа реализуемых добровольческих программ и проектов, волонтерство в целом и молодежное волонтерство в частности имеет в настоящее время значительный потенциал для дальнейшего развития. Как отмечается в утвержденной распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. «Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года», свое участие в различных направлениях волонтерской деятельности подтверждают 15% граждан, однако, потенциально, по мнению разработчиков данной концепции, ссылающихся, в свою очередь, на материалы конкретных социологических исследований, не менее половины (50%) респондентов указывают на готовность участвовать в различных добровольческих проектах (Распоряжение Правительства...). Указанные данные свидетельствуют о наличии разрыва между теми людьми, которые декларируют свое потенциальное желание принимать участие в реализации тех или иных волонтерских инициатив, и

теми, кто реально вовлечен в добровольческое движение в различных его проявлениях. Наряду с этим следует учитывать и то обстоятельство, что количество волонтеров, о чем явно свидетельствует мировой опыт развития добровольческого движения, радикально увеличивается в периоды различных кризисов и социальных потрясений, к числу которых можно отнести и пандемию COVID-19: в этот период, как уже отмечалось выше, многие впервые присоединились к реализации различных волонтерских проектов, что получило широкое одобрение и признание со стороны широких слоев общества. Однако, как справедливо утверждает Зайцева и Таланов, рассматриваемая тенденция, связанная с ростом количества волонтеров в указанный кризисный период, является временной, что указывает на необходимость проведения целенаправленной государственной политики, направленной на вовлечение различных групп населения в добровольческую деятельность (Зайцева, Таланов, 2021, 40).

Участие молодежи в волонтерской деятельности

В качестве одной из наиболее перспективных групп, которая может выступить и уже выступает в ряде стран в качестве основы масштабного волонтерского движения, выступает молодежь. Участие в добровольческих проектах является для молодежи значимым направлением ее жизнедеятельности, давая ее представителям возможности реализовать себя в общественно полезной деятельности, имеющей социально одобряемый характер, приобрести важные для будущей жизни умения и навыки, научиться выстраивать конструктивные отношения и взаимодействия с другими людьми. Посредством волонтерства молодые люди могут оказывать эффективную помощь лицам, нуждающимся в социальной поддержке, что дает возможность ощутить собственную значимость и пользу от осуществляемых действий. Все это обуславливает высокую значимость молодежного волонтерства, что нашло отражение в тексте федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации», в соответствии с которым «содействие участию молодежи в добровольческой (волонтерской) деятельности» отнесено к числу основных направлений молодежной политики российского государства (Федеральный закон...).

Анализ эмпирических данных, полученных в рамках всероссийских социологических опросов представителей молодежи и других социально-демографических групп, позволяет сделать достаточно противоречивые выводы относительно реального уровня вовлеченности отечественной молодежи в добровольческую деятельность и отношения молодых людей к труду волонтеров. Так, в рамках аналитического отчета «Фонда общественного мнения» (ФОМ), составленного на основе реализованного проекта под названием «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации», молодежь представлена как авангард добровольческого движения, однако при этом отмечается, что само волонтерство находится в современной России на начальном этапе своего развития и представители отечественной молодежи не вовлечены в добровольческие проекты в такой степени, как их западноевропейские сверстники (в странах Западной Европы вообще, как известно, существуют устойчивые, многовековые традиции, связанные с различными благотворительными и добровольческими практиками) (Отчет по проекту...). В соответствии с результатами исследования, проведенного другой крупнейшей российской социологической организацией, Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ), молодежь даже уступает представителям некоторых других возрастных групп по такому показателю как уровень вовлеченности в добровольческую деятельность. Среди молодежи, как показывают результаты исследования ВЦИОМ «Добровольчество в России: потенциал участия молодежи», наибольшей популяр-

ностью пользуются различные экологические волонтерские проекты, а также социально значимые мероприятия. Представители молодежи, в частности, декларируют желание участвовать в мероприятиях, направленных на помощь животным, нуждающимся в поддержке, содействии зоопаркам и заповедникам в рамках осуществляемой ими деятельности и т. д. (Добровольчество...).

Необходимо отметить, что в уже упомянутой выше «Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» к числу основных причин, обуславливающих разрыв между реальным и потенциальным волонтерством, относятся недостаток информации о деятельности соответствующих добровольческих организаций и отдельных волонтеров, неразвитость инфраструктуры поддержки рассматриваемой деятельности, слабость «межсекторного и межведомственного взаимодействия» по вопросам, связанным с развитием отечественного добровольчества, а также общая неустойчивость значительного числа российских некоммерческих организаций, которая является существенным ограничителем на пути успешного развития российского добровольческого движения (Распоряжение Правительства...). Результаты социологических опросов в части касающейся причин недостаточно высокого уровня вовлеченности молодежи в волонтерскую деятельность лишь отчасти совпадают с позицией разработчиков упомянутой концепции развития добровольчества: так, в соответствии с результатами исследования, проведенного МКУ «Институт развития стратегических инициатив» (ИРСИ) «Волонтерская деятельность в восприятии современной молодежи», основными препятствиями на пути активного включения молодых людей в различные добровольческие проекты являются нехватка свободного времени (41%), общее равнодушие населения в целом и молодежи в частности к общественным проблемам (24%), низкая информированность молодежи о реализуемых волонтерских инициативах (19%) (Волонтерская деятельность..., 8-9).

Эмпирические данные, полученные сотрудниками ИРСИ, свидетельствуют о том, что в реальности в добровольческую деятельность на регулярной и систематической вовлечено очень небольшое число молодых людей: всего 2%; при этом порядка 16% представителей молодежи принимают участие в волонтерских проектах не регулярно, «от случая к случаю», и еще 15% думают о том, чтобы поучаствовать в каком-либо добровольческом деле в будущем, хотя на сегодняшний день они подобного опыта не имеют» (Волонтерская деятельность..., 9-10). Однако, несмотря на то, что участие в волонтерской деятельности в настоящее время характерно для не очень значительной части молодежи, здесь имеются определенные перспективы, связанные с потенциальной готовностью многих молодых людей выступить в роли добровольцев: так, 39% в случае необходимости оказать реальную помощь нуждающимся в ее получении, готовы принять участие в реализации соответствующих добровольческих инициатив. Недостаточно высокий уровень вовлеченности молодежи в волонтерскую деятельность также, по мнению ряда специалистов, объясняется тем обстоятельством, что государственная политика в отношении добровольчества характеризуется несоответствием с позицией самих молодых людей относительно волонтерской деятельности и ее приоритетных направлений (Горлова, 2020; Касьянов, 2020).

Так, в течение ряда лет государство в России оказывало преимущественную поддержку спортивному волонтерству: данное обстоятельство во многом было обусловлено проведением в стране крупных соревнований международного уровня, наиболее масштабными из которых были Зимние олимпийские игры в г. Сочи 2014 г. и Чемпионат мира по футболу 2018 г. Интересно, что еще в период проведения данных состязаний некоторые эксперты, к числу которых относится, в частности, Шевченко,

отмечали краткосрочный эффект от данных государственных инициатив, направленных на помощь исключительно спортивным волонтерам и активную популяризацию рассматриваемого направления волонтерской деятельности (Шевченко, 2013, 65). Данные опасения касались того, что указанные меры могут иметь краткосрочный эффект, и интерес к волонтерству может существенно сократиться после окончания указанных спортивных состязаний. Несмотря на безусловную значимость спортивного волонтерства, данное направление не относится к числу самых популярных с точки зрения молодежи добровольческих инициатив: данные региональных исследований молодежного волонтерства, в частности, показывают, что наиболее востребованными среди молодежи являются волонтерские проекты, направленные на пропаганду здорового образа жизни (51,1%), интернет-волонтерство, включающее обмен информацией через ресурсы глобальной сети, создание различных электронных баз данных (33,3%), помощь животным (30%), озеленение города (15%), благоустройство дворов (8%) и т. д. (Ермилова, Исакова, Игнатьева, 2018, 95-96). В целом, на наш взгляд, в рамках государственной политики, направленной на содействие участию молодежи в добровольческой деятельности необходимо учитывать собственные интересы и предпочтения молодых людей, касающихся конкретных добровольческих проектов и инициатив, перспективных направлений реализации волонтерской активности, а не исходить исключительно из государственных интересов к определенным видам волонтерства (Касьянов, Самыгин, Чупрынников, 2022).

В настоящее время в России отмечается преобладание так называемого эпизодического или ситуативного добровольчества, реализация которого происходит преимущественно на нерегулярной, несистематической основе: именно волонтерская деятельность такого типа преобладает над регулярной и систематической добровольческой деятельностью. В уже неоднократно упомянутой выше «Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» отмечается необходимость создания условий, которые могут обеспечить востребованность участия добровольческих организаций и отдельных волонтеров в решении актуальных социальных задач, повышение признания волонтеров и осуществляемой ими деятельности в обществе: поддержка деятельности существующих волонтерских организаций и создание условий для создания новых объединений добровольцев, развитие инфраструктуры поддержки волонтеров методического, информационного, консультационного и образовательного характера (Распоряжение Правительства...). В настоящее время существует необходимость в создании единой информационной системы в области волонтерства и молодежного волонтерства в частности: речь идет о систематическом и целенаправленном информировании молодых людей о значимости волонтерства, преимуществах участия в различных добровольческих инициативах, осуществляемом при помощи социальной рекламы и современных средств массовой информации, в первую очередь Интернета. Важное значение также имеет активное освещение СМИ различных мероприятий, осуществляемых с участием добровольцев.

В настоящее время, с точки зрения ряда экспертов, в России практически отсутствует единая и системная информационная политика в отношении молодежного волонтерства и деятельности, осуществляемой молодыми добровольцами. Те же мероприятия, которые реализуются, представляют собой по большому счету отдельные имиджевые проекты, связанные с единичными разовыми акциями, ориентированными на конкретные группы молодежи. С точки зрения крупнейшего отечественного специалиста в области волонтерской деятельности молодежи Певной, в целях популяризации молодежного добровольчества целесообразно не просто размещать

рекламу волонтерства в отдельных средствах массовой информации, а осуществлять систематическое, целенаправленное информирование молодежи о деятельности волонтеров, реализовывать так называемое информационное сопровождение соответствующих добровольческих проектов (Певная, 2016, 277-278). Важным направлением является формирование с помощью СМИ позитивного образа добровольцев и волонтерских организаций в сознании молодежи. Молодежь вообще характеризуется более высоким уровнем информационной компетентности по сравнению с представителями других социально-демографических групп, что обуславливает необходимость в целенаправленном информационном воздействии на молодежь с целью популяризации волонтерской деятельности, вовлечения максимально возможного количества молодых людей в реализуемые добровольческие проекты.

Заключение

Молодежное волонтерское движение в России на данный момент характеризуется наличием довольно небольшого числа направлений деятельности, реализуемыми волонтерскими организациями и отдельными добровольцами. Причем наиболее широкое распространение здесь получают те волонтерские проекты, которые поддерживаются государством на данном временном этапе: спортивное волонтерство в период проведения крупнейших международных соревнований, помощь лицам, пострадавшим от распространения массовой инфекции в период пандемии COVID-19, помощь беженцам во время проведения специальной военной операции на Украине и т.д. Добровольческая деятельность подобного рода нередко именуется ситуативным волонтерством: при всей значимости последнего для решения отдельных актуальных социальных проблем, преодоления последствий чрезвычайных ситуаций, оно, как правило носит непостоянный, временный характер. В случае успешного решения проблемы, ради которой организовывался тот или иной добровольческий проект, происходит фактическое исчезновение той основы, вокруг которой происходило объединение отдельных разрозненных волонтеров; практика также показывает, что ситуативное волонтерство отличается отсутствием тесных контактов и взаимодействий между отдельными добровольцами, что обусловлено в первую очередь кратковременным характером их совместной деятельности.

Опыт организации волонтерского движения в России и зарубежных странах свидетельствует о том, что добровольческая деятельность может наиболее эффективно реализовываться в рамках институциональных структур. В противном же случае она чаще всего осуществляется в формате акций единичного или разового характера. Именно в некоммерческих организациях (НКО) деятельность добровольцев, как правило, реализуется на регулярной и систематической основе, что позволяет вовлечь молодых людей в различные волонтерские проекты, сделать их частью добровольческой общности. Необходимо отметить, что некоммерческий сектор играет в западноевропейских и других странах с многолетними традициями благотворительности и волонтерства ведущую роль в осуществлении добровольческой деятельности, вовлекая в реализацию волонтерских инициатив представителей различных социально-демографических групп и, в том числе, молодежь. По этой причине государственная политика, направленная на содействие участию молодежи в волонтерской деятельности в Российской Федерации, должна включать в качестве неотъемлемого компонента выделение соответствующим НКО различных грантов и государственных субсидий наряду с увеличением финансирования программ развития добровольчества: указанные меры государственной поддержки будут иметь стимулирующий эффект, способствуя повышению эффективности деятельности волонтерских

организаций, вовлечению в реализацию соответствующих проектов новых молодых добровольцев.

Литература

- Волонтерская деятельность в восприятии современной молодежи. Ярославль: МКУ «Институт развития стратегических инициатив», 2018. 13.
- Горлова, Н. И. (2020). История олимпийского волонтерства в России. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Ермилова, А. В., Исакова, И. А., Игнатьева, В. И. (2018). Региональное проблемное поле волонтерства. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2 (50), 88-97.
- Зайцева, М. А., Таланов, С. Л. (2021). Государственная политика в сфере волонтерства: тенденции и перспективы (на примере г. Ярославля). *Социально-политические исследования*, 1 (10), 38-57. DOI: 10.20323/2658-428X-2021-1-1-38-57.
- Касьянов, В. В. (2020). Социально-исторические векторы развития волонтерства в России: основные проблемы и противоречия. *Гуманитарий Юга России*, 5, 51-64. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.5.3.
- Касьянов, В. В., Самыгин, П. С., Чупрынников, С. А. (2022). Волонтерство как средство спасения историко-культурного наследия России. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 1, 50-54.
- Певная, М. В. (2016). Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 434.
- Филипова, А. Г., Зубова, О. Г. (2020). Особенности молодежного волонтерства в современной России: на пути к участию в принятии социально значимых решений. *Социодинамика*, 12, 123-124.
- Шевченко, П. В. (2013). Социальная роль московского волонтерства. *Социологические исследования*, 8, 60-71.
- Добровольчество в России: потенциал участия молодежи. Пресс-выпуск ВЦИОМ. Режим доступа: <http://www.wciom.ru>.
- Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». Материалы Фонда «Общественное мнение». Режим доступа: <http://www.elar.urfu.ru>.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «О концепции развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года». Режим доступа: <http://www.government.ru>.
- Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.zakonrf.info>.

References

- Ermilova, A. V., Isakova, I. A., Ignatieva, V. I. (2018). Regional problem field of volunteering. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named Lobachevsk*, 2 (50), 88-97.
- Filipova, A.G., Zubova, O.G. (2020). Features of youth volunteering in modern Russia: on the way to participation in making socially significant decisions. *Sociodynamics*, 12, 123-124.
- Gorlova, N. I. (2020). History of Olympic volunteering in Russia. Krasnodar: Kuban State University.
- Kasyanov, V. V. (2020). Socio-historical vectors of the development of volunteerism in Russia: the main problems and contradictions. *Humanities of the South of Russia*, 5, 51-64. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.5.3.
- Kasyanov, V. V., Samygin, P. S., Chuprynnikov, S. A. (2022). Volunteering as a means of saving the historical and cultural heritage of Russia. *Humanities, socioeconomic and social sciences*, 1, 50-54.
- Pevnaya, M. V. (2016). Volunteer management: international experience and local practices: monograph. Yekaterinburg: Ural Publishing House. 434.
- Shevchenko, P. V. (2013). The social role of Moscow volunteering. *Sociological research*, 8, 60-71.
- Volunteer activity in the perception of modern youth. Yaroslavl: Moscow State University "Institute for the Development of Strategic Initiatives", 2018, 13.
- Zaitseva M.A., Talanov S.L. (2021). State policy in the field of volunteering: trends and prospects (on the example of Yaroslavl). *Socio-political research*, 1 (10). 38-57. DOI: 10.20323/2658-428X-2021-1-1-38-57.
- Federal Law No. 489-FZ of 30.12.2020 "On Youth Policy in the Russian Federation". Available at: <https://www.zakonrf.info>.
- Decree of the Government of the Russian Federation No. 2950-r dated December 27, 2018 "On the concept of the development of volunteerism until 2025". Available at: <https://www.government.ru>.
- Report on the project "Resource of the volunteer movement of avantgarde groups for Russian modernization". Materials of the Public Opinion Foundation. Available at: <https://www.elar.urfu.ru>.
- Volunteering in Russia: potential for youth participation. VTSIOM press release. Available at: <https://www.wciom.m>.

Дата получения рукописи: 09.10.2022
Дата окончания рецензирования: 30.10.2022
Дата принятия к публикации: 19.11.2022

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич – доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, декан факультета журналистики, заведующий кафедрой истории России факультета истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, e-mail: culture@kubsu.ru

Самыгин Петр Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: samygin78@yandex.ru

Горлова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, доцент кафедры менеджмента спорта и активного досуга, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Краснодар, Россия, e-mail: gorlovanat@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Kasyanov Valery Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Journalism, Head of the Department of Russian History, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: culture@kubsu.ru

Samygin Petr Sergeevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, e-mail: samygin78@yandex.ru

Gorlova Natalia Ivanovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management of Sports and Active Leisure, Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar, Russia, e-mail: gorlovanat@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.6

EDN WSOUHM

**Влияние корпоративной университетской идентичности
на восприятие студенческой жизни****Анастасия Э. Пилипенко¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: kalosha@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В статье производится попытка исследования корпоративной университетской идентичности в среде студенческой молодежи на примере Южного федерального университета. Вуз рассматривается с позиции организации особого типа, в которой присутствуют два вида контингента – постоянный и переменный. Для эффективного функционирования системы университета взаимодействие данных видов контингента должно обеспечивать передачу ценностных установок и культуры от постоянного контингента переменному, что актуализирует работу по формированию корпоративной идентичности в студенческой среде. Цель исследования – проанализировать восприятие университетской жизни студентами в зависимости от уровня развития корпоративной идентичности на примере Южного федерального университета.

Методы. Эмпирическое исследование основывается на массовом анкетном опросе студентов Южного федерального университета, проведенном в период с декабря 2021 г. по март 2022 г. Основным критерием отбора респондентов является освоение образовательных программ бакалавриата и магистратуры на очной форме обучения.

Результаты и их обсуждение. Анализ проведенного исследования показывает, что студенты, демонстрирующие сформированную университетскую корпоративную идентичность, проявляют высокий уровень лояльности и удовлетворенности различными аспектами жизни в вузе: организацией образовательного процесса, материально-технической базой, проведением производственной практики, мероприятиями внеучебной направленности, выстраиваемыми межличностными отношениями. Данная категория обучающихся мотивирована к участию в различных практиках учебной и внеучебной направленности, а также ориентирована на выстраивание конструктивных межличностных взаимоотношений внутри сообщества.

Выводы. Подводя итоги, автор делает вывод о необходимости проведения целенаправленной работы по конструированию корпоративной университетской идентичности у студенческой молодежи. Результаты данной деятельности способны обеспечить значительные преимущества для всех представителей сообщества вуза.

Ключевые слова: студенты; университет; корпоративная идентичность.

Для цитирования: Пилипенко А.Э. (2022). Влияние корпоративной университетской идентичности на восприятие студенческой жизни. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 64–72. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.6>

Corporate identity of the university: influence on the perception of student life**Anastasiya E. Pilipenko¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: kalosha@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The article attempts to study corporate university identity among students on the example of the Southern Federal University. The university is considered from the position of a special type of organization, in which there are two types of contingent – permanent and variable. For an effective functioning of the university, the interaction of these types of contingent should ensure the transfer of values and culture from the permanent contingent to the variable, that actualizes the work on the formation of the corporate identity of the university in the student environment. The purpose of the study is to analyze the perception of university life by students depending on the level of corporate identity development on the example of the Southern Federal University.

Methods. The empirical study is based on a mass questionnaire survey of the students of the Southern Federal University conducted in the period from December 2021 to March 2022. The main criterion for the selection of respondents is the development of bachelor's and master's degree programs in full-time education.

Results and its discussion. The analysis of the conducted research shows that students with the developed corporate identity show a higher level of loyalty and satisfaction with various aspects of life at the university: the organization of the educational process, the material and technical base of the university, practical training, extracurricular activities, building interpersonal relationships. This category of students is more motivated to participate in various educational and extracurricular practices, and is also focused on building constructive interpersonal relationships within the community.

Conclusions. Summing up, the author concludes that it is necessary to carry out purposeful work on the formation of the corporate university identity among students, the results of which can provide all representatives of the university community with significant benefits.

Keywords: students; university; corporate identity.

For citation: Pilipenko A.E. (2022). The influence of corporate university identity on the perception of student life. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 64–72. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.6>

Введение

Университет – вид организации, имеющий свои специфические особенности. Одной из ярко выраженных является наличие сразу двух видов контингента: постоянного, к которому могут быть отнесены представители профессорско-преподавательского состава, научные сотрудники, сотрудники административных структур и переменного, к которому относятся обучающиеся и слушатели образовательных программ. Функционирование внутривузовской системы в обязательном порядке предусматривает постоянное взаимодействие данных видов контингентов. Причем это взаимодействие должно обеспечивать передачу представителями постоянного контингента университетских ценностей и устойчивой культуры переменному контингенту. То есть университетское сообщество должно быть способно обеспечить доминирование у вновь прибывших ценностей вуза, необходимых для успешной адаптации и бесконфликтного взаимодействия внутри сообщества. При этом под членами сообщества следует понимать не только представителей двух вышеобозначенных видов контингента (преподаватели, научные сотрудники, административные работники, студенты, слушатели), но и выпускников и постоянных партнеров как носителей университетской культуры. Кроме того, современному вузу приходится сталкиваться с различными вызовами, продиктованными постоянными переменами (Бадмаев, 2015). Так, для эффективного функционирования университетскому сообществу важно мыслить и действовать в соответствии с корпоративными ценностями. В таких условиях актуализируется необходимость проведения работы по формированию корпоративной идентичности (Дагаева, 2008; Пушных, 2019).

Методы

Данная статья ставит цель проанализировать восприятие университетской жизни студентами в зависимости от уровня развития корпоративной идентичности на примере Южного федерального университета. Для ее достижения обратимся к существующему пониманию корпоративной идентичности. Современные исследователи рассматривают данное явление с точки зрения двух основных подходов. Первый подход предполагает, что представители организации разделяют корпоративную философию, которая выражается в общепринятых правилах поведения и организационных нормах (Крылов, 2004). Согласно второму подходу, корпоративная идентичность рассматривается как эмоциональный процесс, в результате которого участник осознает себя представителем определенной организации (Дагаева, 2008). В рамках заявленного исследования необходимым видится обращение ко второму подходу. Так,

под корпоративной идентичностью студентов мы будем понимать эмоциональную вовлеченность и отождествление молодыми людьми себя частью сообщества университета (Чигрин, 2018; Волков, Курбатов, 2022).

Сформированность корпоративной идентичности определяется в данной работе через выраженность чувства сопричастности с университетом, которое проявляется в различных составляющих университетской жизни. Для исследования были выделены следующие:

- качество получаемого образования и включенность в образовательный процесс;
- партнерская сеть университета, включающая места для прохождения студентами практики и трудоустройства;
- отношения между участниками образовательного процесса;
- вовлеченность студентов во внеучебные практики;
- материально-техническая база университета (общежития, учебные корпуса, лаборатории, места для занятия спортом и творчеством) (Афанасьева, Галлямова, 2013).

Стоит понимать, что перечисленные составляющие жизни внутри вузовского сообщества, выступают также в качестве факторов, влияющих на формирование университетской корпоративной идентичности в среде студенческой молодежи. Мы исходим из того, что, чем выше уровень развития каждого из факторов, тем выше уровень идентичности. В рамках проводимого исследования важным представлялось выявление зависимости между чувством сопричастности студентов с университетом и выделенными нами факторами.

В рамках исследования, проводимого авторским коллективом Института социологии и регионоведения ЮФУ (декабрь 2021 г. – март 2022 г.), в состав которого входил автор, было проведено исследование восприятия университетской жизни обучающимися вуза. Метод проведения – массовый анкетный опрос. Объем выборки составил 1975 человек при генеральной совокупности 17880 обучающихся (Показатели деятельности... 2022), что достаточно для получения репрезентативных данных, учитывая однородность выборки. Массив эмпирических данных обработан в программе SPSS Statistics 26. Были использованы средства описательных статистик: частотный анализ и таблицы сопряженности. Респондентами исследования выступили студенты укрупненных образовательных направлений ЮФУ: естественно-научного и физико-математического (20,8%), инженерного (25,1%), гуманитарного и социально-экономического (37,4%), психолого-педагогического (11,2%), архитектура и искусство (5,6%). Из них 66,8% женского пола, 33,2% мужского пола. Опрошенные обучаются по программам бакалавриата (83,7%) и магистратуры (16,3%).

Результаты и их обсуждение

Среди студентов Южного федерального университета 47,3% опрошенных чувствуют себя частью университета, 28% не испытывают данного чувства и 24,7% затрудняются ответить. Важно зафиксировать, что для почти четверти молодых людей (24,7%) затруднительно определить испытывают ли они сопричастность с вузом, а значит данная группа студентов является наиболее подвижной и ее включенность в практики по развитию университетской корпоративной идентичности наиболее актуальна.

Качество получаемого образования и включенность в образовательный процесс рассматривалось через восприятие учебы в вузе в целом, а также по отдельным составляющим, таким как: качество проведения лабораторных работ, наличие и до-

ступность научной и методической литературы, удовлетворенность преподаванием иностранных языков. Среди студентов, которые чувствуют себя частью университета, довольных своим обучением на 39,7% больше, чем не испытывающие данного чувства. Среди тех, кто не ощущает сопричастности, недовольных обучением на 18% больше, чем в первой группе (Таблица 1). Кроме того, опрошенных, которые проявляют безразличие к учебе, на 17,4% больше среди студентов, не ощущающих себя частью университетского сообщества. Группа затрудняющихся ответить занимает срединное положение.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы в целом оценили свое отношение к учебе в вузе?» в зависимости от чувства сопричастности с вузом, в %

Как Вы в целом оценили свое отношение к учебе в вузе?	Согласны ли Вы с утверждением: «Я чувствую себя частью университета?»			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Общие
Учиться в вузе мне нравится	87,6	47,9	73,9	73,1
К учебе безразличен	8,3	25,7	15,6	15
Учиться в вузе мне не нравится	1,7	19,7	5,3	7,6
Другое	2,4	6,7	5,1	4,3
Всего	100	100	100	100

Отдельные составляющие образовательного процесса также находятся в зависимости от уровня сопричастности студенческой молодежи с вузом. Так, молодые люди с развитой университетской корпоративной идентичностью больше удовлетворены качеством проведения лабораторных работ (по шкале от одного до пяти минимальный балл ставят 2,8% опрошенных, считающих себя частью ЮФУ и 10,5% не считающих; максимальный балл – 41,4%, чувствующих сопричастность и 20,8% не ощущающих ее). Похожим образом фиксируется удовлетворенность и по другим показателям. Преподавание иностранных языков на пять из пяти баллов оценивают 53,2% студентов, идентифицирующих себя с университетом, и 34% не идентифицирующих, один из пяти баллов выбирают 2,9% опрошенных первой группы и 7,8% из второй группы. Наличие и доступность научной и методической литературы по-прежнему оценивается респондентами. Почти половина участников исследования, считающая себя частью ЮФУ, ставит максимальный балл (48,7%), отмечая полную удовлетворенность данным показателем. Среди студентов, не испытывающих чувство сопричастности, максимум ставят меньше четверти опрошенных (22,6%). Полученные данные дают основание зафиксировать, что студенты, с развитой университетской корпоративной идентичностью проявляют большую удовлетворенность образовательным процессом, чем молодые люди, не чувствующие своей сопричастности с вузом.

Одно из направлений партнерского взаимодействия в вузе – организация и проведение производственных практик совместно с потенциальными работодателями. Большинство студентов Южного федерального университета проходили практику в организациях, которые им предоставлял вуз (60,5%). При этом у молодых людей есть возможность самому выбрать организацию для прохождения практики; этим правом пользовались 37% опрошенных. Отметим, что существенных различий в зависимости от чувства сопричастности студентов к сообществу университета по данному вопросу не зафиксировано (Таблица 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос «Как Вами подбирались места практики?»
в зависимости от чувства сопричастности с вузом, в %**

Как Вами подбирались места практики?	Согласны ли Вы с утверждением: «Я чувствую себя частью университета?»			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Общие
Предоставлялись структурным подразделением	62,7	59,3	57,1	60,5
Выбирал место практики сам	35	37,9	40,2	37
Другое	2,3	2,8	2,7	2,5
Всего	100	100	100	100

В восприятии производственной практики у студентов, чувствующих себя частью университета и не испытывающих данное чувство, фиксируются существенные различия. Так, среди тех, кто считает, что производственная практика – это отличная возможность попробовать себя в профессии на 16,9% больше молодых людей, испытывающих сопричастность с вузом. При этом мнение о том, что практика не дает никаких знаний и компетенций на 11,5% чаще разделяют студенты, которые не чувствуют себя частью университета (Таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Насколько полезным для Вас является прохождение производственной практики?» в зависимости от чувства сопричастности с вузом, в %

Насколько полезным для Вас является прохождение производственной практики?	Согласны ли Вы с утверждением: «Я чувствую себя частью университета?»			
	Да	НетНет	Затрудняюсь ответить	Общие
Это отличная возможность попробовать себя в профессии	54,7	37,9	42	47,3
Не всегда дает возможность попробовать себя в профессии, но дает	28,3	23,7	32,9	28,1
Производственная практика носила формальный характер	12,4	21,3	18,7	16,2
Производственная практика не дает никаких знаний и компетенций,	2,3	13,8	4,1	5,8
Другое	1,3	2,4	1,4	1,6
Затрудняюсь ответить	1	0,8	0,9	0,9
Всего	100	100	100	100

Оценки полезности прохождения производственной практики также разнятся в зависимости от испытываемого чувства сопричастности с вузом. Студенты, не идентифицирующие себя с университетским сообществом, чаще склонны выбирать низкие оценки, рассуждая о практике (один балл по пятибалльной шкале ставят 11,9% респондентов данной группы, два балла – 10,3%, три балла – 20,2%, четыре балла – 23,3%, пять баллов – 34,4%). Опрошенные, отмечая наличие чувства сопричастности, наоборот, выбирают более высокие показатели (один балл выбирают 3,8%, два балла – 4,2%, три балла – 11,9%, четыре – 23,7%, пять – 56,4%). Так, данные нашего исследования свидетельствуют о том, что студенты, находясь в равных усло-

виях, по-разному воспринимают прохождение практики в рамках образовательного процесса. Обучающиеся, идентифицирующие себя с вузом, демонстрируют большую удовлетворенность, они считают производственную практику полезной и продуктивной. Можно выдвинуть предположение, что обучающиеся, ощущающие себя частью вуза, более мотивированы на выстраивание конструктивных взаимоотношений с потенциальными работодателями и развитием практических навыков.

Существенное влияние на развитие корпоративной университетской идентичности в студенческой среде имеют межличностные отношения с субъектами образовательного процесса. В случае данного исследования интересным видится выявленная связь между сопричастностью студентов с вузом и выстраиваемыми отношениями с представителями университетского сообщества. Важно зафиксировать тот факт, что студенты, ощущающие себя частью университета, в целом находятся в более позитивном эмоциональном состоянии. Так, опрошенные из группы чувствующих связь с вузом чаще находятся в состоянии эмоционального спокойствия (59,8%), чем студенты, не ощущающие сопричастности с ЮФУ (33,6%). Молодые люди из второй группы, напротив, больше встревожены (23,3%), чем студенты из первой (15,5%) (Таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали свое обычное, повседневное эмоционально-психологическое состояние?» в зависимости от чувства сопричастности с вузом, в %

Как бы Вы охарактеризовали свое обычное, повседневное эмоционально-психологическое?	Согласны ли Вы с утверждением: «Я чувствую себя частью университета?»			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Общие
Ощущаю эмоциональный подъем	11,8	4,3	4,5	7,9
Чувствую себя спокойно, уравновешенно	59,8	33,6	50,7	50,2
Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	8,9	26	19,7	16,4
Ощущаю тревогу	15,5	23,3	18,9	18,5
Чувствую раздражение	3,2	7,4	4,5	4,7
Ощущаю чувство озлобленности	0,6	2,5	0,8	1,2
Ощущаю чувство агрессии	0,2	2,7	0,8	1,1
	100	100	100	100

Характер выстраиваемых межличностных отношений внутри университетского сообщества находится в прямой зависимости от ощущения сопричастности студента к вузу. Оценивая свои отношения со всеми участниками образовательного процесса, студенты, чувствующие себя частью ЮФУ, называют их хорошими (79,3%). При этом студенты, не испытывающие сопричастности, почти в половину реже позитивно характеризуют так свои отношения (41%). Они чаще называют их удовлетворительными (53,5%), в то время как группа студентов, идентифицирующих себя с вузом, данную характеристику выбирает на 33,3% реже (20,1%). Плохо складываются отношения у менее 1% опрошенных, определяющих свою эмоциональную связь (0,6%) и у 5,4% не испытывающих такого ощущения.

Согласно данным проведенного исследования, существует взаимозависимость между чувством сопричастности студента с вузом и его внеучебной активностью. Обучающиеся с развитой университетской корпоративной идентичностью чаще дру-

гих участвуют во внеучебных практиках (на 23,7% чаще чем студенты, не ощущающие себя частью ЮФУ, и на 24% чаще затрудняющихся ответить). Спортом студенты из данной группы занимаются на 8,7% чаще группы опрошенных, не чувствующих себя частью вуза, культурно-творческой деятельностью на 11,5%, общественной на 13,6% научно-исследовательской на 8%. Закономерно, обучающиеся, чувствующие себя частью ЮФУ, демонстрируют значительно большую удовлетворенность соответствием мероприятий вуза запросам молодежи (45,5% полностью удовлетворены среди данной группы студентов, 37,1% частично удовлетворены, 5,5% не удовлетворены и 12% затрудняются ответить). Респонденты, не ощущающие своей связи с университетским сообществом, воспринимают проводимые внеучебные мероприятия несколько иначе. Среди них полностью удовлетворены соответствием событий запросам студентов 13,2%, частично удовлетворены 36,7%, не удовлетворены 20,6%, затрудняются ответить 29,5%.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Какими видами деятельности в вузе, кроме учебной, Вы занимаетесь?»
(множественный выбор) в зависимости от чувства сопричастности с вузом, в %**

Какими видами деятельности в вузе, кроме учебной, Вы занимаетесь?	Согласны ли Вы с утверждением: «Я чувствую себя частью университета?»			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Общие
Спортом (состою в спортивных объединениях, участвую в забегах, со	18,3	9,6	13,8	14,7
Творческим хобби (танцы, вокал, театральные и художественные студ	29	17,5	12,9	21,8
Общественной деятельностью (молодежные объединения и организации, студсовет, профком и т.д.)	24,8	11,2	9,9	17,3
Научно-исследовательской работой (участие в грантах, работа в лаборатории и т.д.)	21,4	13,4	12,1	16,9
Никакими	34,9	58,6	58,9	47,4
Другое	1,3	3,1	2,3	2
Всего	129,6	113,4	109,9	120,2

Опрошенные из группы с развитой корпоративной идентичностью проявляют большую удовлетворенность материально-техническим состоянием университета – общим состоянием учебных корпусов удовлетворены 79,5%, что на 20% больше чем в группе студентов, не ощущающих свою сопричастность с вузом, мультимедийной оснащённостью аудиторий удовлетворены 83,8%, что на 13,3% больше чем в группе молодых людей, не чувствующих связи с вузом, доступностью открытого выхода в интернет удовлетворены 68,5%, что на 19,9% больше чем во второй группе, качеством оснащения компьютерного класса удовлетворены 80,0%, что на 13,1% больше, чем в группе респондентов, не чувствующих себя частью ЮФУ.

Подтверждением данных, представленных в рамках анализа связи развитой корпоративной идентичности и восприятия аспектов университетской жизни студентов, является рассуждение опрошенных о проекции возможного поступления в вуз (Таблица 6). Доминирующее большинство обучающихся, ощущающих себя частью ЮФУ, при возможности выбора поступили бы в этот же вуз на это же направление подготовки (74,4%). Опрошенные, не чувствующие своей сопричастности, дан-

ный вариант выбирали на 39% реже (35,4%). Респонденты из этой группы поступили бы в ЮФУ, но в другое учебное подразделение (18,8%), в другой вуз на ту же специальность (11,8%), в другой вуз на другую специальность (17,5%). Среди студентов, чувствующих эмоциональную связь с Южным федеральным университетом, 12,3% поступили бы в ЮФУ, но в другое подразделение, 8,7% выбрали бы в своем подразделении другое направление подготовки.

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос «Если бы Вам пришлось выбирать, Вы стали бы поступать в ЮФУ в это же структурное подразделение?»
(в зависимости от чувства сопричастности с вузом, в %**

	Согласны ли Вы с утверждением: «Я чувствую себя частью университета?»			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Общие
Если бы Вам пришлось выбирать, Вы стали бы поступать в ЮФУ в это же структурное подразделение (факультет, институт, академию)?				
Да, я поступил бы в это же структурное подразделение на это же направление	74,4	35,4	57,3	59,3
Поступил бы в это же структурное подразделение, но на другое направление	8,7	9,9	9,4	9,2
Поступил бы в ЮФУ, но выбрал бы другое структурное подразделение	12,3	18,8	15,2	14,8
Поступил бы в другой вуз на ту же специальность	1,9	11,8	7	5,9
Поступил бы в другой вуз на другой факультет	2,4	17,5	7,8	7,9
Не стал бы получать высшее образование	0,3	6,5	3,3	2,8
Всего	100	100	100	100

Заключение

Результаты массового анкетного опроса дают основания заключить, что студенты с развитой корпоративной идентичностью демонстрируют высокий уровень удовлетворенности различными аспектами университетской жизни. Они позитивно и лояльно воспринимают процесс обучения, внеучебные практики, предлагаемые вузом, имеющуюся инфраструктуру университета, межличностные отношения внутри сообщества. Также, по результатам анализа восприятия прохождения производственной практики, отмечается ориентированность группы студентов с развитой корпоративной идентичностью на формирование практических навыков и конструктивное взаимодействие с потенциальными работодателями. Кроме того, чувство сопричастности с университетским сообществом положительно влияет на общее эмоциональное состояние молодых людей. Подводя итоги, можно сделать вывод о необходимости проведения целенаправленной деятельности в вузах по конструированию корпоративной идентичности в среде студенческой молодежи. Системная работа в данном направлении способна обеспечить существенные преимущества для всех представителей университетского сообщества.

Литература

- Бадмаев, В.Н. (2015). Миссия и идентичность университета. *Вестник КалмГУ*, 2 (26), 38-43.
 Волков, Ю. Г., Курбатов В. И. (2022). Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления. *Гуманитарий Юга России*, 11, 2, 15-23. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.1.

- Дагаева, Е.А. (2008). Имидж вуза и корпоративная идентичность. *Высшее образование в России*, 11, 89-93.
- Дагаева, Е.А. (2008). Корпоративная принадлежность: инициатива, структура, механизмы формирования. *Вестник ТИУиЭ*, 2.
- Крылов, А.Н. (2004). Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М.: Издательство Икар.
- Пушных, В.А. (2019). Сравнение восприятия организационной культуры университета преподавателями и студентами. *Университетское управление: практика и анализ*, 23(1-2), 122-130.
- Чигрин, В. А., Городецкая Е. Г. (2018). Идентичность: особенности социологического дискурса. *Caucasian Science Bridge*, 1, 2(2), 71-78.
- Афанасьева М.С., Галлямова Э.Н. (2013). Имидж российских вузов глазами студентов. *Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»*. Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013008277>.
- Показатели деятельности образовательной организации высшего образования, подлежащей самообследованию (2022). Официальный сайт Южного федерального университета. Режим доступа: https://sfedu.ru/docs/ufudoc/UFU_pokazately.pdf.

References

- Badmaev V.N. (2015). Mission and identity of the University. *Bulletin of KalmSU. No, 2 (26)*, 38-43.
- Dagaeva, E.A. (2008). The image of the university and corporate identity. *Higher education in Russia*, 11, 89-93.
- Dagaeva, E.A. (2008). Corporate affiliation: initiative, structure, mechanisms of formation. *Bulletin of TIUE*, 2.
- Krylov, A.N. (2004). Corporate identity for managers and marketers. Moscow: Icarus Publishing House.
- Pushnykh, V.A. (2019). Comparison of the perception of the organizational culture of the university by teachers and students. *University management: Practice and analysis*, 23(1-2), 122-130.
- Chigrin, V. A., Gorodetskaya, E. G. (2018). Identity: features of sociological discourse. *Caucasian Science Bridge*, 1, 2(2), 71-78.
- Volkov, Yu. G., Kurbatov, V. I. (2022). Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation. *Humanities of the South of Russia*, 11, 2, 15-23. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.1.
- Afanasyeva M.S., Gallyamova E.N. (2013) The image of Russian universities through the eyes of students. *Materials of the V International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum"*. Available at: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013008277>.
- Performance indicators of an educational organization of higher education subject to self-examination (2022). Official website of the Southern Federal University. Available at: https://sfedu.ru/docs/ufudoc/UFU_pokazately.pdf.

Дата получения рукописи: 13.11.2022

Дата окончания рецензирования: 20.11.2022

Дата принятия к публикации: 24.11.2022

Информация об авторе

Пилипенко Анастасия Эдуардовна – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры прикладной конфликтологии и медиации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalosha@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Pilipenko Anastasiya Eduardovna – Candidate of Sociological Sciences, Lecturer, Department of Applied Conflictology and Mediation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kalosha@sfedu.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.7

EDN XACPSH

**Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен
в современных российских условиях****Ирина Н. Богданова¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Яна В. Артамонова²²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: janaserduchenko@mail.ru

Аннотация

Введение. Современная молодежь включена сегодня в разнообразные социальные институты, внутри которых формируется ее установки, ценности идентичности. Социологические исследования последних десятилетий отчетливо свидетельствуют, о том, что семья, несмотря на все многообразие формальных и содержательных изменений современных институтов семьи и брака, занимает ведущее место в шкале ценностных предпочтений молодых россиян, трансформируя матримониальные установки молодежи и обеспечивая сложный механизм социальной интеграции. Многовариантность и динамичность современных семейно-брачных отношений (сожительство, изменений возрастных границ брачности, изменений предела длительности брака, увеличением числа повторных браков, отсутствием детей в браке и т.д.) усиливает роль и значение индивидуализированных стратегий вхождения молодежи в данный социальный институт, оказывая на него обратное влияние, в части дальнейших изменений и трансформаций. Такая трансформация, по мнению авторов, характерна для современного института молодой семьи, который в силу целого ряда взаимосвязанных тенденций, и в особенности тенденции «отложенного брака», может перестать быть актуальным социальным феноменом, позволяющим молодежи использовать некоторые государственные виды помощи и поддержки, предусмотренные для семей подобного рода.

Методы. В рамках работы проводится анализ нормативно-правовых документов: ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», ФЦП «Жилище» на 2015-2020 годы, Государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Эмпирическую базу работы составляют: данные общероссийских исследований и результаты социологического исследования «Брачный возраст: предпочтения молодежи г. Ростова-на-Дону», проведенного в 2021 г. (N=200).

Результаты и их обсуждение. Имеющиеся в Российской Федерации нормативно-правовые акты в настоящее время стали фиксировать более четкие критерии термина «молодая семья». Авторы статьи считают, что изменения в нормативной терминологии связано с устойчивой тенденцией к увеличению среднего возраста как невесты, так и жениха при вступлении в брак, что, в свою очередь, обусловлено многими факторами: индивидуализация романтических отношений, увеличившейся свободой выбора, смена общественных регуляторов матримониальных установок на экономические. Несмотря на попытку сформулировать определенные критерии термина «молодая семья» в законодательной базе Российской Федерации, авторы отмечают, что трансформация брака с тенденциями индивидуализма, отсроченного брака, периода самореализации и отложенных, а порой и вовсе нереализованных репродуктивных функций семьи, приводит к тому, что феномен молодой семьи, в том виде, в котором он существует сегодня, в условиях российского общества становится ускользающим.

Ключевые слова: брак; супружество; семья; молодежь; молодая семья; возраст вступления в брак; отсроченный брак.

Для цитирования: Богданова И.Н., Артамонова Я.В. (2022). Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях. *Caucasian Science Bridge* 5 (3). С. 74–82. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.7>

Young family as an “elusive” social phenomenon in modern Russian conditions

Irina N. Bogdanova¹

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Yana V. Artamonova²

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: janaserduchenko@mail.ru

Abstract

Introduction. Modern youth is included today in a variety of social institutions, within which their attitudes, identity values are formed. Sociological studies of recent decades clearly show that the family, despite all the variety of formal and substantive changes in modern institutions of family and marriage, occupies a leading place in the scale of value preferences of young Russians, transforming the matrimonial attitudes of young people and providing a complex mechanism of social integration. The multivariance and dynamism of modern family and marriage relations (cohabitation, changes in the age limits of marriage, changes in the limit of the duration of marriage, an increase in the number of remarriages, the absence of children in marriage, etc.) enhances the role and importance of individualized strategies for young people to enter this social institution, providing it has the opposite effect, in terms of further changes and transformations. Such a transformation, according to the authors, is typical for the modern institution of a young family, which, due to a number of interrelated trends, and in particular the trend of “postponed marriage”, may cease to be an actual social phenomenon that allows young people to use some state types of assistance and support provided for families. of this kind.

Methods. As part of the work, an analysis of legal documents is carried out: the Federal Law “On Youth Policy in the Russian Federation”, the Federal Target Program «Housing» for 2015-2020, the State Program «Providing affordable and comfortable housing and utilities for citizens of the Russian Federation». The empirical basis of the work is: data from all-Russian studies and the results of the sociological study «Marriage age: preferences of young people in the city of Rostov-on-Don», conducted in 2021 (N=200).

Results and its discussion. The legal acts available in the Russian Federation have now begun to fix clearer criteria for the term “young family”. The authors of the article believe that changes in normative terminology are associated with a steady trend towards an increase in the average age of both the bride and groom upon marriage, which in turn is due to many factors: the individualization of romantic relationships, increased freedom of choice, the change in public regulators of matrimonial attitudes to economic. Despite an attempt to formulate certain criteria for the term “young family” in the legislative framework of the Russian Federation, the authors note that the transformation of marriage with the tendencies of individualism, delayed marriage, a period of self-realization and delayed, and sometimes completely unrealized reproductive functions of the family, leads to the fact that the phenomenon young family, in the form in which it exists today, in the conditions of Russian society becomes elusive.

Keywords: marriage; matrimony; family; youth; young family; age of marriage; delayed marriage.

For citation: Bogdanova I.N., Artamonova Ya.V. (2022). Young family as an “elusive” social phenomenon in modern Russian condition. *Caucasian Science Bridge*, 5 (3). P. 74–82. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.7>

Введение

Семья играет важную роль в судьбе как отдельного человека, так и общества в целом, поскольку именно развитие данного института влияет на демографические показатели страны и воспитание достойных граждан государства. Результаты всероссийских социологических исследований отчетливо свидетельствуют о том, что для россиян семья остается непреходящей терминальной ценностью. По мнению большинства опрошенного населения России, жизнь без семьи и детей является неполноценной (Аналитический обзор ВЦИОМ, 2022).

Трансформация институтов семьи и брака в России протекает в последние десятилетия в условиях сложного процесса изменений общественной системы в целом. Усложнение современной социальной структуры способствует сосуществованию и актуализации различных моделей семейно-брачных отношений. Так, несмотря на то, что исторически социологи фиксируют преимущественно переход к супружескому (партнерскому типу) семейных отношений, патриархальный и детоцентристский тип семейных

отношений продолжают существовать. Традиционная модель семейно-брачных отношений дополняется многообразными альтернативными формами ее существования, меняя представление россиян о семейных ролях, функциях семьи. Коль скоро, выступающая «оплотом стабильности» семья становится многовариантной, происходит переосмысление феномена семьи в сознании населения России в целом (Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и АНО, 2021). Данный процесс переосмысления феномена семьи отражается на семейном поведении россиян: высокая степень разводимости, увеличение среди населения тех, кто не имеет желания вступать в законный брак (снижение уровня брачности), более широкое распространение таких трендов, как малодетность и бездетность (чайлд-фри), увеличивая опасность демографического старения населения страны. Наряду с прочим, в контексте нашего исследования, нельзя не сказать о том, что в России четко прослеживается и такая тенденция, как увеличение брачного возраста партнеров.

Следует подчеркнуть, что обозначенные выше разнонаправленные процессы, происходящие в институтах семьи и брака, расширяют существующий понятийный аппарат социологии семьи. Так, скажем, понятие семья (с ее триединством: супружество-родительство-родство) (Антонов, Медков, 1995) дополняется социологами еще и таким понятием, как семейные формы (Гурко, 2017). Как отмечает Т.А. Гурко, такое расширение понятийного аппарата происходит в связи с изменением существующей нормативной конструкции термина «семья» из-за того, что «возникают новые семейные структуры, не укладывающиеся в классическое определение семьи и новые предметные области для осмысления и изучения» (Гурко, 2017, 101).

Как в этом случае быть с «молодой семьей»? Перечисленные тенденции не могут не отражаться на молодой семье. Из-за широкого распространения такой формы отношений, как сожитительство, изменений возрастных границ брачности, повторных браков, изменений предела длительности брака, отсутствия детей в браке трансформируется и существующее в настоящее время понятие «молодая семья», да и сам феномен, оказывается, как нам кажется «ускользающим». В нашем дальнейшем исследовании мы попытаемся ответить на этот вопрос, с учетом анализа возрастных границ брачности в современном российском обществе.

Направления изучения молодой семьи и методы исследования

Когнитивный интерес исследователей, занимающихся вопросами молодой семьи и матримониальными установками молодежи, представлен разнонаправленными векторами проблемного поискового поля. Среди актуальных исследований можно выделить: образ молодой семьи и качество жизни (Разов, Преснякова-Осипова, Юшкова, 2020) проблемы семейной политики (Бегина, 2022), репродуктивное поведение молодой семьи (Короленко, 2022; Верещагина, Рачипа и др., 2021), социальное самочувствие молодой семьи (Кожогелдиева, 2020), семейные конфликты в семье (Римашевская, Малышева, и др., 2016; Паршина В.В., 2016), разводы в молодых семьях (Лактюхина, Антонов, 2017).

Что же такое «молодая семья» и что представляет собой данный феномен, каковы его особенности в условиях современной российской реальности?

В своем дальнейшем анализе мы опираемся, прежде всего, на нормативно-правовую составляющую: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»¹. Также анализируется государственная поддержка граждан при приобретении (строительстве) жилья при помощи изучения документов нормативного регулирования: Федеральная целевая программа

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

«Жилище» на 2015-2020 годы¹; подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2015-2020 годы²; Положение о порядке реализации мероприятия по обеспечению жильем молодых семей ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»³.

Источниками данных в работе служат: статистические данные, общероссийские обследования, а также социологическое исследование, проведенное в 2021 году в г. Ростове-на-Дону в рамках изучения предпочтений молодежи о брачном возрасте.

Результаты и их обсуждение

Обратимся к существующим на законодательном и научно-теоретическом уровнях определениям дефиниции «молодая семья». Отметим, что до 2014 года не было дано точной, законодательно закрепленной формулировки термина «молодая семья». В 2014 году в рамках Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года дана следующая дефиниция: «молодая семья – семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов, либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст участников увеличивается до 35 лет)»⁴. В рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» на 2015 – 2020 годы участником подпрограммы может быть молодая семья: «в том числе молодая семья, имеющая одного ребенка и более, где один из супругов не является гражданином Российской Федерации, а также неполная молодая семья, состоящая из одного молодого родителя, являющегося гражданином Российской Федерации, и одного ребенка и более, соответствующие следующим требованиям:

а) возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье на день принятия органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации решения о включении молодой семьи – участницы подпрограммы в список претендентов на получение социальной выплаты в планируемом году не превышает 35 лет;

б) молодая семья признана нуждающейся в жилом помещении в соответствии с пунктом 7 настоящих Правил;

в) наличие у семьи доходов, позволяющих получить кредит, либо иных денежных средств, достаточных для оплаты расчетной (средней) стоимости жилья в части, превышающей размер предоставляемой социальной выплаты»⁵.

¹ Постановление от 17 декабря 2010 г. № 1050 О Федеральной целевой программе «Жилище» на 2015–2020 годы. Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/17-upr/%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf>

² Подпрограмма «обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2015 – 2020 годы. Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/17-upr/%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf>

³ Постановление от 27 фев. 2014 № 135 (Действующая редакция с изменениями от 26 окт. 2020 г.) «О порядке реализации основного мероприятия «Обеспечение жильем молодых семей» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» на территории Ростовской области. Режим доступа: <https://www.donland.ru/documents/3175/>

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/93887/>

⁵ Подпрограмма «обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2015–2020 годы. Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/17-upr/%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf>

Содержательное наполнение понятия «молодая семья» в нормативно-правовых документах неоднозначно. Так, если проанализировать представленный в нормативных актах термин «молодая семья», то мы видим, что определение, которое дается в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года выглядит более «затеоретизированным», мало отражающим процессы, происходящие в действительности. Здесь указывается на очередность первого брака (что в настоящее время бывает чаще исключением из правил, чем правилом), а также возрастные границы брачности, ограниченные рамками 30 лет.

Однако, в других документах, которые в первую очередь, касаются такой важнейшей для молодой семьи проблемы, как собственное жилье, возрастные рамки «молодой семьи» увеличены. Здесь мы видим увеличение возрастных границ брачности до 35 лет, допускается возможность межнациональных браков, указано на наличие детей и факт неполной семьи. И это вполне объяснимо, в контексте тех тенденций и трендов, о которых речь шла выше, в том числе, в условиях нарастающей тенденции отложенного (отсроченного) брака, характерного для современных институтов семьи и брака.

Наиболее актуальное определение «молодой семьи» дается в ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»: «молодая семья – лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона)¹. В ч. 3 статьи 6 ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» как раз говорится о возрастных границах молодежи, молодой семьи и молодых специалистов, которые могут меняться, но быть не меньше 35 лет, что, на наш взгляд, еще раз подчеркивает четкое отражение существующей тенденции – смещения брачного возраста в сторону его увеличения. В рамках данного определения мы уже не видим критериев, которые выделялись ранее: критерий очередности брака; также нет четкого ограничения по периоду семейно-брачных отношений и четко указан возраст – до 35 лет включительно.

Итак, трансформация содержательного наполнения понятия «молодая семья» в нормативной базе отражает особенности структурных и функциональных изменений, происходящих в российской молодой семье.

Действительно, если обратиться к социологическим исследованиям брачного возраста, то в них в последние годы отчетливо фиксируется тенденция отложенного (отсроченного брака) (рисунок 1)², обусловленная увеличением возрастных границ брака до 35 лет.

Представленные на рисунке 1 данные свидетельствуют о том, что официальное заключение первого брака в последние годы смещается с возраста 20-24 года на 25-29 лет. Идеальным возрастом вступления в брак большинство молодых людей считают возраст 25-29 лет. Об этом свидетельствуют результаты всероссийского исследования «Человек, семья, общество» (Третьякова, 2018, 190). И подтверждение этому мы зафиксировали при опросе молодежи Ростова-на-Дону: более 50% опрошенных респондентов отметили, что 25-29 лет считается наиболее подходящим возрастом для создания семьи (рисунок 2). Данные Росстата указывают на то, что сред-

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

² Статистика браков и разводов по данным Росстат. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/#i-3>

	1960 г.		1990 г.		2016 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
До 18 лет	0,0	0,3	1,0	5,5	0,5	3,0
18-19 лет	4,4	14,4	5,9	24,7	1,2	5,3
20-24 лет	48,8	49,0	46,6	34,3	18,7	27,5
25-29 лет	22,5	13,7	20,1	13,0	33,1	28,5
30-34 лет	8,7	7,7	9,4	7,7	19,2	16,0
35-39 лет	2,8	3,8	5,2	4,6	10,0	8,7
40-49 лет	3,7	4,1	5,0	4,5	10,1	8,0
50-59 лет	4,0	4,1	3,8	3,4	5,2	3,7
60 и более	5,0	2,9	2,9	2,2	2,5	1,5

Рисунок 1. Распределение первых браков по возрасту жениха и невесты, %

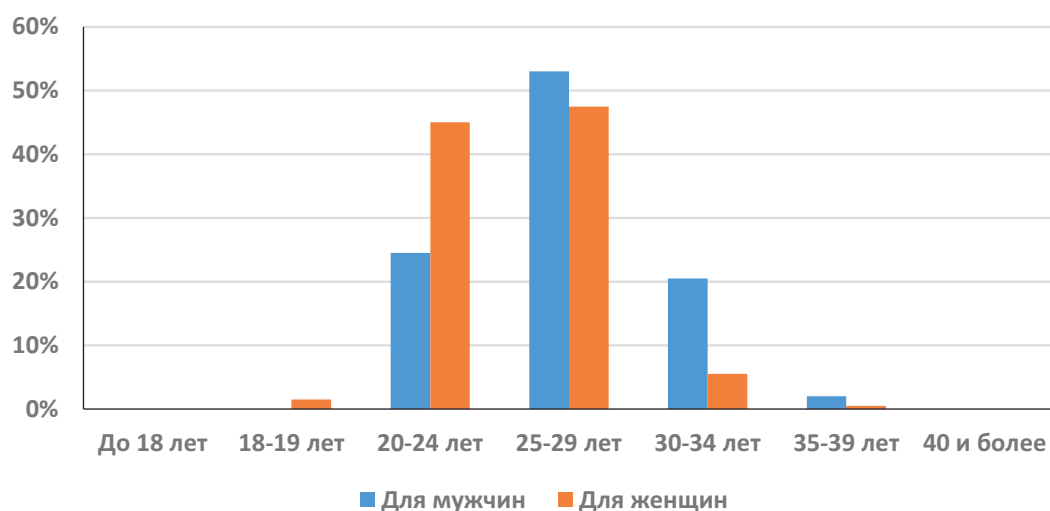

Рисунок 2. Распределение ответов на вопросы: «Какой возраст, на Ваш взгляд, наиболее подходящий для вступления в брак для мужчины / для женщины?», %

ний возраст мужчин и женщин в России, вступающих в брак, значительно вырос за последние 8-10 лет. Мы видим, что у мужчин – это 31,5 года, а у женщин – 27,5 года².

Подчеркнем, что социологи связывают феномен «старения» женихов и невест с распространением тенденций индивидуализации и «Я-ориентации» в молодежной среде. Социальная интеграция, вхождение молодежи в такую пространственно-временную локализацию как семья опосредовано также тем, что «теперь каждый сам отвечает за свое счастливое или несчастное будущее. Поэтому люди стали более осторожными: сначала живут вместе, а уже потом женятся. Чаще всего такие браки более стабильны, чем те, которые заключают в начале романтических отношений» (Когда пора по парам...). «Пробные» сожительства становятся распространенной ступенью на пути к созданию семьи» (Третьякова, 2018, с. 190). Активное участие женщин в трудовой деятельности и

¹ Статистика браков и разводов по данным Росстат. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/#i-3>

² Статистика браков и разводов по данным Росстат. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/#i-3>

построение карьеры также сказалось на том, что возраст вступления в семейно-брачные отношения увеличивается. При проведении опроса среди молодежи г. Ростова-на-Дону нами было выявлено, что ориентация на карьеру является одной из причин отложенного брака (70% респондентов указали данный показатель) (рисунок 3).

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «В чем Вы видите причины откладывания брака?», %

Процессы, происходящие сегодня на рынке труда, требуют от молодых людей высокой степени компетентности, что в свою очередь требует высокого уровня образования, а это влияет на удлинение процесса его получения, в связи с чем молодежь гораздо позже вступает в трудовую деятельность. Последнее, кстати сказать, все больше приводит к тому, что молодые люди, оставаясь долго в лоне родительской семьи, становятся инфантильными, формируется отмеченная выше «зацикленность на себе любимом», и, как следствие, нежелание и неумение брать на себя ответственность за жизнь и благополучие других (жен, мужей, детей, родственников).

Смещение возрастных границ брачности влияет на репродуктивное поведение молодой семьи. Построение карьеры, особенно со стороны женщины, может отразиться на том, что супруги задумываются о выполнении репродуктивной функции семьи после 30 лет, а многие вообще отказываются от рождения детей, о чем уже шла речь выше.

Казалось бы, что при возрастании степени рационализации со стороны молодежи при вступлении в брак процент разводов должен снижаться, но данный показатель не падает: по данным ЕМИСС в 2020 году в России распалось 73 % браков, годом ранее распалось браков на 8% меньше, а 30 лет распалось всего 42 % браков¹.

Описанные нами тенденции в матримониальном поведении молодежи, на наш взгляд, и в дальнейшем будут прослеживаться в российском обществе, отражаясь на молодой семье. К сожалению, фактором, который далеко не лучшим образом может повлиять на возникновение новых или усилением уже существующих тенденций в матримониальном поведении молодежи, может стать процесс частичной мобилизации в связи с проведением Российской Федерацией СВО. В настоящее время на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы РФ призваны те молодые люди, которым как раз от 24 до 35 лет. Мы предполагаем, что процесс частичной мобилизации может также негативно повлиять на выстраивании семейно-брачных отношений. Многие из числа мобилизованных мужчин к моменту призыва могут только заключить семейно-брачные отношения или же не иметь семью вовсе, что, на наш взгляд, может повлиять на конструирование молодой семьей репродуктивного поведения и еще больше укрепить в России тенденцию отсроченного брака. Стоит еще понимать,

¹ Число зарегистрированных разводов (оперативные данные). Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/33554>

что участие в военных действиях сказывается на психическом состоянии молодых мужчин, поэтому фактор мобилизации может привести и к такой тенденции, когда мужчины будут отказываться нести ответственность в виде заключения законного брака, что может увеличить рост сожительства и число разводов. Безусловно, влияние на молодую семью такого фактора, как частичная мобилизация, мы не сможем проследить в ближайшее время, так как он имеет отсроченный характер.

Заключение

Подводя итоги, мы пришли к следующему выводу. В условиях формирования нового облика институтов семьи и брака в России, обусловленного многовариантностью и новыми трендами, тенденциями существования современных семейно-брачных отношений, феномен «молодой семьи» действительно выглядит «ускользающим». Распространение гражданских браков (во всем их многообразии – вплоть до гостевых и сезонных), дополняясь увеличением брачного возраста (отсроченный, отложенный брак) и высокой степенью разводимости, обусловленные распространением обозначенных выше тенденций (индивидуализация, инфантилизм и т.д.), а также текущими социальными процессами (проводимая СВО и связанная с ней мобилизация) – все это свидетельствует в пользу того, что социальная интеграция молодежи посредством институтов семьи и брака, как это закреплено в соответствующих нормативно-правовых документах, в ближайшее время может привести к тому, что вступившие в брак не смогут по объективным причинам воспользоваться правом называться «молодой семьей», а, следовательно, пользоваться положенными ей возможными льготами и государственной поддержкой.

Литература

- Антонов, А.И., Медков, В.М. (1996). Социология семьи. М.: Изд-во МГУ.
- Бегинина, И.А. (2022). Молодая семья в регионе: теория, практика и проблемы семейной политики. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 22, 3, 255-260. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-3-255-260.
- Верещагина, А.В., Рачипа, А.В., Самыгин, С.И., Щербакова, Л.И. (2021). Молодая семья в России в условиях демографического кризиса, Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 128.
- Вильданова, С.М., Граничная, А.А., Мингалиева, А.Р., Саляхиева, Л.М. (2017). Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи. *Мониторинг*, 3 (139).
- Гурко, Т.А. (2017). Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия. *Социологические исследования*, 11, 99-110.
- Кожогелдиева, К.М., Кожогелдиева, М.А. (2020). Социально-психологические особенности отношений в молодой семье. *Эпоха науки*, 22, 238-242. DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12253.
- Короленко, А.В., Калачикова, О.Н. (2022). Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15, 2, 172-189. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.11.
- Лактюхина, Е.Г., Антонов, Г.В. (2017). От брака к разводу и обратно. *Стратегии и тактики постразводного поведения. Волгоград: Волгоградский государственный университет*, 158.
- Паршина, В.В. (2016). Развод и домашнее насилие как факторы деформации семейных отношений. *Таврический научный обозреватель*, 2(7), 138-141.
- Разов, П.В., Преснякова-Осипова, И.В., Юшкова, С.А. (2020). Молодая семья в современном российском социуме: образ и качество жизни, Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 210. DOI: 10.12737/1067069.
- Римашевская, Н.М., Малышева, М.М., Морозова, Т.В., Пискалова-Паркер, М.П. (2016). Гендерные представления и домашнее насилие в молодых семьях Карелии. *Народонаселение*, 2 (72), 50-60.
- Третьякова, Е.А. (2018). Идеальный брачный возраст. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 11 (2), 190–211. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2018.204.
- Аналитический обзор ВЦИОМ «Жить полной жизнью: как и с кем?». Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-polnoi-zhiznju-kak-i-s-kem>.
- Когда пора по парам? Современная семья в графиках и цифрах. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8901099>
- Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты» «Российская семья: как сохранить традиции и обрести новые смыслы?». Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210910_Demografija_doklad.pdf.

References

- Antonov, A.I., Medkov, V.M. (1996). *Sociology of the family*. Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1996.
- Beginina, I.A. (2022). Young family in the region: theory, practice and problems of family policy. *News of Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political Science*, 22, 3, 255-260. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-3-255-260.
- Gurko, T.A. (2017). New family forms: distribution trends and concepts. *Social Research*, 11, 99-110.
- Kozhogeldieva, K.M., Kozhogeldieva, M.A. (2020). Socio-psychological features of relationships in a young family. *Epoch of Science*, 22, 238-242. DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12253.
- Korolenko, A.V., Kalachikova, O.N. (2022). Reproductive attitudes of young families: factors and conditions of implementation (based on in-depth interviews). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, forecast*, 15, 2, 172-189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11.
- Laktyukhina, E.G., Antonov, G.V. (2017). From marriage to divorce and back. Strategies and tactics of post-divorce behavior. Volgograd: Volgograd State University, 158.
- Parshina, V.V. (2016). Divorce and domestic violence as factors of deformation of family relations. *The Tauride Scientific Observer*, 2(7), 138-141.
- Razov, P.V., Presnyakova-Osipova, I.V., Yushkova, S.A. (2020). A young family in modern Russian society: image and quality of life, Moscow: Limited Liability Company "INFRA-M Scientific Publishing Center", 210. DOI: 10.12737/1067069.
- Rimashevskaya, N.M., Malysheva, M.M., Morozova, T.V., Pisklakova-Parker, M.P. (2016). Gender perceptions and domestic violence in young families of Karelia. *Population*, 2 (72), 50-60.
- Tretyakova, E.A. (2018). The ideal age of marriage. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 11(2), 190-211. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2018.204
- Vereshchagina, A.V., Rachipa, A.V., Samygin, S.I., Shcherbakova L.I. (2021). A young family in Russia in a demographic crisis, Moscow: Rusains Limited Liability Company, 128.
- Vildanova, P.M., Granichnaya, A.A., Mingaleeva, A.R., Salahieva, L.M. (2017). A tendency towards childfree lifestyle in Russia and its influence on the crisis of the institution of family. *Monitoring*, 3 (139).
- Analytical review of VCIOM "To live a full life: how and with whom?". Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-polnoi-zhiznju-kak-i-s-kem>.
- Joint analytical report of VCIOM and autonomous non-profit organization «National Priorities» Russian Family: how to preserve traditions and find new meanings?". Available at: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210910_Demografija_doklad.pdf
- When is it time for couples? Modern family in charts and figures. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/8901099>

Дата получения рукописи: 30.10.2022

Дата окончания рецензирования: 16.11.2022

Дата принятия к публикации: 24.11.2022

Информация об авторах

Богданова Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Артамонова Яна Викторовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: janaserduchenko@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bogdanova Irina Nikolaevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Artamonova Yana Viktorovna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: janaserduchenko@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 316.354, 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.8

EDN XDQEDK

**Социальная диагностика организационных патологий:
сравнительный анализ коммерческих и некоммерческих организаций****Ирина А. Янкина¹**¹Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, Россия

e-mail: i.yankina@tmei.ru

Андрей В. Рачипа²²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

(МАИ), г. Москва, Россия

e-mail: rachipa@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Обосновывается актуальность исследования проблем внутренней среды отечественных организаций и проведения социальной диагностики организационных патологий. Цель работы – исследовать патологии внутренней среды организаций, рассмотрев специфику коммерческих и некоммерческих организаций (на примере г. Таганрога).

Методы. Методологической базой работы являются труды А.И. Пригожина, В.В. Щербины, Ю.В. Куприянова. Анализ осуществлялся на основе анкетного опроса сотрудников коммерческих и некоммерческих организаций (г. Таганрог). Съём информации производился по 5-ти балльной ранговой шкале в двухмерном пространстве: опасность патологий и интенсивность проявления патологий. Новизна исследования заключается в выявлении интенсивности проявления организационных патологий; определении неоднородности опасных патологий и проведении сравнительного анализа (в том числе методом парной ранговой корреляции) для коммерческих и некоммерческих организаций.

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования указывают, что опасность патологий для коммерческих и некоммерческих организаций примерно одинакова. Список интенсивно проявляющихся в некоммерческих и коммерческих организациях патологий различается, т.е. совпадения происходят реже, чем это было зафиксировано в отношении показателя опасности. Таким образом, патологии одинаково опасны для каждой из анализируемых групп организаций, но интенсивность проявления зависит от типа организации. Анализ показывает, что дисфункции внутренней среды в организациях имеют несколько разные источники. Для некоммерческих организаций самый высокий уровень угрозы связан с такой патологией, как «демотивирующий стиль руководства». Для коммерческой организации наивысший уровень угрозы несут такие патологии, как «стагнация», «демотивирующий стиль руководства» и «господство структуры над функцией». По мнению респондентов, внутренняя среда некоммерческих организаций менее подвержена патологическим проявлениям, чем в коммерческих организациях. Основным источником внутриорганизационных дисфункций, диагностируемых в качестве патологических явлений, оказывается не столько персонал, сколько руководители организаций. Выявленные в ходе исследования патологии, составляющие наибольшую угрозу, полностью подконтрольны управляющему звену организации.

Ключевые слова: организационные патологии; внутренняя среда; уровень угроз; коммерческие организации; некоммерческие организации.

Для цитирования: Янкина И.А., Рачипа А. А. (2022). Социальная диагностика организационных патологий: сравнительный анализ коммерческих и некоммерческих организаций. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 84–96. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.8>

**Social diagnostics of organizational pathologies: a comparative analysis
of commercial and non-profit organizations****Irina A. Yankina¹,**¹Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

e-mail: i.yankina@tmei.ru

Andrey A. Rachipa²

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI), Moscow, Russia
e-mail: rachipa@sfnedu.ru

Abstract

Introduction. The urgency of studying the problems of the internal environment of domestic organizations and conducting social diagnostics of organizational pathologies is substantiated. The purpose of the work is to investigate the pathologies of the internal environment of organizations, considering the specifics of commercial and non-profit organizations (on the example of Taganrog).

Methods. The methodological basis of the work is the works of A.I. Prigogine, V.V. Shcherbina, Yu.V. Kupriyanov. The analysis was carried out on the basis of a questionnaire survey of employees of commercial and non-profit organizations (Taganrog). Information was collected on a 5-point rank scale in a two-dimensional space: the danger of pathologies and the intensity of the manifestation of pathologies. The novelty of the study lies in the identification of the intensity of the manifestation of organizational pathologies; determining the heterogeneity of the danger of pathologies and conducting a comparative analysis (including the method of paired rank correlation) for commercial and non-profit organizations.

Results and its discussion. The results of the study indicate that the risk of pathologies for commercial and non-profit organizations is approximately the same. The list of pathologies that are intensively manifested in non-profit and commercial organizations varies; coincidences occur less frequently than was recorded for the hazard indicator. Thus, pathologies are equally dangerous for each of the analyzed groups of organizations, but the intensity of manifestation depends on the type of organization. The analysis shows that the dysfunctions of the internal environment in organizations have several different sources. For non-profit organizations, the highest level of threat is associated with such a pathology as “demotivating leadership style”. For a commercial organization, pathologies such as “stagnation”, “demotivating leadership style” and “domination of structure over function” carry the highest level of threat. According to respondents, the internal environment of non-profit organizations is less prone to pathological manifestations than in commercial organizations. In general, the main source of intra-organizational dysfunctions diagnosed as pathological phenomena is not so much the staff as the leaders of organizations. The pathologies identified during the study, which constitute the greatest threat, are completely controlled by the management of the organization.

Keywords: organizational pathologies; internal environment; threat level; commercial organizations; non-profit organizations.

For citation: Yankina I.A., Rachipa A. A. (2022). Social diagnostics of organizational pathologies: a comparative analysis of commercial and non-profit organizations. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 84–96. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.8>

Введение

Корректное функционирование организации является залогом её успешности и конкурентоспособности в социально экономической системе и свидетельствует о высоком качестве управления. Современная изменчивость состояния внешней среды для отечественных организаций становится основой для формирования желаемого состояния внутренней среды. Учитывая, что только внутренняя среда находится под контролем менеджмента организации, конкурентоспособность есть результат качества управления, умения правильно оценить динамику социально-экономических перемен по слабым сигналам и способности предвидеть логику развития событий. Чем более развиты управленческие компетенции, тем менее значимо дисфункции отражаются на организации. В ходе анализа объективных данных деятельность организации отражается в таких показателях, как экономическая эффективность, прибыль, объём продаж. Однако не менее информативными могут быть субъективные оценки, которые дают сотрудники организации. Таким образом, социологические исследования становятся информативным инструментарием для решения проблем в сфере управленческой практики. Если экономические показатели наглядно демонстрируют результат качественного / некачественного управления, то социологический анализ позволяет определить источники существующих или возможных проблем. На этой основе определяются «зоны» во внутренней сре-

де организации, из-за которых происходит снижение качества управления, и которые провоцируют снижение эффективности управления. Современная ситуация указывает на необходимость формирования социально ориентированного бизнеса. В частности, актуализируется вопрос совершенствования социальной среды организации, что детерминирует необходимость оценки социальных патологий организации.

Цель работы – исследовать патологии внутренней среды организаций, рассмотрев специфику коммерческих и некоммерческих организаций (на примере г. Таганрога).

Для достижения поставленной решались следующие задачи:

- определить роли патологических явлений во внутриорганизационных процессах;
- провести сравнительный анализ интенсивности проявления патологий в коммерческих и некоммерческих организациях;
- провести сравнительный анализ неоднородности опасных патологий для коммерческих и некоммерческих организаций;
- определить зону наибольшей угрозы со стороны патологий для коммерческих и некоммерческих организаций.

Новизна исследования заключается в выявлении интенсивности проявления организационных патологий; определения неоднородности опасности патологий и проведения сравнительного анализа (в том числе методом парной ранговой корреляции) для коммерческих и некоммерческих организаций. Полученные результаты способствует приращению новых знаний в теории социологии управления, позволяющих усовершенствовать практику борьбы с внутриорганизационными дисфункциями.

Методология

Большим аналитическим потенциалом, на наш взгляд, обладает подход определения организационных патологий, который разработан А.И. Пригожиным. Согласно его данным, впервые сформулировала понятие «организационная патология» Я. Стинишкис, определявшая его как «отклонение от нормы» (Staniszki, 1972). При этом А.И. Пригожиным определялось, что «феноменологическим признаком патологического состояния организации является неспособность организации достичь стоящих перед ней целей и задач» (Пригожин, 2003, 93-104).

Исследование уровня интенсивности патологии проводится на основе выделенной А.И. Пригожиным типологии патологий и методом оценки патологий, которое было приведено Ю.В. Куприяновым, Е.А. Кутлуниным (Куприянов, Кутлунин, 2018, 29-41). Классификация патологий, предложенная А.И. Пригожиным, производится по источникам возникновения. Согласно А.И. Пригожину инициировать организационные патологии может как субъект, так и объект управления. Если в первом случае речь идет о невысоком качестве управления, то во втором о неразвитости определенных управленческих компетенций. Данная типология организационных патологий заложила основу для дальнейшей исследовательской деятельности российских ученых:

- расширение списка типологий и оценки их последствий для организации приводится в работе А.А. Борейшо (Борейшо, 2021, 12-23),
- разработка системы оценок критериев нормы организации с учетом профиля деятельности осуществлена Л.Л. Тихомировой, В.Б. Никишиной (Тихомирова, Никишина, 2018, 8-17),

- сопоставление типовых организационных патологий с жизненным циклом организации в контексте аномальных проблем развития отечественных организаций проведена А.В. Русаковым (Русаков, 2019, 48-107),
- описание возможных подходов по выявлению патологических процессов в организации выполнено О.А. Рымкевич (Рымкевич, 2013, 26-34).

Описанный метод позволяет структурировать составляющие каждого из типов. Каждая из патологий имеет свои особенности и последствия для организации. Очевидно, что проявление тех или иных патологий в организации достаточно нестабильно, зависит от влияния внешней среды, управленческого опыта и менеджерского таланта руководителя. В связи с этим гносеологическое ядро данного исследования концентрируется в рамках сравнительного анализа патологических проявлений в коммерческих и некоммерческих организациях. Исследование в рассматриваемой области предполагает изучение опасности патологий и интенсивности ее проявления. На основе этих данных рассчитывается уровень угрозы каждой патологии в организации. Коэффициент ранговой корреляции позволяет сравнить и определить специфику неоднородности проявления и опасности в коммерческих и некоммерческих организациях. Для диагностики состояния внутренней среды организаций города Таганрога был проведен опрос среди работающих горожан. Сбор первичной информации осуществлялся в 2022 г. на основе анкетирования, позволяющего осуществить экспертную оценку внутренней среды коммерческих и некоммерческих организаций г. Таганрога. В опросе участвовали 100 экспертов – сотрудников из 15 коммерческих организаций, представляющих средний и крупный бизнес в г. Таганроге, и 50 респондентов, представляющих 12 некоммерческих организаций г. Таганрога. Исследование предполагало использование 5-ти балльной ранговой шкалы (где 5 баллов – максимальное значение, 1 балл – минимальное значение) в двухмерном пространстве: опасность патологий для организации и интенсивность проявления патологий в организации. Методологическую основу составили наработки В.В. Щербины (Щербина, 1995, 83-95), охарактеризовавшего сущность роли патологических явлений, А.И. Пригожина, описавшего типологию патологий организации, и Ю.В. Куприянова, предложившего методику анализа и описавшего матрицу организационной диагностики патологий (Куприянов, Кутлуни, 2018, 29-41).

Результаты исследования и их обсуждение

Патологии для организации являются крайне опасным явлением. Их появление свидетельствует о деструктивных тенденциях, возникающих в процессе управления. Патологии могут проявляться в различных сферах деятельности организации и иметь различную интенсивность проявления. Как отмечает Н.И. Ануфриева, «зависимость патологий от многих факторов, их взаимосвязь с элементами структуры организации требуют системного подхода в устранении патологии» (Ануфриева, 2006, 160). Локализация патологии, ликвидация её источников является задачей органов управления. Появление патологии в деятельности организации указывает на ошибки управленческой практики, в результате которых возникают и усугубляются организационные дисфункции. Проводя исследования в данной области Н. Rahimi делает вывод о необходимости «применять исследование организационных патологий для выявления и эффективного устранения сильных и слабых сторон иранских организаций», так как, отмечает исследователь, «большинство убытков в организациях связаны с этими аспектами» (Rahimi, 2020, 908-910).

Очевидно, что чем больше патологий появляется в организации и чем сильнее их проявления, тем менее управляемой становится организация и ниже качество управления. При отсутствии соответствующего управленческого воздействия на причины возникновения патологий в организации можно ожидать снижение ее адаптивности к внешней среде и ухудшение основных показателей. По мнению В.В. Щербины, процесс «поиска симптомов патологий» является целью диагностики организаций (Щербина, 1995, 87). Таким образом, диагностика организационной патологии позволяет органам управления выявить направления совершенствования деятельности, рационально распределять ресурсы по «болевым точкам» внутренней среды. Как отмечают исследователи, «социологическая диагностика затрагивает как общие вопросы функционирования организации, так и, через изучение отдельного человека, вопросы, скрытые от исследователя, но служащие основой организационных изменений» (Ильиных, Крейк, Тевлюкова, Звягинцев, 2020, 200). В целом диагностика организационных патологий должна стать частью социально-экономической диагностики организации, направленной на мониторинг и оценку состояния внутренней среды организации. Однако на данный момент в этом направлении наблюдается недостаточная методологическая проработанность, требующая «системной методологии, интегрирующей комплексную оценку всех подсистем жизнедеятельности организации в единую архитектуру» (Куприянов, 2014, 56).

Патология прорастает в структуре организации, со временем становится её частью, в связи с этим не распознается как деструкция со стороны «старых» сотрудников. Как отмечают исследователи, «при любой попытке руководителя повысить производительность и результативность трудовой деятельности при управлении персоналом организации, необходимо помнить, что решающую роль играет «человеческий фактор»» (Белов, Рачипа, Самыгин, 2019, 17). Поэтому патологию сложно устранить, так как она деформирует модель поведения работника, искажает нормальное трудовое поведение сотрудников, как руководителя, так и подчиненных. В целом, социальные установки достаточно трудно изменить, так как патологические проявления «врастают» в трудовую деятельность и заменяют нормальные схемы трудового взаимодействия.

Патология может проявляться более или менее интенсивно, что зависит от внутренней и внешней среды организации. Это позволяет предположить, что целевая ориентация организации, задающая основу ее производственной, финансовой и стратегической деятельности, специфическим образом отражается как на интенсивности проявления, так и на опасности организационных патологий в коммерческих и некоммерческих организациях. Сравнительный анализ выявленной неоднородности значения показателей по каждому типу организаций позволяет рассчитать коэффициент парной корреляции, определяющий степень их схожести в контексте развития патологических процессов.

С целью проведения сравнительного анализа интенсивности проявления патологий в коммерческих и некоммерческих организациях произведен расчет среднеарифметического значения оценок респондентов по пространству «интенсивность проявления» для каждой патологии, диагностируемой в коммерческих и некоммерческих организациях. Каждому из полученных значений присвоен ранг, а результаты занесены в таблицу (см. табл. 1). На основе полученных данных был рассчитан коэффициент парной ранговой корреляции интенсивности проявления патологий в НКО и коммерческих организациях. Коэффициент парной ранговой корреляции интенсивности проявления патологий рассчитывался по формуле:

$$p = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n^3 - n},$$

где d – разность рангов; n – общее число рангов (в нашем исследовании $n = 17$);

$\sum d^2$ – сумма квадратов разности рангов.

Расчет показал, что коэффициент равен $p = 0,79167$. Таким образом, характер проявления патологий в НКО и коммерческих организациях схож.

Согласно полученным данным, для НКО самыми часто проявляющимися в организации являются «дублирование организационного порядка», «бюрократия», «стагнация». Для коммерческих организаций характерна «стагнация», «дублирование организационного порядка», «господство структуры над функцией», «бессубъектность», «конфликт». В коммерческих организациях патологий больше. В некоммерческих организациях бюрократия является одним из значимых патологических проявлений (она занимает второе место в рейтинге). Тогда как в коммерческих организациях бюрократия имеет ранг равный 8. Это указывает на то, что в НКО действуют устаревшие, не соответствующие современным требованиям процедуры, регламенты и правила поведения сотрудников. Необходимо отметить, что данная проблема свойственна не только российской системе управления.

Таблица 1

Сравнительная оценка интенсивности проявления патологий

Патологии	НКО		Коммерческие организации	
	проявление	ранг	проявление	ранг
1.1 Господство структуры над функцией	2,31	7	2,6	3
1.2 Автаркия подразделений	2	11	1,94	14
1.3 Несовместимость личности с функцией	2,08	10	2,14	10
1.4 Бюрократия	2,54	2,5	2,44	8
2.1 Конфликт	2,08	10	2,5	5
2.2 Неуправляемость	1,92	12,5	2,09	13
2.3 Бессубъектность	2,31	7	2,516	4
2.4 Преобладание личных отношений над служебными	1,92	12,5	2,11	12
2.5 Рассеивание целей	2,08	10	1,91	15
2.6 Клика	1,61	15,5	1,55	17
3.1 Маятниковые решения	1,85	14	2,17	9
3.2 Дублирование организационного порядка	2,77	1	2,64	2
3.3 Игнорирование организационного порядка	2,38	4,5	2,47	7
3.4 Разрыв между решениями и реализацией	2,31	7	2,12	11
3.5 Стагнация	2,54	2,5	2,65	1
3.6 Демотивирующий стиль руководства	2,38	4,5	2,48	6
3.7 Инверсия	1,61	15,5	1,69	16

На традиционность бюрократического стиля управления в государственном секторе и отсутствие эффективно реализуемых программ административного реформирования указывают исследования, проведенные В. Kombate, М. Emmanuel, К.К. Richard (Kombate, Emmanuel, Richard, 2021, 1-25).

В тоже время внутренняя среда бизнес-организации характеризуется присутствием таких патологий, как «бессубъектность» и «конфликт». Последнее приводит к тому, что подавляющая часть конфликтов в организации сопровождается переводом на личности; а в процессе функционирования часто возникает проблема с четкостью распределения обязанностей. Следствием является отсутствие ясного представления о том, «кто за что отвечает» и к кому обращаться в ходе внутриорганизационного взаимодействия. Полученные данные совпадают с результатами исследования, проведенного Е.Ю. Плешакова, показавшего, что среди наиболее распространенных патологий менеджмента в современных компаниях, является «бессубъектность» (Плешакова, 2016, 73).

Среди тех патологий, которые меньше всего проявляются в НКО, можно отметить такие, как «неуправляемость», «преобладание личных отношений над служебными», «маятниковые решения», «клика», «инверсия». Для коммерческих организаций реже всего проявляются такие как: «автаркия подразделений», «рассеивание целей», «инверсия», «клика». Таким образом, результаты управленческих решений полностью соответствуют их замыслам; деятельность подразделений и отделов отечественных компаний сосредоточена, преимущественно, на достижение целей компании; а логика системы целеполагания последовательна в рамках схемы «цели организации – цели руководителя – цели исполнителя». Целеполагание является основополагающей составляющей в деятельности организации. Как отмечают А.В. Дятлов, И.А. Гуськов, А.В. Попов, «неясность целей организации способствует сегментации интересов» (Дятлов, Гуськов, Попов, 2014, 138). Таким образом, полученные в ходе исследования результаты показывают в этом отношении достаточно позитивные тенденции для отечественных организаций.

Далее произведем сравнительную оценку опасности патологий для коммерческих и некоммерческих организаций. Для этого был произведен расчет среднеарифметического значения оценок респондентов по каждой из патологий для коммерческих и некоммерческих организаций, результаты проранжированы (см. табл. 2). Самым опасным для НКО являются «демотивирующий стиль руководства», «неуправляемость». Для коммерческих организаций этот набор патологий немного шире: «демотивирующий стиль руководства», «автаркия подразделений», «неуправляемость». Для коммерческих организаций эти патологии, по мнению экспертов, более опасны. Обратим внимание на то, что неуправляемость (т.е. потеря контроля над процессами и персоналом) хаотизирует внутриорганизационное взаимодействие. Данная патология имеет характер социальной дисфункции, т.к. ее источником является персонал организации. При этом особенно опасна ситуация неуправляемости в организации на фоне нарастания кризисных процессов. Поэтому «антикризисные коммуникации с сотрудниками должны выстраиваться на регулярной основе, причем не просто соответствовать должностным обязанностям «адресата», а позволять сотрудникам эффективно выполнять свой функционал» (Янкина, 2020, 45).

Самый низкий уровень опасности для НКО имеет такая патология, как «инверсия». Для коммерческих организаций самый низкий уровень опасности имеют «инверсия» и «дублирование организационного порядка».

Таблица 2

Сравнительная оценка опасности патологий

Патологии	НКО		Коммерческие организации	
	опасность	ранг	опасность	ранг
1.1 Господство структуры над функцией	3,46	7	3,57	8
1.2 Автаркия подразделений	3,69	3,5	3,94	2
1.3 Несовместимость личности с функцией	3,62	5	3,69	6
1.4 Бюрократия	3,31	9	3,14	12
2.1 Конфликт	3,08	13	3,15	11
2.2 Неуправляемость	3,85	2	4,17	1
2.3 Бессубъектность	3,16	11	2,98	14
2.4 Преобладание личных отношений над служебными	2,92	15	2,92	15
2.5 Рассеивание целей	3,69	3,5	3,74	4,5
2.6 Клика	2,92	15	3,08	13
3.1 Маятниковые решения	3,15	12	3,33	10
3.2 Дублирование организационного порядка	2,92	15	2,77	16,5
3.3 Игнорирование организационного порядка	3,38	8	3,59	7
3.4 Разрыв между решениями и реализацией	3,23	10	3,51	9
3.5 Стагнация	3,54	6	3,74	4,5
3.6 Демотивирующий стиль руководства	3,92	1	3,77	3
3.7 Инверсия	2,31	17	2,77	16,5

Данные показали, что коэффициент парной ранговой корреляции опасности патологий, рассчитанный для НКО и коммерческих организаций, равен $r=0,9167$. Таким образом, опасности патологий для НКО и коммерческих организаций практически не различаются. Функционируя в одной и той же среде, организации попадают в зону влияния одних и тех же опасностей. Можно сделать вывод о том, что феномен патологий по уровню опасности (с точки зрения экспертов) не связан со сферой деятельности. Так же следует отметить, что список проявляющихся в НКО и коммерческих организациях патологий немного разнится, т.е. не так схож, как это было зафиксировано в отношении коэффициента ранговой корреляции, рассчитанного по показателю опасности. Таким образом, патологии одинаково опасны для каждой из анализируемых групп организаций, но интенсивность проявления зависит от типа организации.

Следующим шагом определим зону наибольшей угрозы со стороны патологий для коммерческих и некоммерческих организаций. Для этого рассчитаем уровень угроз патологий как произведение значений из таблицы 1 и таблицы 2. В результате показатель «уровень угроз патологии» может меняться в интервале от 1 балла (минимальное значение) до 25 баллов (максимальное значение).

Полученные данные отражены в таблице 3. Они позволяют судить об умеренном и низком значениях уровня угроз со стороны анализируемых патологий в организациях. Сравнительная оценка уровня угроз со стороны патологий в НКО и

коммерческих организациях показывает, что дисфункции внутренней среды в организациях имеют несколько разные источники. Для некоммерческих организаций самый высокий уровень угрозы связан с такой патологией, как «демотивирующий стиль руководства». Опасность данной патологии в том, что здесь доминирует репрессивный тип управления, ярко выражено стремление руководства эмоционально подавить персонал и минимизация в использовании позитивных формальных и неформальных санкций. Следствием такой патологии является фрустрация и безынициативность персонала.

Таблица 3

Сравнительная оценка уровня угроз со стороны патологий

Патологии	НКО		Коммерческие организации	
	уровень	ранг	уровень	ранг
1.1 Господство структуры над функцией	7,99	6	9,28	3
1.2 Автаркия подразделений	7,38	11	7,64	9
1.3 Несовместимость личности с функцией	7,52	8	7,89	6
1.4 Бюрократия	8,40	3	7,66	8
2.1 Конфликт	6,40	13	7,87	7
2.2 Неуправляемость	7,39	10	8,71	5
2.3 Бессубъектность	7,29	12	7,49	10
2.4 Преобладание личных отношений над служебными	5,60	15	6,16	15
2.5 Рассеивание целей	7,67	7	7,14	14
2.6 Клика	4,73	16	4,77	16
3.1 Маятниковые решения	5,82	14	7,22	13
3.2 Дублирование организационного порядка	8,08	4	7,31	12
3.3 Игнорирование организационного порядка	8,04	5	8,86	4
3.4 Разрыв между решениями и реализацией	7,46	9	7,44	11
3.5 Стагнация	8,99	2	9,91	1
3.6 Демотивирующий стиль руководства	9,32	1	9,34	2
3.7 Инверсия	3,74	17	4,68	17

Для коммерческой организации наивысший уровень угрозы несут такие патологии, как «стагнация» (имеет самый высокий уровень опасности исходя из всего проанализированного массива данных), «демотивирующий стиль руководства» и «господство структуры над функцией». Опасность стагнации, как организационной патологии, связан с тем, что с течением времени в организации возникают процессы, препятствующие естественному развитию внутриорганизационной среды и возможности внедрения инноваций. Для персонала это означает утрату креативности, способности адаптации к изменяющейся среде, потерю инновационной компетентности. Однако, как отмечают А.В. Верещагина, К.С. Мухина, «в условиях информатизации и цифровизации общества, высокой динамики инноваций и новых технологий приоритетное значение приобретают ценности, свя-

занные с умением работать в условиях рисков, динамичных изменений, социальной неопределенности» (Верещагина, Мухина, 2020, 85). Таким образом, с одной стороны, для персонала стагнация в организации ведет к депрофессионализации, с другой, негативный эффект подобной инволюции и отсутствие хорошо оформленного вектора развития организации ведет к потере конкурентоспособности, утрате ею финансовой состоятельности. Опасность такой патологии, как «господство структуры над функцией» связана с отвлечением управленческими подразделениями всех отделов от своей основной работы, т.к. рабочее время тратится на выполнение сопутствующих поручений и согласование действий внутри организации.

В тоже время самыми незначительными патологиями, не имеющими влияния на деятельность организаций (вне зависимости от того, о какой организации идет речь: коммерческой или некоммерческой), являются «клика» и «инверсия».

Расчет коэффициента парной ранговой корреляции НКО и коммерческих организаций итогового уровня угроз патологий ($r=0,7341$) говорит о том, что он в целом схож в обеих группах. Однако, уровень угроз, который провоцируют патологии для НКО, несколько ниже. Это свидетельствует о том, что, по мнению респондентов, внутренняя среда НКО менее подвержена патологическим проявлениям, чем в коммерческих организациях.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что основным источником внутриорганизационных дисфункций, диагностируемых в качестве патологических явлений, оказывается не столько персонал, сколько руководители организаций. Выявленные в ходе исследования патологии, составляющие наибольшую угрозу («стагнация», «демотивирующий стиль руководства», «господство структуры над функцией»), полностью подконтрольны управляющему звену организации. Возникновение и развитие патологий – это ошибки в деятельности руководства. Это серьезно усложняет работу по устранению патологических явлений в организации. Неоспорим тот факт, что патологии опасны потому, что приносят существенную деструкцию в функционирование организации. Однако более существенным негативным последствием является снижение авторитета управленческого звена среди сотрудников. С точки зрения персонала руководитель, приносящий дисфункции в деятельность организации, не может требовать исполнительности и эффективности от других. Даже если патология связана с узкой областью деятельности, а остальная деятельность менеджера достаточно рациональна, она все равно будет ставиться под сомнение. Таким образом, негативный контекст, порожденный отдельной патологией, будет распространяться на всю управленческую деятельность. Данная ситуация возможна если патология в управлении осознана персоналом. Учитывая достаточно высокий уровень образования персонала в российских организациях, подобный вариант развития событий достаточно вероятен. Вместе с тем, если менеджмент ориентирован на повышение качества управления, диагностирует и осознает имеющиеся в организации патологии управления, то их ликвидировать проще, чем неосознаваемые виды патологий. Связано это с тем, что руководство заинтересовано в повышении качества управления, которая ведет к росту KPI. Для простых сотрудников необходимость что-то менять не столь очевидна. Их мотивация к изменениям в организации, направленная на ликвидацию патологий, будет существенно ниже. Подобные проблемы встают перед руководством как в коммерческих организациях (Widyasari, Fachrunnisa, 2022, 15-31), так и в некоммерческих организациях (Othchere-

Ankrah, 2022, 112-122). Помимо этого, любые изменения персонал воспринимает, чаще всего, без оптимизма. Сказывается неуверенность в завтрашнем дне, опасения по поводу ухудшения карьерных перспектив или повышение вероятности увеличения объемов выполняемых работ. Даже необходимость смены привычной деятельности может вызвать настороженность или противодействие принимаемым управленческим решениям относительно борьбы с организационными патологиями. Таким образом, патологии нужно не только диагностировать, но и осуществлять определенную работу с персоналом по преодолению потенциального сопротивления изменениям.

Литература

- Ануфриева, Н.И. (2006). Патология организации. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, 12, 160-174.
- Белов, М.Т., Рачипа, А.В., Самыгин, С.И. (2019). Факторы стимулирования трудовой мотивации при управлении персоналом организации. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 9, 15-18. DOI: 10.23672/SAE.2019.9.36816
- Борейшо, А.А. (2021). Понятие патологии менеджмента: генезис и основания для идентификации. *Горизонты экономики*, 4(63), 12-23.
- Верещагина, А.В., Мухина, К.С. (2020). Методологические параметры исследования профессионализации и депрофессионализации российской молодежи на рынке труда. *Гуманитарий Юга России*, 9(6), 80-93. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.5
- Дятлов, А.В., Гуськов, И.А., Попов, А.В. (2014). Влияние организационных норм на внутриорганизационные отношения малого бизнеса. *Социально-гуманитарные знания*, 12, 134-140.
- Ильиных, С.А., Крейк, А.И., Тевлюкова, О.Ю., Звягинцев, В.В. (2020). Социологическая диагностика организаций: исследование патологии или нормы? *Вестник экономики, права и социологии*, 4, 199-202.
- Куприянов, Ю.В. (2014). К вопросу о совершенствовании методологии диагностики организационных патологий. *Казанская наука*, 5, 54-56.
- Куприянов, Ю.В. Кутлунин, Е.А. (2018). Модели и методы диагностики состояния бизнес-систем: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 128.
- Плешакова, Е.Ю. (2016). Патологии менеджмента современных организаций. *Эффективное антикризисное управление*, 6 (99), 72-75.
- Пригожин, А.И. (2003). Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 863.
- Русаков, А.В. (2019). Организационные патологии и их анализ через призму теории жизненных циклов организации. *Оригинальные исследования*, 9(11), 48-107.
- Рымкевич, О.А. (2013). Ключевые патологии в управлении организациями. *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*, 18, 26-34.
- Тихомирова, Л.Л., Никишина, В.Б. (2018). Критерии нормы и патологии организации. *Коллекция гуманитарных исследований*, 4(13), 8-17.
- Щербина, В.В. (1995). Социологическая диагностика (специфика, типы, функции, структура). *Вестник моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*, 4, 83-95.
- Янкина, И.А. (2020). Антикризисные компетенции персонала и их роль в антикризисном управлении организацией. *Тенденции развития науки и образования*, 62(11), 42-46. DOI: 10.18411/lj-06-2020-237
- Aktar, A., Pangil, F. (2017). The Relationship between Employee Engagement, HRM practices and Perceived Organizational Support: Evidence from Banking Employees. *International Journal of Human Resource Studies*, 7(3), 1-22. DOI:10.5296/ijhrs.v7i3.11353
- Otchere-Ankrah, B. (2022). Performance Management and Employee Engagement in Public Institutions: A Developing Country Perspective. *International Journal of Human Resource Studies*, 12(1), 112-122. DOI: <https://doi.org/10.5296/ijhrs.v12i1.19146>
- Kombate, B., Emmanuel, M., Richard K.K. (2021). The Implication of the Strategic Implementation Style and Middle Management Effort in Public Organization Strategic Management Implementation and Its Organizational Performance. *Journal of Public Administration and Governance*, 11(1), 1-25. DOI:10.5296/jpag.v11i1.18150
- Rahimi, H. (2020, November). A Comparative Study of Organizational Pathological Patterns: A Strategy for Iranian Organizations. *Iranian journal of comparative education*, 3(4), 907-921. DOI: 10.22034/ijce.2020.233310.1162
- Widyasari, S.P., Fachrunnisa, O. (2022). The Strategic Role of Engagement and Positive Workplace to Sustain Employee Performance. *Journal of Public Administration and Governance*, 12(1), 15-31. DOI: <https://doi.org/10.5296/jpag.v12i1.19374>
- Staniszki, J. (1972). *Patologie struktur organizacyjnych*. Wroclaw -Warszawa -Krakow.

References

- Anufrieva, N.I. (2006). Organizational pathology. *All-Russian economic journal ECO*, 12, 160-174.
- Belov, M.T., Rachipa, A.V., Samygin, S.I. (2019). Factors of stimulating labor motivation in the management of the organization's personnel. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 9, 15-18.
- Boreisho, A.A. (2021). The concept of management pathology: genesis and grounds for identification. *Horizons of the economy*, 4(63), 12-23.
- Vereshchagin, A.V., Mukhina, K.S. (2020). Methodological parameters of the study of professionalization and deprofessionalization of Russian youth in the labor market. *Humanitarian of the South of Russia*, 9(6), 80-93.
- Dyatlov, A.V., Guskov, I.A., Popov, A.V. (2014). Influence of organizational norms on intra-organizational relations of small business. *Social and humanitarian knowledge*, 12, 134-140.
- Ilyinykh, S.A., Kreik, A.I., Tevlyukova, O.Yu., Zvyagintsev, V.V. (2020). Sociological diagnostics of organizations: the study of pathology or the norm? *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 4, 199-202.
- Kupriyanov, Yu.V. (2014). On the issue of improving the methodology for diagnosing organizational pathologies. *Kazan science*, 5, 54-56.
- Kupriyanov, Yu.V. Kutlunin, E.A. (2018). Models and methods for diagnosing the state of business systems: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House.
- Pleshakova, E.Yu. (2016). Pathologies of management of modern organizations. *Effective crisis management*, 6 (99), 72-75.
- Prigogine, A.I. (2003). Methods for the development of organizations. Moscow: ICFER.
- Rusakov, A.V. (2019). Organizational pathologies and their analysis through the prism of the theory of organizational life cycles. *Original Research*, 9(11), 48-107.
- Rymkevich, O.A. (2013). Key pathologies in the management of organizations. *Modern trends in economics and management: a new look*, 18, 26-34.
- Tikhomirova, L.L., Nikishina, V.B. (2018). Criteria of the norm and pathology of the organization. *Humanities Studies Collection*, 4(13), 8-17.
- Shcherbina, V.V. (1995). Sociological diagnostics (specificity, types, functions, structure). *Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science*, 4, 83-95.
- Yankina, I.A. (2020). Anti-crisis competencies of personnel and their role in anti-crisis management of the organization. *Trends in the development of science and education*, 62(11), 42-46.
- Aktar, A., Pangil, F. (2017). The Relationship between Employee Engagement, HRM practices and Perceived Organizational Support: Evidence from Banking Employees. *International Journal of Human Resource Studies*, 7(3), 1-22.
- Otchere-Ankrah, B. (2022). Performance Management and Employee Engagement in Public Institutions: A Developing Country Perspective. *International Journal of Human Resource Studies*, 12(1), 112-122.
- Kombate, B., Emmanuel, M., Richard K.K. (2021). The Implication of the Strategic Implementation Style and Middle Management Effort in Public Organization Strategic Management Implementation and Its Organizational Performance. *Journal of Public Administration and Governance*, 11(1), 1-25.
- Rahimi, H. (2020, November). A Comparative Study of Organizational Pathological Patterns: A Strategy for Iranian Organizations. *Iranian journal of comparative education*, 3(4), 907-921.
- Widyasari, S.P., Fachrunnisa, O. (2022). The Strategic Role of Engagement and Positive Workplace to Sustain Employee Performance. *Journal of Public Administration and Governance*, 12(1), 15-31.
- Staniszki, J. (1972). Patologie struktur organizacyjnych. Wroclaw-Warszawa-Krakow.

Дата получения рукописи: 8.11.2022

Дата окончания рецензирования: 19.11.2022

Дата принятия к публикации: 24.11.2022

Информация об авторах

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления, Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия, e-mail: i.yankina@tmei.ru

Рачипа Андрей Валерьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета; профессор-совместитель кафедры 109Б, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет) (МАИ), г. Москва, Россия, e-mail: rachipa@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Yankina Irina Anatolievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia, e-mail: i.yankina@tmei.ru

Rachipa Andrey Valerievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, History and Political Science, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University; Professor-Associate, Department 109B, Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI), Moscow, Russia, e-mail: rachipa@sfnu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.35 (571.1)

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.9

EDN XFBGCU

Самооценка этничности населением России с двойной русско-украинской идентичностью: «русские» и «украинские» качества¹**Василий В. Бубликов¹**

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
e-mail: v.bublikov@mail.ru

Галина Г. Ермак²

²Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН
г. Владивосток, Россия
e-mail: gaermak@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются этнические характеристики отдельных элементов идентичности населения России с двойной русско-украинской этничностью.

Методы. Исследование проводилось качественным (глубинное интервьюирование, n=100) и количественным (анкетирование, n=800) методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, в местах компактного и дисперсного проживания биэтноров².

Результаты. Внутренние элементы идентичности респонденты маркируют по-разному: чаще русскими они ощущают себя по языку (58%), а вот в оценке предпочтений в еде, семейных традиций и своего характера/менталитета наибольшее число опрошенных не смогли указать преобладающую этничность. Наиболее «сильным» украинским элементом идентичности биэтноров являются их гастрономические предпочтения. Оценивая этническую специфику своего характера, большая часть опрошенных (55%) не смогла назвать в себе те или иные «украинские» и «русские» черты, т.е. для большинства их характер является следствием смешения двух этнокультур. Однако значимое меньшинство (15% по данным анкетирования и 45% по данным интервью) – выделяет в себе те или иные «русские» и «украинские» черты. Характеризуя себя как русских респонденты чаще всего называют положительные, но более «строгие», аффективно нейтральные качества (трудолюбие, ответственность, смелость и т.д.). Украинские же черты, напротив, более эмоциональные, «яркие» (гостеприимство, открытость, шутливость и т.д.).

Ключевые слова: полиэтничность; биэтническая идентичность; биэтноры²; двойная идентичность; русско-украинцы; украинцы России.

Для цитирования: Бубликов В.В., Ермак Г.Г. (2022). Самооценка этничности населением России с двойной русско-украинской идентичностью: «русские» и «украинские» качества. *Caucasian Science Bridge*, 5 (3). С. 98–114. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.9>

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

² В статье мы используем термин *биэтноры*, предложенный украинским социологом В.Е. Хмелько для обозначения лиц, идентифицирующих себя в той или иной степени с двумя этническими группами (Хмелько, 2004). Вслед за его автором, мы не вкладываем в этот термин каких-либо политических коннотаций и используем в значении: биэтнор – человек с двойной этнической идентичностью.

Self-assessment of ethnicity by the population of Russia with dual Russian-Ukrainian identity: “Russian” and “Ukrainian” qualities¹

Vasily V. Bublikov¹

¹Belgorod State University, Belgorod, Russia
e-mail: v.bublikov@mail.ru

Galina G. Ermak²

²Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
e-mail: gaermak@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article examines the ethnic coloration of individual elements of the identity of the population of Russia with a dual Russian-Ukrainian ethnicity.

Methods. The study was conducted by qualitative (in-depth interviewing, n=100) and quantitative (questionnaires, n=800) methods in five subjects of the Russian Federation with a traditionally high proportion of the population of Ukrainian origin, in places of compact and dispersed residence of biethnors.

Results. Respondents label elements of their identity in different ways: more often they perceive themselves as Russians by their language (58%), but in assessing the ethnicity of food preferences, family traditions, and their character/mentality, the majority of respondents could not indicate the predominant ethnicity. The most “strong” Ukrainian element of identity is gastronomic preferences. Assessing the ethnicity of their character, most of the respondents (55%) could not name certain “Ukrainian” and “Russian” traits in themselves, i.e. for the majority, their character is the result of a mixture of two ethnic cultures. However, a significant minority (15% according to the survey data and 45% according to the interview data) distinguishes certain “Russian” and “Ukrainian” features in themselves. Describing themselves as Russians, respondents most often name positive, but more “strict”, affectively neutral qualities (hard work, responsibility, courage, etc.). Ukrainian features, on the contrary, are more highly emotional, “bright” (hospitality, openness, playfulness, etc.).

Key words: multiethnicity; biethnic identity; biethnors²; double identity; Russian-Ukrainians; Ukrainians of Russia.

For citation: Bublikov V.V., Ermak G.G. (2022). Self-assessment of ethnicity by the population of Russia with dual Russian-Ukrainian identity: “Russian” and “Ukrainian” qualities. *Caucasian Science Bridge*, 5 (3). P. 98-114. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.9>

Постановка проблемы исследования

В последние десятилетия развитие объективных процессов глобализации привело к феномену гибридизации идентичности и формированию численно значимых полиэтнических (чаще всего биэтнических) групп. Вместе с этим, сам по себе феномен полиэтничности не нов, он не является исключительно следствием глобализационных процессов последних десятилетий, поскольку в той или иной форме примеры биэтничности известны с древности.

Как отмечает А.Р. Мухаметзянова, «изначальное введение термина “гибридности” в социогуманитарную литературу связано с изучением идентификации потомков межрасовых браков. Однако в современное время данный термин используется и для обозначения процессов культурных, языковых» (Мухаметзянова, 2016, 160). Подчеркнем, что число лиц с полиэтничной идентичностью отнюдь не тождественно всему множеству потомков смешанных браков. Например, социологические исследования, выполненные в З.В. Сикевич и Ю.А. Поссель в Санкт-Петербурге в 2017 г., пока-

¹ The study carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20-011-00676 “Multiple Russian-Ukrainian ethnic identity in Russia and its regional characteristics”.

² In the article we use the term *biethnors*. This term is proposed by the Ukrainian sociologist V.E. Khmelko to designate persons who identify themselves to some extent with two ethnic groups (Khmelko, 2004). Following its author, we do not attach any political connotations to this term and use it in the following meaning: biethnor – a person with a dual ethnic identity.

зывают, что только для 52,8% «выходцев из межэтнических семей присуща биэтническая идентичность» (2019, 125).

В научной литературе существует несколько типологизаций множественной этничности. Например, С. Мореман выделяет пять «стратегий гибридного поведения» членов биэтнических сообществ, которые варьируются от стигматизации и этносоциальной депривации (социально-психологические модели поведения «Полукровка» и «Бездомный») до ощущения более высокого социокультурного статуса и значимой общественной роли («Близнец», «Мост») (Moreman, 2009, 361-367). Об этом же пишут З.В. Сикевич и Ю.А. Поссель: «Биэтническая идентичность предполагает одновременное приписывание себе членства в двух этнических группах, причем такого рода идентичность может приводить как к негативным последствиям (“разрыв” между культурами), так и к позитивным (наличие “шва” между культурами), когда человек становится посредником взаимодействия различных культур» (2019, 125).

Таким образом, сам по себе феномен полиэтничности требует не просто социологической констатации факта его существования, подтверждаемого практикой социопросов или переписей населения. Для понимания генезиса биэтничности, моделей поведения биэтноров, возможностей и перспектив воспроизводства полиэтничности, необходимо выявление глубинных социально-психологических процессов в самосознании лиц с двойной этничностью.

Жители с двойной русско-украинской этничностью вероятно являются крупнейшей в России биэтнической группой. Об этом свидетельствуют косвенные данные статистики национального состава¹, а также результаты исследований этнологов и этносоциологов (например: Листова, 2014; Люля, 2021; Октябрьская и др., 2015). Вместе с этим, этнопсихологические характеристики самовосприятия биэтноров остаются малоизученными.

Целью статьи является выявление структуры самосознания русско-украинского населения России.

Ключевыми являются вопросы:

1. Маркируют ли биэтноры элементы своей идентичности как «русские», «украинские», находящиеся в равном соотношении или вовсе не окрашивают их этнически?

2. Как они оценивают влияние русского и украинского компонента этничности на свою личность, характер?

Методология, география, особенности проведения исследования

Ответы на сформулированные вопросы даются при помощи анализа результатов этносоциологических исследований, проведенных в два этапа (в 2020 и 2021 гг.), качественным и количественным методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, в т.ч. в районах, где ранее украинцы составляли этническое большинство (Белгородская, Воронежская, Омская области, Алтайский и Приморский края).

Респондентами являлись совершеннолетние, постоянные жители регионов проведения исследований, которые в ходе предварительной беседы подтвердили на-

¹ Численность украинцев в России в течение последних ста лет практически неуклонно снижалась (кроме периода 1970-80-х гг.), что являлось следствием как политически мотивированного «переписывания» в русские, так и ассимиляционных процессов: в 1926 г. на территории России (в границах 1991 г.) проживало 6 871 тыс. украинцев (7,4% всего населения), в 1939 г. – 3 205 тыс. (3,0%), в 1959 г. – 3 359 (2,9%), в 1970 г. – 3 346 (2,6%), в 1979 г. – 3 658 (2,7%), в 1989 г. – 4 363 (3,0%), в 2002 г. – 2 943 (2,1%), в 2010 г. – 1 928 тыс. (1,4%).

личие у себя и русский, и украинский компонент этничности. В 2020 г. было проведено 100 глубинных структурированных интервью (по 20 в каждом регионе), в 2021 г. – анкетирование 800 респондентов (по 160 в каждом регионе). Внутри регионов выборка делилась в равном соотношении: половина респондентов опрашивалась в районах компактного проживания биэтноров («бывших» украинских районах, сельская местность и малые города), вторая половина – в крупных городах, где биэтноры проживают дисперсно, среди численно преобладающего «только русского» населения¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов наших исследований, необходимо отметить, что они проводились в условиях нарастания конфликтности в межгосударственных российско-украинских отношениях, что выражалось и во внутрироссийской информационной повестке, сформировавшей в массовом сознании негативный образ украинцев и Украины, что, в свою очередь, стигматизировало украинскую этничность, и, как отмечали социологи еще в 2015 г., сформировало «осциллирующую» идентичность украинцев России (Социальные факторы..., 2017, 65). То есть, проще говоря, исследования проводились в ситуации, когда многие украинцы скрывали свою национальную принадлежность. Например, данные опросов Левада-Центра² 2018-2021 гг. показывают, что в среднем за эти четыре года лишь 10% жителей России были готовы принять украинцев в качестве членов семьи³, а 38% имели откровенно ксенофобские взгляды на украинцев (Общественное мнение..., 2022, 120).

В такой ситуации, при проведении исследований мы столкнулись с частыми отказами потенциальных респондентов в участии, настороженностью и недоверием, стремлением дать социально ожидаемые ответы, тех кто все-таки согласился участвовать в опросах. Безусловно, мы пытались снизить влияние политического фактора при общении с респондентами, подчеркивая научный характер исследования, его ориентацию на вопросы культуры, однако, тем не менее, по нашим наблюдениям значительная часть опрошенных все же давала государственно одобряемые ответы, либо оговаривая те или иные свои формулировки выражением политической лояльности РФ.

При этом, подчеркнем, что наличие этой настороженности не значит, что такие респонденты имели какие-либо оппозиционные по отношению к российской власти взгляды, напротив, большинство из них следовало в официальном дискурсе. Поэтому их настороженность имела несколько иррациональный характер, боязнь неких «последствий» уже исходя из самого факта декларирования своей пусть и частичной украинской идентичности.

Результаты исследования

Группа биэтнического русско-украинского населения России является неоднородной по своему происхождению, причинам появления двойной этничности и самосознанию. Так, по этническому происхождению биэтнические респонденты делятся на две основные группы: 62% имеют в своей родословной предков обеих национальностей, а 33% – не имеют среди предков русских. То есть, для почти 2/3 опрошенных биэтничность является логичным следствием их происхождения, а для 1/3 – исключительно следствием социально-политической ассимиляции украинцев.

¹ Соответственно это: в Белгородской обл. – Краснояружский р-н и г. Белгород, в Воронежской обл. – Россошанский р-н и г. Воронеж, в Омской обл. – Павлоградский р-н и г. Омск, в Алтайском крае – Романовский р-н и г. Барнаул, в Приморском крае – Хорольский р-н и г. Владивосток.

² АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Для сравнения: евреев в качестве членов семьи готовы были принять в среднем 11% россиян (Общественное мнение..., 2022, с. 118).

Проявляется неоднородность и в формулировках, которыми биэтноры предпочитают описывать свою национальность (рисунок 1).

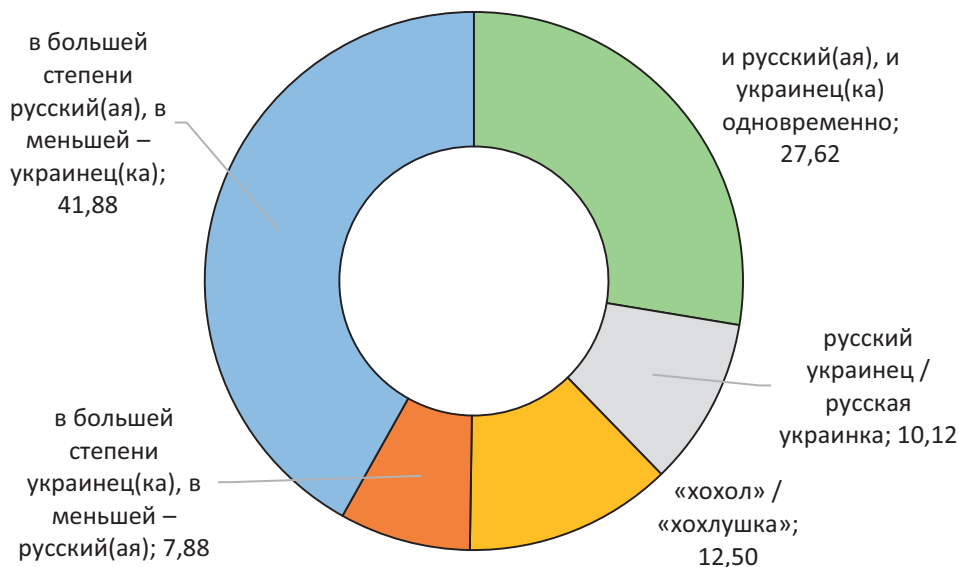

Рисунок 1. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской идентичностью на вопрос: «Выберете из нижеперечисленных вариантов ответа ту формулировку, которая лучше всего описывает Вашу национальную (этническую) принадлежность», %

Наибольшее число биэтноров (41,9%) выбрало формулировку, показывающую доминирование в их идентичности русской компоненты («в большей степени русский(ая), в меньшей – украинец(ка)»). О преобладании украинской компоненты заявили всего 7,9% опрошенных. Впрочем, такое распределение в значительной степени может быть обусловлено отмеченным выше желанием «обезопасить» свой ответ в условиях социальной не комфортности выражения украинской идентичности.

Второй, третьей и четвертой по распространенности формулами описания идентичности соответственно стали: «и русский(ая), и украинец(ка) одновременно» – 27,6%, «хохол / хохлушка» – 12,5%¹, «русский украинец / русская украинка» – 10,1%, т.е. те формулировки, которые в той или иной степени уравнивают обе компоненты этничности (рисунок 1).

Перейдем теперь к рассмотрению восприятия биэтнорами отдельных сегментов своей идентичности, в качестве которых в ходе анкетирования респондентам были предложены четыре элемента: семейные традиции, предпочтения в еде, характер и менталитет, язык (рисунок 2).

Результаты показывают, что большинство респондентов отметило тот или иной этнический окрас элементов своей идентичности: доля опрошенных, указавших на отсутствие ощущения национальности или затруднившихся ответить составила: язык – 10,7%, семейные традиции – 19,4%, предпочтения в еде – 20,3%, характер, менталитет – 28,3% (рисунок 2).

Такое распределение логично, т.к. оценка «этничности языка» лежит для респондентов на поверхности, она не требует особой рефлексии (отсюда низкое число затруднившихся ответить). Большинство (57,6%) указало, что по языку они чувству-

¹ Этноним «хохлы» исторически традиционно широко использовался в регионах совместного русско-украинского проживания (наряду с этнонимами «москальи» и «кацапы», применявшимися к этнически русским жителям) и изначально описывал собственно украинское население (Чижикова, 1988, с. 49). Однако в XX в., особенно после распада СССР, самими потомками украинцев, компактно проживающими в России, он стал чаще использоваться в значении – между русскими и украинцами.

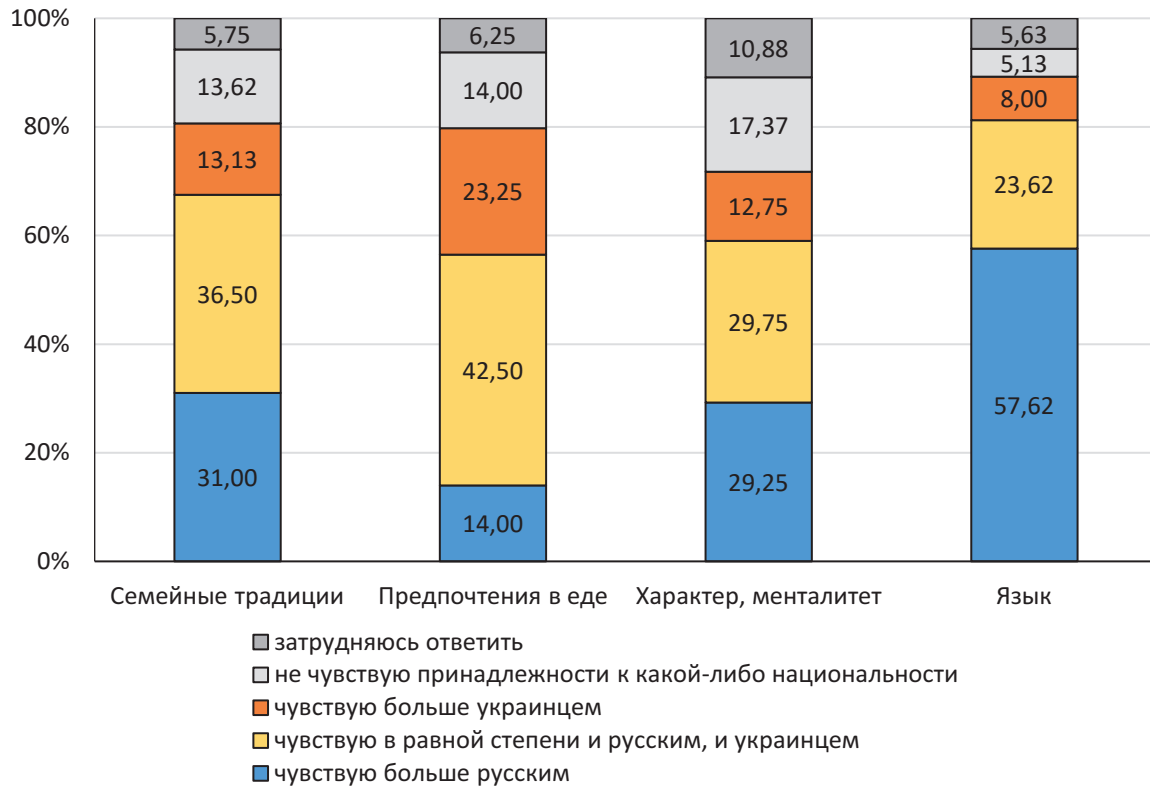

Рисунок 2. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской идентичностью на вопрос: «Укажите, что из нижеперечисленного характеризует Вас больше, как русского(ую), а что больше, как украинца(ку)?», %

ют себя больше русскими, чаще всего основывая свой ответ даже не на том, какой язык у них был первым (язык детства), а тот язык, который они ныне чаще используют, т.е. русский (см.: Бубликов, Свидовская, 2022). Приведем несколько типовых ответов наших информантов из интервью:

«[Кем себя считаете по языку?] Ну конечно уже русским. [Какой язык Вы считаете своим родным языком?] Ну там, где родился, с этой точки зрения, то конечно украинский. А если считать, где родина, где твои дети, где твой дом, то, конечно, русский, потому что я больше общаюсь на русском языке, украинский – это крайний случай, когда с родственниками общаюсь» [муж., 1972 г.р., г. Белгород, уроженец Винницкой обл. Украины].

«Украинский язык не знаю, письменности украинской тоже я не знаю. Хохляцкий язык – такого ж [официально] нету, хохол – нет такой нации. Мой родной язык русский же, наверно. Если бы хохляцкий был официальный, то я бы сказала [он родной]. Раньше помню в детстве моем бабушка получала журнал на украинском языке – “Перець” назывался, я его читала. А теперь его сто лет нету, у кого я где почитаю [на украинском]» [жен., 1958 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка].

В противоположность языку – оценка этнической специфики собственного характера требует значительно более глубокой рефлексии (отсюда высокая доля ответов «не чувствую принадлежности к какой-либо национальности» – 17,4% и «затрудняюсь ответить» – 10,9%). Данные массового опроса показывают, что 29,8% биэтнопов по характеру, менталитету чувствуют себя в равной степени и русскими, и украинцами, почти столько же – 29,3% – больше русскими и 12,8% – больше украинцами.

Близкое распределение зафиксировано и в этническом маркировании семейных традиций: 36,5% – заявили о равном ощущении влияния русской и украинской

культур на семейные традиции, 31,0% – указали на приоритет русской культуры и только 13,1% – украинской (рисунок 2). Такое распределение объясняется, прежде всего, тем, что многие респонденты воспринимают официальные праздники именно как «русские», но используя этническую терминологию, они вкладывают в нее скорее гражданский смысл. Более того, городская культура жителями «бывших» украинских районов или выходцами из них в городах воспринимается как «русская», хотя в реальности речь идет скорее о некоем инварианте современной глобальной культуры:

«В детстве, конечно, когда еще родители [были живы], они вообще по-русски не разговаривали – балакалы... конечно, мы тогда считали себя украинцами, а потом уже, как в школу пошла, уже как стала повзрослее, тут уже вот и говорим по-русски и живем так вот по-русски, не по-украински» [жен., 1948 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка].

«[На вопрос: чем отличаются русские от украинцев в Вашем городе?] ...Они отличаются языком, и мировосприятием в основном. [А мировосприятие, что вы имеете в виду?] Москальство, вот эта вот вычурность, стремление к иноязычным словам, мода, хайпы вот эти вот. Ну как сказать... Они [русские] не бильше назад в историю, традиции, а впэрэд, шо нэбудь новое захватывать» [частично на суржике, жен., 1993 г.р., г. Белгород, местная уроженка].

Единственным элементом идентичности, в котором украинская этничность преобладает над русской, является «предпочтения в еде»: 23,3% указали на ощущение себя больше украинцем, 14,0% – русским (рис. 2). Впрочем, относительное большинство – 42,5% – указали на равное ощущение себя и русским, и украинцем. Об этом же свидетельствуют и результаты интервью. Национальная украинская кухня для большинства биэтноров является самым сильным показателем их украинства:

«Вот, в еде, да, я чувствую [больше украинкой]. Вот мне, например, нравится борщ больше, чем щи, считаю, что борщ украинское блюдо, щи – русское. По еде в принципе, вот, традиционные какие-то украинские блюда типа сала, чеснок, я вполне уважаю, ну да, наверное, больше украинское» [жен., 1972 г.р., г. Воронеж, уроженка Житомирской обл. Украины].

«А еда вот больше украинская... Борщ, ну как все. Я же вырос еще ж вот с такого, а щас куда ж денешься!» [муж., 1950 г.р., Павлоградский р-н Омской обл., местный уроженец].

«Ну сало я люблю, да, здесь больше я хохол» [муж., 1987 г.р., Романовский район Алтайского края, местный уроженец].

Но, многие респонденты говорят и о смешении, универсализации гастрономических практик:

«Чем она [кухня] особо отличается? Ну борщ как бы украинская еда, но русские же ведь тоже все борщ едят. А так..., не знаю, украинские вареники или галушки, иногда мы себе позволяем. А так продукты теперь все одинаковые, все в магазине» (жен., 1958 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка).

Преобладание украинской этничности в таком сегменте идентичности как «предпочтения в еде», мы связываем с тем, что национальная украинская кухня в России является одним из немногих институционализированных элементов общественной жизни. Украинские рестораны присутствовали (по крайней мере до 2022 г.) практически во всех крупных городах, в то время как украинские этнокультурные организации представлены гораздо скромнее.

Рассмотрим теперь более подробно восприятие этнических особенностей собственного характера русско-украинскими биэтнорами. Помимо уже упоминавшегося прямого вопроса, в котором мы просили респондентов оценить ощущение своей на-

циональности в характере и менталитете (рисунок 2), им также был задан открытый вопрос: «Укажите, какие Ваши внутренние черты, особенности Вашего характера, личности характеризуют Вас больше, как украинца(ку), а какие как русского(ую)?». Если респондент не мог или не хотел указывать конкретные свои черты, связывая их с русской и украинской этничностью, он мог выбрать следующие варианты: «все черты моего характера от украинцев», «все черты моего характера от русских», «не могу выделить какие черты моего характера от русских, а какие – от украинцев» или «затрудняюсь ответить» (рисунок 3).

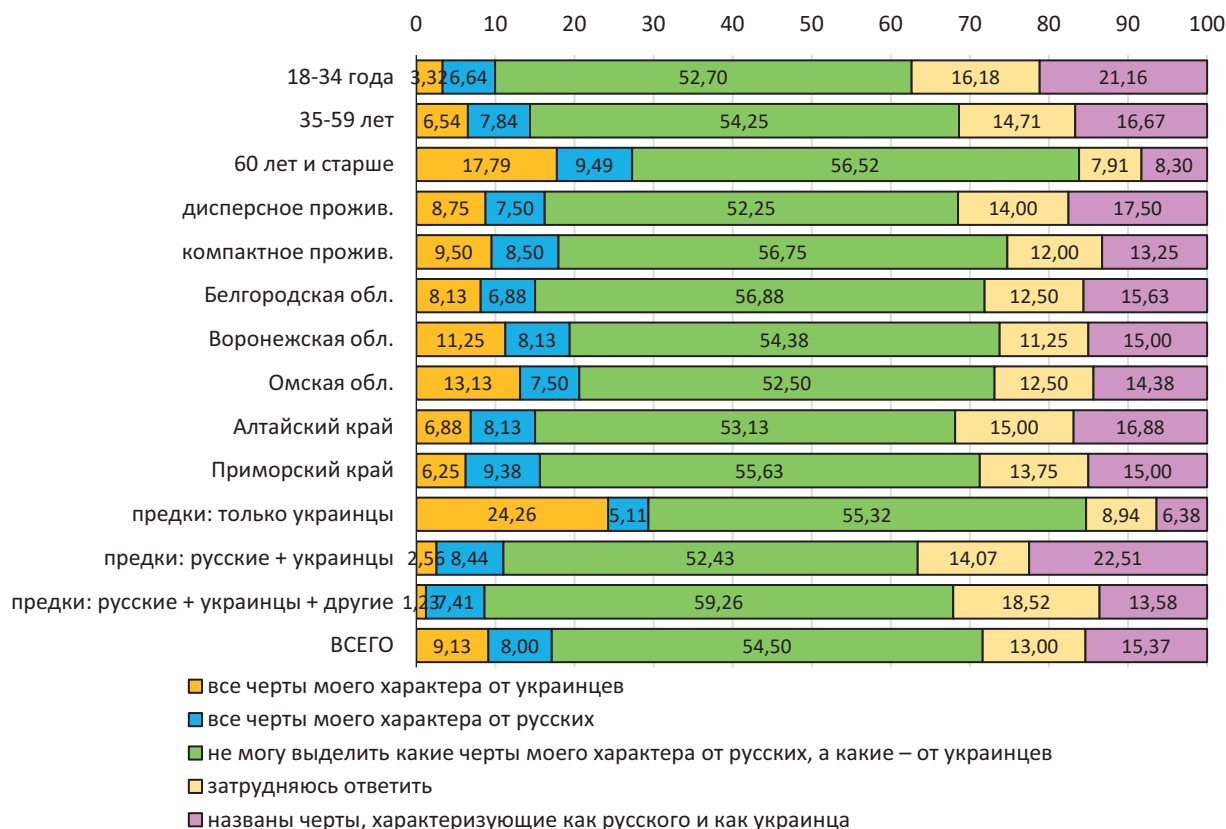

Рисунок 3. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской идентичностью различных демографических и территориальных подгрупп на вопрос: «Укажите, какие Ваши внутренние черты, особенности Вашего характера, личности характеризуют Вас больше, как украинца(ку), а какие как русского(ую)?», %

Как это часто бывает в открытых или полуоткрытых вопросах большинство наших респондентов предпочло выбрать уже предложенные варианты, а не называть те или иные черты своего характера, которые они считают русскими или украинскими. Самым распространенным вариантом, который выбрали 54,5% респондентов, стал: «не могу выделить какие черты моего характера от русских, а какие – от украинцев». Примерно равное число биэтноров заявило, что все черты их характера от украинцев (9,1%) или русских (8,0%). Дало же содержательный ответ на поставленный вопрос лишь 15,4% опрошенных (еще 13,0% – затруднились ответить).

Проанализировав интервью респондентов, которые были проведены за год до массового анкетирования, мы подсчитали, что из 100 опрошенных 45 назвало в себе те или иные русские и украинские черты. То есть, в реальности доля биэтноров, окрашивающих свой характер теми или иными этническими маркерами, составляет не 15,4%, как то показали данные количественного исследования, а как мы полагаем, порядка 35-45%.

Данные количественного исследования представляют значительный интерес, т.к. они позволяют в цифрах описать собственно те черты, которые респонденты называли русскими и украинскими, а также проанализировать различия в их ответах в разных территориальных, возрастных и иных подгруппах. Так, самое существенное различие между поколениями биэтноров состоит в том, что более склонными к выделению в себе тех или иных этнических черт оказались представители молодежи (21,2%), в сравнении с поколением среднего (16,7%) и старшего возраста (8,3%) – рисунок 3. По всей видимости такое распределение между поколениями опрошенных объясняется тем, что в старшей возрастной группе значительно больше тех, у кого среди предков не было русских¹ (отсюда высокая доля выбравших вариант «*все черты моего характера от украинцев*» – 17,8%, у молодежи таковых только 3,3%). Таким образом, мы считаем, что различия в этом вопросе в гораздо большей мере определяются не возрастом опрашиваемых, а их этническим происхождением.

И действительно в трех подгруппах биэтноров, выделенных в зависимости от национальности их предков, результаты сильно отличаются. Среди тех, у кого предки были только украинцы, лишь 6,4% называли в себе те или иные русские и украинские черты; среди тех, у кого в родословной присутствовали русские, украинцы и представители иных этногрупп – 13,6%, а среди тех, у кого предки были русские и украинцы (без иных этносов) – 22,5% (рисунок 3).

Межрегиональные различия в оценке нашими респондентами этнической специфики своих черт хотя и есть, но в них не прослеживается какая-либо зависимость от степени удаленности от Украины. Например, ответы респондентов в Воронежской области по структуре ближе к ответам опрошенных в Омской области, нежели к ответам в соседней для воронежцев Белгородской и т.д. Также не очень существенны различия в ответах респондентов из сельской местности («бывших» украинских районов) и крупных городов, за исключением того, что горожане чаще этнически маркировали те или иные черты своего характера – 17,5%, в сельской местности – 13,3%. В данном случае мы также предполагаем, что эти различия обусловлены прежде всего большей долей биэтноров из этнически смешанных семей в городах (76%), в сравнении с сельской местностью (57%).

Рассмотрим теперь, какие же собственно черты, оценивая свой характер, биэтноры называли «русскими», а какие «украинскими»? Подчеркнем, что поскольку наши респонденты являлись носителями обеих этнических идентичностей, они довольно свободно указывали на наличие тех или иных своих черт (положительных и отрицательных), окрашивая их этнически. В силу принадлежности к обеим этногруппам опрошенные не боялись оскорбить кого-то, как если бы они характеризовали черты этносов, к которым не имеют отношения. Поскольку распределение ответов или фрагменты некоторых интервью можно расценить как неполиткорректные, поэтому мы оговоримся, что анализ этих ответов мы делаем не с целью выделения неких «типичных черт» двух народов, а для того, чтобы описать восприятие русской и украинской этничности их носителями. Другими словами, для нас важен не столько сам набор тех или иных характеристик, сколько их эмоциональный окрас: с чем биэтноры ассоциируют свою *русскость*, а с чем *украинскость*?

При ответе на вопрос об этническом маркировании черт характера, респонденты дали 53 варианта ответа, характеризуя свою русскость и 46 вариантов – украинскость. Многие из них имели синонимичное или близкое смысловое значение (например, *закрытость*, *замкнутость* или *эмоциональность*, *темпераментность* и т.д.)

¹ 55% – среди поколения 60+, 27% – поколения 35-59 лет, 17% – поколения 18-34 года.

поэтому при анализе такие ответы были нами объединены в один вариант. Также некоторые респонденты в качестве отличительных особенностей характера называли не связанные с ним характеристики (особенности говора, внешность, пение и т.п.) – поэтому при анализе данных мы исключили их из перечня типичных черт. Все черты личности биэтноров, названные двумя и более респондентами представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Ранжированные ряды характеристик собственной личности
русско-украинскими биэтнорами в России, % от общего объема выборки¹**

№	Характеристики личности как «русского»		Характеристики личности как «украинца»	
	Характеристики	Процент	Характеристики	Процент
1	трудолюбие	4,63	гостеприимство / хлебосольность / радушие	4,38
2	гостеприимство / хлебосольность / радушие	2,63	открытость	1,63
3	леность / лень	1,38	чувство юмора / шутливость / задорность / веселость	1,38
4	патриотизм / любовь к родине	1,25	трудолюбие	1,25
5	закрытость / замкнутость	0,88	общительность	1,25
6	ответственность	0,75	хитрость	1,13
7	смелость / храбрость	0,63	эмоциональность / темпераментность	1,00
8	дружелюбность / доброта / добрый нрав / теплота	0,63	дружелюбность / доброта / добрый нрав / теплота	0,88
9	богобоязненность / религиозность	0,38	трудоспособность	0,63
10	выносливость / стойкость	0,38	запасливость / бережливость	0,63
11	правдолюбие	0,38	свободолюбие / независимость	0,50
12	простота	0,38	упрямство / упертость	0,38
13	сострадание	0,38	болтливость / говорливость	0,38
14	упрямство / упертость	0,38	жадность / скупость / прижимистость	0,38
15	щедрость	0,38	предприимчивость	0,38
16	бескорыстность	0,25	хозяйственность / оборотистость	0,38
17	великодушие	0,25	леность / лень	0,25
18	душевность	0,25	щедрость	0,25
19	настойчивость	0,25	изворотливость	0,25
20	прямота	0,25	индивидуализм	0,25
21	размеренность	0,25	легкость	0,25
22	смирение	0,25	остроумие	0,25
23	строгость	0,25	рациональность	0,25
24	твердость	0,25	энергичность	0,25
25	терпение	0,25		
26	трудоспособность	0,25		
27	честность	0,25		

¹ Жирным шрифтом выделены характеристики, преобладающие в восприятии как «русские» или «украинские».

Типичными, наиболее часто называемыми «русскими» чертами характера/менталитета опрошенные считают: трудолюбие (4,6%), гостепреимство (2,6%), ленность (1,4%), любовь к родине¹ (1,3%), закрытость (0,9%). Украинскими: гостепреимство (4,4%), открытость (1,6%), чувство юмора (1,4%), трудолюбие (1,3%), общительность (1,3%), хитрость (1,1%), эмоциональность (1,0%).

Это распределение практически полностью подтверждают выдержки из интервью респондентов, которым задавался аналогичный вопрос. Ниже приводятся наиболее развернутые ответы из интервью (в географическом порядке – вначале информанты из регионов Европейской части, затем Сибири и Дальнего Востока). В некоторых интервью респонденты говорят только о «русских» или «украинских» своих чертах, мы также приводим такие высказывания, т.к. они все-же связывают те или иные характеристики личности с одной из этничностей:

«Есть, я думаю есть несколько черт таких, да ... Ну, наверное, такая хозяйская хватка у меня есть, знаете, которая больше присуща украинцам, я не могу сидеть на месте, постоянно ищу себе работу, постоянно что-то делаю» [муж., 1972 г.р., г. Белгород, уроженец Винницкой обл. Украины].

«Воспитание играет большую роль. От родителей, от той страны, где проживаешь [Украины] вот так оно и осталось, что я к людям очень добродушна, что я могу войти в положение и хорошего человека, и в чем-то оступившегося. У меня какая-то черта, что для меня человек – это какое-то существо очень грамотное такое. Все равно у каждого человека что-то есть такое достойное. Просто получается, что любовь к человеку – это от украинской части, и это у меня осталось, не изменилось, не получилось так, что, например, карьера наложила на эту черту характера свой отпечаток. Все равно вот это преобладало всю жизнь» [жен., 1957 г.р., г. Белгород, уроженка Полтавской обл. Украины].

«Как хохлушку, наверное, хитрость какая-то, а как русскую... наверное, настойчивость» [жен., 1983 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местная уроженка].

«Наверное, всё-таки, доброта, и, скажем так строгость маленькая – это Россия. А, ну веселье у меня и Россия, и Украина, как бы ну хохлушка. А вот именно разговорчивость моя, я считаю, что это всё-таки – хохлушка, потому что я думаю, что, наверное, хохлы всё-таки такие люди, которые постоянно тороторят, тороторят и тороторят» [жен., 1990 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местная уроженка].

«Как украинца больше характеризует бережливость, рачительность, вот. Больше как русского характеризует всеядность, терпимость к любым условиям и терпимость, скажем так..., в общем материальный мир на последнем месте» [муж., 1966 г.р., г. Воронеж, уроженец Сумской обл. Украины].

«Как украинку, наверное, открытость в общении ... В некоторой степени болтливость, да, это вот то, что украинское ... И опять-таки, ход мыслей, да, немного другой [украинский] ... Как русскую – это, наверное так сказать может приспособляемость, то есть более такая гибкость к изменяющимся условиям вокруг, возможность подстраиваться под обстоятельства, находить решения, такая практичность» [жен., 1989 г.р., г. Воронеж, уроженка Донецкой обл. Украины].

«[Как русского] наверное, знаете, такая вот устойчивость к стрессам, да, и всё-таки, как бы сказать, способность к выживанию, жить, вот тут раз организоваться, ага, что-то сделать, это вот больше всё-таки у меня, мне кажется, да, рус-

¹ Разумеется, патриотизм сложно считать чертой характера, но поскольку наши респонденты достаточно часто называли эту характеристику, связывая ее со своей русской идентичностью, она представлена в перечне.

ская такая вот [черта], а уже вот в общении, с женой мы дома там лялякаем, это самое, разговариваем. Всё-таки вот способность к коммуникации – это украинское больше» [муж., 1980 г.р., г. Воронеж, уроженец Саратовской обл.].

«Оптимизм, позитивизм, динамичность – я считаю это украинское начало. Как русскую – рассудительность, это вот аналитические какие-то способности, то есть прислушиваться к внутренней интуиции или что-то начинаешь несколько раз перерешивать, передумывать» [жен., 1974 г.р., г. Воронеж, уроженка Кантемировского р-на Воронежской обл.].

«Независимость – это украинка, это момент хохлушки, как в анекдоте, когда у меня руки в боки, мне плевать на какой стороне у кого что, то есть, когда задеваются мои интересы, то вот это вот всплывает. У меня нет той покорности, которая есть у татарок, той покорности, которая есть у молокан, то есть по отцовской стороне, там женщина напрямую подчиняется мужчине» [жен., 1973 г.р., г. Воронеж, уроженка Казахстана].

«Упорство, настойчивость, трудолюбие – это как украинца. А русского – принципиальность, твердость, широта характера – именно, то, что больше похоже на русское состояние души» [муж., 1959 г.р., г. Омск, местный уроженец].

«...Даже вот директор наш говорит: “Ну видно сразу, что хохлушка!”. Мне надо про запас [смеется]. Мне надо хоть тонна угля, чтобы она лежала про запас до следующего года. И все так, и дома [так] ... Юмор, я считаю он присущ [украинцам], радушие, то есть хлебосольство, гостей всегда много» [жен., 1963 г.р., Павлоградский р-н Омской обл., местная уроженка].

«Для украинцев... это черта..., вот у меня бабушка была, и вот стремление к порядку, у меня это в памяти зацепилось – это черта украинцев... С каким-то обиходом внутреннего убранства, мне кажется, русские не такие... Да, стремление к порядку, к такому четкому определению всего, где что должно быть. Может быть это и черта, вот как говорят: “Хохол жадный”, но это в моем понимании другое, как раз вот чтобы было все нормально дома, все определено, по полочкам, где-то какой-то запас сохраняется. А от русского..., а вот это, наверное, русское, когда “Да будет завтра и ладно!”, “Авось пронесет!”, “Да ладно!”» [муж., 1979 г.р., г. Барнаул, уроженец Родинского р-на Алтайского края].

«Ну если с украинской точки зрения, то какая-то открытость, общительность, энергичность, как русская – это стойкость выносливость, упрямость» [жен., 1995 г.р., г. Барнаул, уроженка Романовского р-на Алтайского края].

«Как украинку это все-таки какое-то веселье, жизнерадостность, опять же накормить всех, покушать хорошо ... А русская..., русская все остальное, наверное, русское – терпение, доброта» [жен., 1970 г.р., г. Барнаул, уроженка Актюбинской обл. Казахстана].

«У нас есть такое выражение [шутка]: “Постоянно говорят, что хохлы жадни, говорят, что хохлы хитри – так вот це суця правда, и мы вам это докажем!”. Ну есть какая-то особая хитринка, зажимистость..., и у меня такое. А у русских говорят широкая душа, готов раздать все. В какие-то моменты я готов раздать все, что имею, а в какие-то моменты где-то что-то ужать, урвать» [частично на суржике, муж., 1974 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец].

«Ну, допустим, моя доброта – это от русской стороны, а моя как бы творческая черта – она от украинской стороны, от тех корней. Ну что еще ... А, может быть домашний быт – это от украинской стороны, что все себе и все в семью, а вот моя добрая черта – отзывчивость, помощь, это от русской» [жен., 1981 г.р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хабаровского края].

«Может быть какая-то мягкость в характере – от украинцев, неторопливость. Это чисто мое мнение. А от русских – все [остальное] от русских, я же среди русских живу» [жен., 1958 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка].

«Ну украинцы они як ... Ну покладистые таки, шо они не таки как русские. Русские тебе глаза выбьют, а они [украинцы] такие шо покладистые. Ну и характер такой же, против я не скажу, стараюсь знаешь..., чуть по старше мэнэ ... я буду казать “Вы”, здесь [так] не заведено, а я буду на “Вы” говорить ... Уважительность, стараюсь никого не обидеть... [А от русской?] Я когда переехала [в Россию], то боевей стала, тут таки люды, тут сто процентов, что боевей я стала» [на суржике, жен., 1960 г.р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хмельницкой обл. Украины].

«Вы знаете, я поездил по Украине и стал в себе чувствовать черту характера более высокой культуры, чем была у меня до знакомства с украинским народом. То есть, здесь [в Приморском крае] культура немножко более примитивная, чем на Украине, вот поэтому я стараюсь ... то что я повидал, мы много стран объездили и Европы и Азии, и вот на Украине мне нравится, что они ближе к Европе, культура, а здесь как-то такое вот воспитание с самого начала советского строя, дикое вообще, безнравственное. Хотя я люблю свой город больше, чем кто-либо, а вот стоит говорить об этом, что стыдно бывает за многих наших горожан, [их] поведение. То есть, когда я как-то себя проявляю с культурной стороны, я позиционирую себя с Украиной, когда я где-то грублю, хамлю, то я позиционирую себя с русским» [муж., 1949 г.р., г. Владивосток, местный уроженец].

«Гостеприимство меня характеризует как украинку, равновесие, такое знаете, характера – уравновешенность – тоже черта, которую воспитала во мне мать и отец... Выслушать взрослых, не перебивать и уважать... Как русскую меня характеризует такая черта, что я должна..., мои обязанности и ответственность – это больше я уже в России научилась. Ну вот как-то мне в России научилось больше недоверие. Есть такая черта, понимаете, меня жизнь научила и я перестала доверять людям, а приехала я украинкой, доверчивой вообще и иногда у меня это проявляется, потому что мне недавно женщина сказала, не последняя в нашем районе, говорит: “Я тебя вообще не пойму, ты даже в плохом стараешься увидеть хорошее!” – это вот эта черта осталась [от украинки]» [жен., 1957 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Ивано-Франковской обл. Украины].

Как видим из приведенных фрагментов интервью структура и обоснование «русских» и «украинских» черт характера в разных, удаленных друг от друга российских регионах, практически идентичны.

Для оценки эмоционального восприятия обеих компонент этноидентичности наших респондентов названные ими «русские» и «украинские» черты, мы сгруппировали в четыре группы (рисунок 4):

- положительные, высокоэмоциональные (аффективные), например: гостеприимство, дружелюбность, открытость и др.;
- положительные, аффективно нейтральные (трудолюбие, ответственность, смелость и др.);
- нейтральные (богобоязненность, простота, прямота и др.);
- отрицательные (ленность, закрытость, упрямство и др.).

Как видно на рисунке 4 обе этнические идентичности чаще всего характеризуются респондентами положительными качествами. Однако баланс этих качеств между высокоэмоциональными характеристиками и эмоционально нейтральными диаметрально противоположный: если русская часть личности в 49% характеризуется положительными, но аффективно нейтральными чертами (трудолюбие, патри-

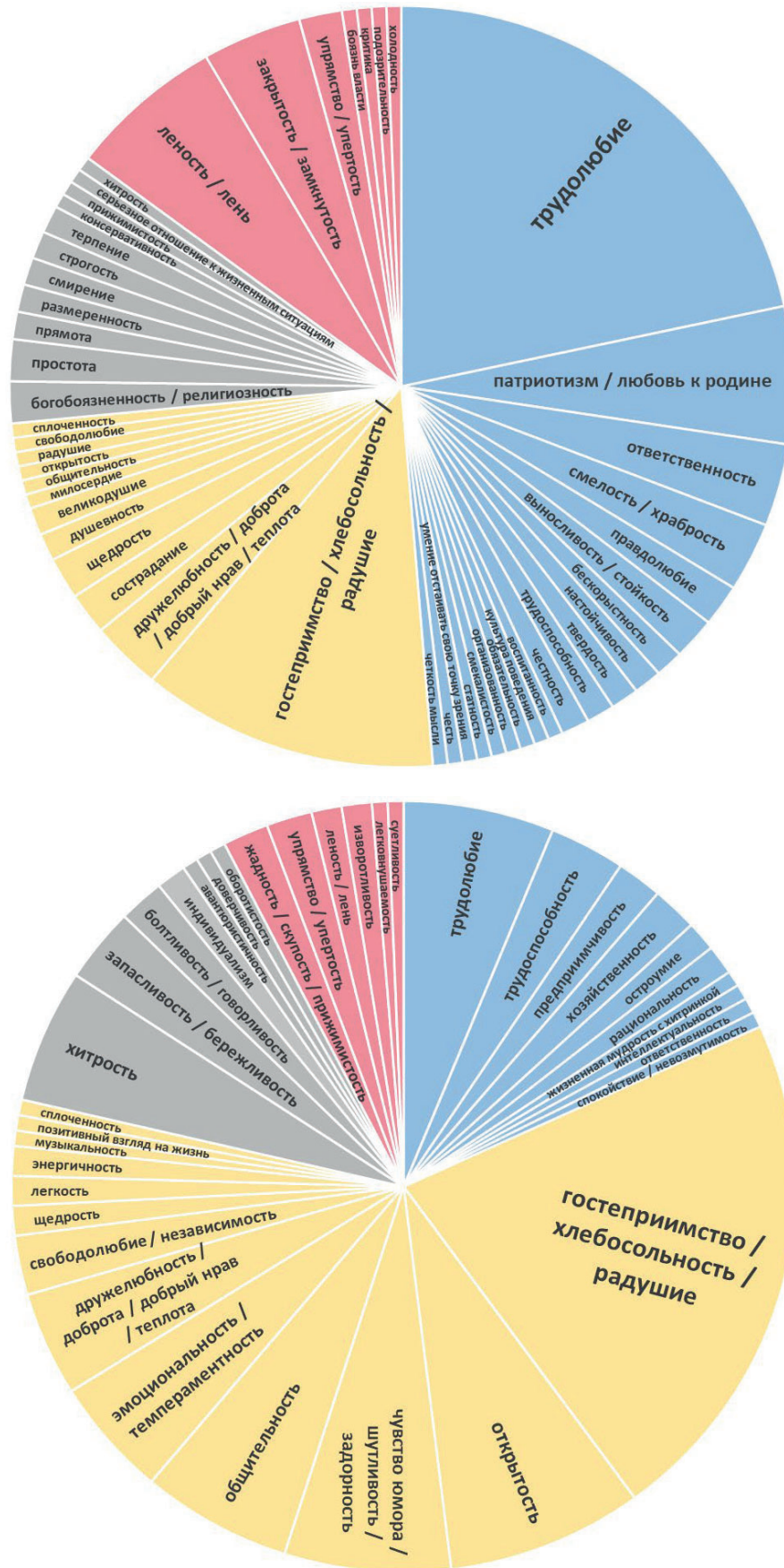

Рисунок 4. Структура названных русско-украинскими биэтнорами «русских» (вверху) и «украинских» (внизу) черт их характера (синий цвет – положительные, аффективно нейтральные; бежевый – положительные, аффективные; серый – нейтральные; красный – отрицательные).

отизм¹, ответственность, смелость и т.д.), то украинская – в 60% положительными аффективными, как правило, сопряженными с коммуникацией (гостеприимство, открытость, чувство юмора, общительность и т.д.).

В остальном структура качеств следующая. «Русские» черты личности: положительные аффективные – 25%, нейтральные – 12%, отрицательные – 15%. «Украинские»: положительные, аффективно нейтральные – 18%, нейтральные – 14%, отрицательные – 8%.

Таким образом, эмоциональное восприятие русской и украинской частей этничности у биэтноров различное: те из них, кто выделяет в себе «русские» и «украинские» качества окрашивают русскую компоненту личности в 2,7 раза чаще (чем украинскую) низкоэмоциональными качествами, а украинскую – напротив в 2,4 раза чаще высокоэмоциональными.

Данные интервью показывают, что формирование такого баланса оценок этнически маркированных качеств, в значительной степени привнесено из вне (например, из литературы), сформировано стереотипным образом «типичного русского» и «типичного украинца». Но, при этом, значительная часть опрошенных анализировала свой характер/менталитет, опираясь на личные наблюдения (особенно это касается приезжих из Украины) или семейные представления.

Выводы

Структура этнической идентичности одной из крупнейших групп населения России с двойной этничностью – русско-украинской (с предположительной численностью от 3 до 10 млн. человек), является неоднородной: 42% – заявляют о преобладании у них русской идентичности, только 8% – украинской, 13% – предпочитают использовать этноним «хохлы», 38% – иные формулировки уравнивающие оба этнических компонента.

Внутренние элементы идентичности биэтноры маркируют по-разному: чаще русскими они ощущают себя по языку (58%), впрочем, этот ответ часто выбирали даже те, кто использует суржик или «хохляцкий» язык, а малый процент выбирающих украинский язык (8%) объясняется широко распространенным мнением о якобы больших различиях между суржигом и украинским языком, что не всегда соответствует реальности. В оценке этнических предпочтений в еде, семейных традиций и своего характера/менталитета наибольшее число опрошенных не смогли указать преобладающую этничность. Наиболее «сильным» украинским элементом идентичности биэтноров являются их гастрономические предпочтения.

Оценивая этническую специфику своего характера большая часть опрошенных (55%) не смогла назвать в себе те или иные «украинские» и «русские» черты, т.е. для большинства респондентов их характер является следствием смешения двух этнокультур. При этом, они не отрицают влияния национальности на характер, ведь только 17% выбрали вариант «не чувствую принадлежности к какой-либо национальности». Меньшинство, хотя и очень значимое (15%² по данным массового опроса и 45 человек из 100 по данным интервью) – выделяет в себе те или иные «русские» и «украинские» черты. Анализ структуры этих черт показывает значительные их

¹ На первый взгляд патриотизм является высокоэмоциональным чувством, однако чаще всего наши респонденты описывали свою любовь к родине, как чувство ответственности, долга, иными «суровыми» существительными и прилагательными, поэтому в данном анализе мы отнесли эту характеристику к аффективно нейтральной.

² В силу особенностей проведения анкетных опросов мы считаем эту цифру заниженной минимум в два раза.

различия. Характеризуя себя как русских, биэтноры чаще всего называют положительные, но более «строгие», аффективно нейтральные качества (трудолюбие, ответственность, смелость, стойкость и т.д.). Украинские же черты, напротив, более эмоциональные, чаще всего связанные с коммуникацией (гостеприимство, открытость, шутливость, общительность и т.д.).

Соотнесенность черт своей личности с этнической принадлежностью в большей степени прослеживается среди подгрупп респондентов смешанного происхождения (особенно тех, у кого предки были русские и украинцы, без иных национальностей). Разная доля лиц смешанного происхождения определяет разную долю маркирующих те или иные свои черты этнически в поколениях биэтноров (чаще молодежь, чем старшие поколения) и территориях проживания (чаще горожане, нежели жители сельской местности). Существенных межрегиональных различий в оценке этнической специфики своей личности на собранном эмпирическом материале не прослеживается.

Литература

- Бубликов, В.В., Свидовская, А.С. (2022). Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтноров в России. *Вестник антропологии*, 3, 99-120. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120.
- Листова, Т.А. (2014). Воронежские украинцы – русские хохлы. *Вестник антропологии*, 2, 116-139.
- Люля, Н.В. (2021). Система идентичности русско-украинского населения России. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, 4, 104-109.
- Мухаметзянова, А.Р. (2016). Смешанные этнокультурные идентичности молодежи. *Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии*. Смоленск: Смоленский государственный университет, 160-164.
- Общественное мнение – 2021 (2022). М.: Левада-Центр.
- Октябрьская, И.В., Крикау, Л.В., Антропов, Е.В. (2015). «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX – начала XXI в. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, 221-227.
- Сикевич, З.В., Поссель, Ю.А. (2019). Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ). *Социологический журнал*, 25(1), 121-136.
- Социальные факторы межэтнической напряженности в России. (2017) отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН.
- Хмелько, В. (2004) Лінгво-етнічна структура України: Регіональні особливості й тенденції змін за роки незалежності. *Наукові записки НаУКМА*, 32, 3-15.
- Чижикова, Л.Н. (1988). Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука.
- Moreman, S. (2009). Memoir as Performance: Strategies of Hybrid Ethnic Identity. *Text and Performance Quarterly*, 29(4), 350-370.

References

- Bublikov, V.V., Svidovskaya, A.S. (2022). Native Language and Ethnic Identity among Russian-Ukrainian Bi-ethnic Population in Russia. *Herald of Anthropology*, 3, 99-120. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120.
- Chizhikova, L.N. (1988). Russian-Ukrainian borderlands: the history and the fate of traditional household culture. Moscow, Nauka.
- Khmelko, V. (2004). Linguistic and Ethnic Structure of Ukraine: Regional Peculiarities and Trends in the Years of Independence. *Scientific Notes of NaUKMA*, 32, 3-15.
- Listova, T.A. (2014). Voronezh Ukrainians – Russian Khokhols. *Herald of Anthropology*, 2, 116-139.
- Lyulya, N.V. (2021). Identity system of the Russian-Ukrainian population of Russia. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*, 4, 104-109.
- Moreman, S. (2009). Memoir as Performance: Strategies of Hybrid Ethnic Identity. *Text and Performance Quarterly*, 4, 350-370.
- Mukhametzianova, A.R. (2016). Mixed ethnic and cultural identities of youth. *Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology*. Smolensk: Smolensk State University, 160-164.
- Oktjabrskaya, I.V., Krikau, L.V., Antropov, E.V. (2015). “We are Ukrainians, but indicates as Russians...”: ethnic processes among the Ukrainians of the steppe zone of Western Siberia in the XX – beginning of XXI century. *Journal of historical, philological and cultural studies*, 4, 221-227.

Public opinion – 2021 (2022). Moscow: Levada-Center.

Sikevich, Z.V., Possel, Y.A. (2019). The Structure and Typology of the Ethnic Identity of Members of Interethnic and Mono-Ethnic Families (A Comparative Analysis). *Sociological Journal*, 1, 121-136.

Social Factors of Interethnic Tension in Russia (2017). Epikhina, Yu.B., and M.F. Chernysh, eds. Moscow: FCTAS RAS.

Дата получения рукописи: 08.10.2022

Дата окончания рецензирования: 19.10.2022

Дата принятия к публикации: 04.11.2022

Информация об авторах

Бубликов Василий Валерьевич – кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, e-mail: v.bublikov@mail.ru

Ермак Галина Геннадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии, этнологии и антропологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: gaermak@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bublikov Vasily Valerievich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, e-mail: v.bublikov@mail.ru

Ermak Galina Gennadievna – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: gaermak@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА

Научная статья

УДК 316.3

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.10

EDN XWXIAC

Социально-демографические предпосылки консолидации региональных сообществ (на основе анализа статистических данных)**Павел К. Великих¹**

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
e-mail: velikikh@bsu.edu.ru

Аннотация

Введение. В условиях социальной хаотизации и нарастания глобальной конкуренции крайне важной становится задача формирования консолидации региональных сообществ на основе их объединения вокруг общих ценностей, интересов и целей.

Методы. Для выявления социально-демографических предпосылок был проведен анализ данных статистики, характеризующих развитие Белгородской, Воронежской, Курской областей по следующим показателям: территориальная самоорганизация населения, демографический состав и социально-экономическое положение.

Результаты и их обсуждение. Перспективы консолидации территориальных сообществ в значительной степени определяются их масштабами. Можно утверждать, что чем больше численность сообщества, тем сложнее решать эту задачу. В результате исследования сделаны следующие выводы. Поскольку городское сообщество в силу своих масштабов и особенностей жизни в урбанизированной среде менее чем сельское предрасположено к консолидации, его преобладание в исследуемых регионах редуцирует возможности интеграции. Деконсолидирующим фактором следует считать снижение уровня рождаемости и увеличение естественной убыли населения. Сокращение численности коренного населения за счет этих тенденций приводит к большому потоку мигрантов, вследствие которого увеличивается поликультурность городского сообществ и возникают проблемы кросскультурной коммуникации. Негативное влияние на консолидационный процесс оказывает высокий уровень социально-экономической дифференциации.

Ключевые слова: социальная консолидация; урбанизированность; воспроизводственные процессы; население; демография; бедность.

Для цитирования: Великих П. К. (2022). Социально-демографические предпосылки консолидации региональных сообществ (на основе анализа статистических данных). *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 116–128. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.10>

Socio-demographic prerequisites for the consolidation of regional communities (based on the analysis of statistical data)**Pavel K. Velikikh¹**

¹Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
e-mail: velikikh@bsu.edu.ru

Abstract.

Introduction. In the conditions of social chaos and growing global competition, the task of forming consolidation of regional communities on the basis of their unification on common values, interests and goals becomes extremely important.

Methods. For identifying socio-demographic prerequisites, an analysis was made of statistical data characterizing the development of the Belgorod, Voronezh, Kursk regions, according to the following indicators: territorial self-organization of population, demographic composition and socio-economic situation.

Results and its discussion. The prospects for the consolidation of territorial communities are largely determined by their scale. It can be argued that the larger the community, the more difficult it is to solve this problem. As a result of the research, the following conclusions were drawn. Since the urban community, due to its scale and characteristics of life in an urbanized environment, is less prone to consolidation than the rural

one, its predominance in the regions under study reduces the possibilities of integration. The deconsolidating factor should be considered a decrease of birth rate and an increase of natural decline of the population. The reduction in the size of indigenous population due to these trends leads to large flow of migrants, as a result of which the multiculturalism of urban communities increases and problems of cross-cultural communication arise. High level of socio-economic differentiation has a negative impact on the consolidation process.

Keywords: social consolidation; urbanization; reproduction processes; population; demography; poverty.

For citation: Velikikh P. K. (2022). Socio-demographic prerequisites for the consolidation of regional communities (based on the analysis of statistical data). *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 116–128. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.10>

Введение

В условиях динамичных изменений социальной реальности крайне важной становится задача воспроизводства региональных сообществ, представляющих собой общность людей, локализованных в рамках ограниченного пространства и в силу этого имеющих объективно детерминированные общие интересы. Наиболее благоприятные условия для их воспроизводства могут быть созданы в консолидированном обществе. Востребованность консолидации на региональном уровне определяется рядом обстоятельств:

- потребностью в институтах, регулирующих воспроизводство регионального сообщества, к числу которых относится солидарность;
- необходимостью защиты от многочисленных опасностей и угроз;
- важностью решения задачи повышения конкурентоспособности;
- необходимостью улучшения качества человеческих отношений путем укрепления взаимной лояльности, доверия, ощущения социальной справедливости.

Сложившаяся ситуация актуализирует задачу исследования оснований и перспектив консолидации региональных сообществ в динамично меняющейся и технологизирующейся социальной реальности.

Солидарность и консолидация относятся к числу традиционных в социально-гуманитарных науках проблем. Они рассматривались в работах Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса.

В настоящее время этой проблематике посвящены публикации ряда отечественных исследователей О.А. Кармадонов, А.С. Капто, О.Б. Молодов.

Однако в них анализируются преимущественно субъективные основания консолидационного процесса, и обращается недостаточное внимание на объективные социально-демографические и социально-экономические предпосылки.

Цель данной статьи – рассмотреть воздействие социально-демографических и социально-экономических предпосылок на перспективы консолидации региональных сообществ.

Методология исследования

В качестве объектов сравнения были выбраны Белгородская, Воронежская, Курская области, а также использовались данные в целом по Российской Федерации. Статистической базой исследования стали официальные источники информации за период 2017-2021 годов: Российский статистический ежегодник, ежегодные статистические издания территориальных органов Федеральной службы государственной статистики, статистические бюллетени, Российский демографический ежегодник, оперативные данные Росстата, данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

На основе анализа научной литературы (Локосов, 2014; Реутов, Реутова, Шавырина, Турьянский, 2017; Филиппов, 2020), по проблемам социальной консоли-

дации, был предварительно сделан вывод о том, что процессы консолидации во многом определяются следующими условиями:

- спецификой территориальной самоорганизации населения (консолидационный процесс по-разному представлен в урбанизированной и неурбанизированной среде);
- особенностью демографической ситуации;
- социально-экономическими характеристиками (социальная дифференциация, уровень бедности).

Анализ ситуации по этим параметрам позволяет получить следующие результаты:

1. *Территориальная самоорганизация населения как фактор консолидации.* Все анализируемые субъекты РФ хотя и относятся к высокоурбанизированным территориям (доля городского населения выше 50%), наблюдается динамика сокращения доли городского населения региона (рис. 1). За исследуемый период 2017-2021 годов городское население в выбранных субъектах РФ представлено следующей отрицательной (хотя и невысокой) динамикой: в Курской области численность городского населения в 2021 году сократилось на 9381 человек по сравнению с 2017 годом; в Воронежской области оно за 5 лет сократилось на 11835 человек; в Белгородской области – на 5391 человек. Снижение доли городского населения в Белгородской области составило 0,5 п.п.; в Воронежской области – 0,75 п.п.; в Курской области – 1,2 п.п.

Рисунок 1 – Динамика численности городского населения в Белгородской, Воронежской, Курской областях за 2017-2021 годы

Таким образом, степень урбанизированности исследуемых регионов в 2021 составляет: в Воронежской области – 68%, в Курской – 68,7%, в Белгородской области – 67,6%.

Динамика численности сельского населения в трех исследуемых регионах представлена на рисунке 2.

Сельское население в Белгородской области за 2017-2021 годы сократилось на 9393 человек, в Воронежской – на 26110 человек, в Курской области наблюдается самое большое сокращение численности сельского населения – на 19648 человек.

Таким образом, несмотря на то, что уровень урбанизации в Белгородской, Воронежской, Курской областях ниже, чем в среднем по России, он все равно остается довольно высоким. Это оказывает преимущественно негативное влияние на перспективы консолидации. Во-первых, потому что консолидировать большие группы людей

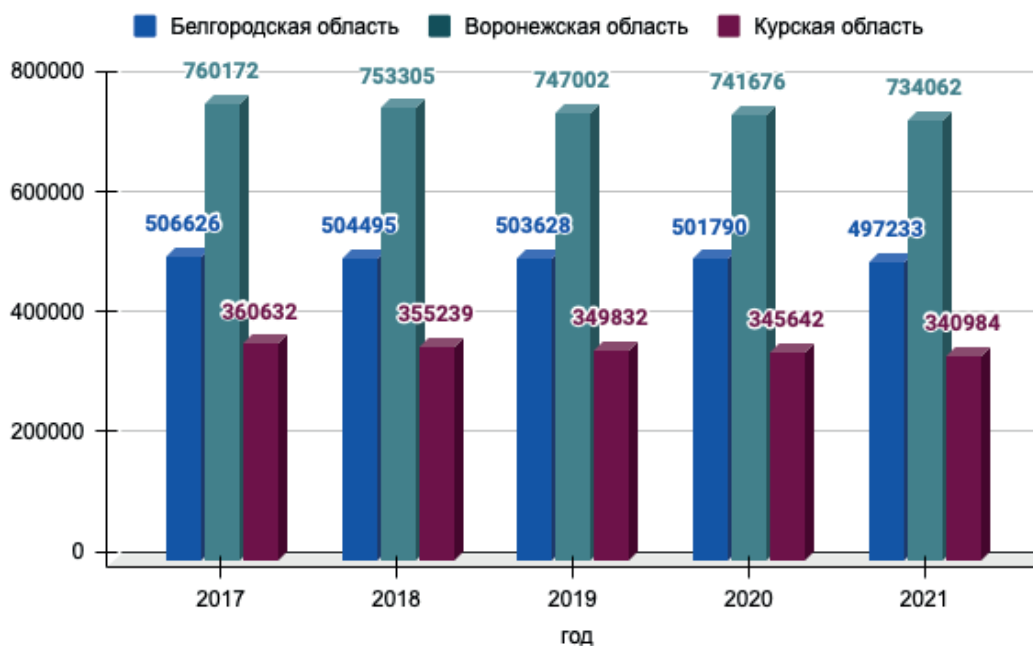

Рисунок 2 – Динамика численности сельского населения в Белгородской, Воронежской, Курской областях за 2017-2021 годы

сложнее, чем микрогруппы, и в этом плане сельские сообщества обладают более реальными возможностями, чем городские. Во-вторых, специфика городской жизни способствует скорее разъединению, чем объединению жителей. Не случайно Ж. Бодрийяр отмечал, что город способствует взаимному отчуждению людей (Бодрийяр, 1997).

2. *Демографическая ситуация и ее последствия для социальной консолидации региональных сообществ.* Сложившаяся модель демографического развития выступает существенной характеристикой, влияющей на воспроизводственные процессы современного региона.

Динамика численности населения в 2017-2021 гг. представлена на рис. 3. Данные диаграммы свидетельствуют о схожести динамики изменения населе-

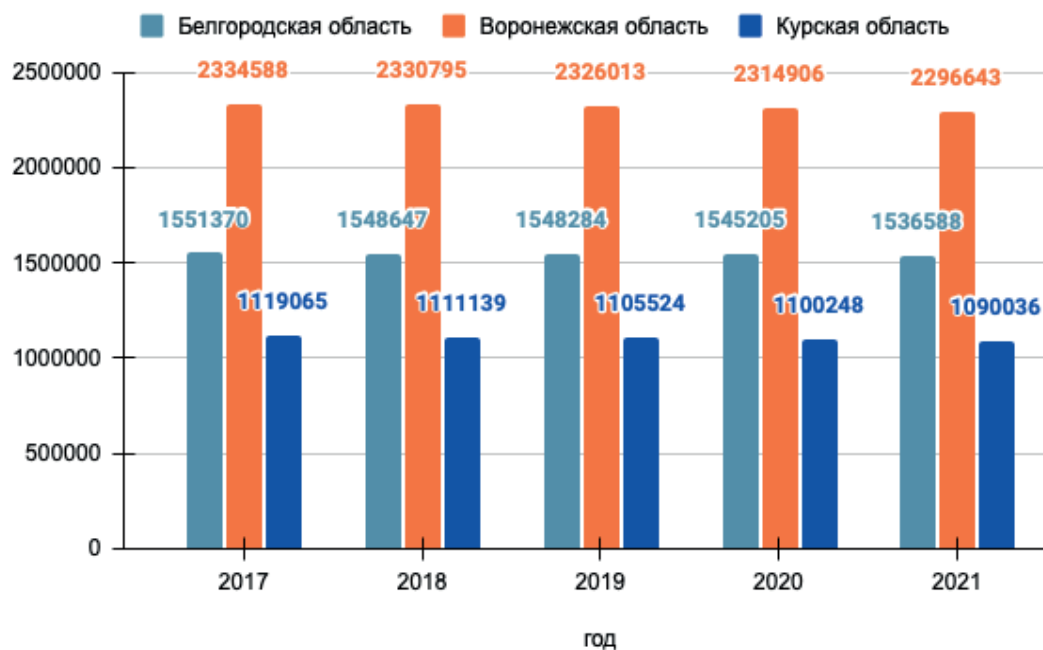

Рисунок 3 – Динамика общей численности населения в Белгородской, Воронежской, Курской областях за 2017-2021 годы

ния в выбранных регионах. Так, за анализируемый период численность жителей Воронежской области сократилась на 37945 человек или на 1,63%, Белгородской области – на 14782 чел. (0,95%), Курской области – на 29029 чел. (2,59%); численность населения в Российской Федерации за 2017-2021 годы сократилась на 978105 человек (0,67%).

Сокращение численности населения в исследуемых регионах соответствует общей тенденции по Российской Федерации.

Рассмотрим более подробно основные компоненты изменения численности населения (рис. 4, 5, 6). Представленные данные наглядно свидетельствуют о снижении

Рисунок 4 – Динамика уровня рождаемости населения в 2017-2021 гг. по Белгородской области, промилле (зарегистрированных родившихся на 1000 человек населения)

Рисунок 5 – Динамика уровня рождаемости населения в 2017-2021 гг. по Воронежской области, промилле (зарегистрированных родившихся на 1000 человек населения)

Рисунок 6 – Динамика уровня рождаемости населения в 2017-2021 гг. по Курской области, промилле (зарегистрированных родившихся на 1000 человек населения)

уровня рождаемости в анализируемых субъектах РФ в 2017-2021 гг.: в Воронежской и Курской областях – на 1,5 промилле, в Белгородской области – на 1,8 промилле. Также необходимо отметить, что несмотря на то, что в целом ситуация в исследуемых регионах повторяет динамику изменения показателя в Российской Федерации, значения уровня рождаемости остаются значительно ниже общероссийского уровня (в 2017 году уровень рождаемости в РФ был равен 11,5 промилле, в 2018 году – 10,9 промилле, в 2019 – 10,1 промилле, в 2020 – 9,8 промилле, в 2021 году – 9,6 промилле).

В выбранных регионах в 2017-2019 годах фиксировалась тенденция снижения коэффициентов смертности. Так, наилучшую динамику имеют Курская и Воронежская области, где сокращение за 2017-2019 годы составило 0,5 промилле, тогда как в целом по РФ этот показатель составил 0,1 промилле. Наименьшая динамика за 2017-2019 годы фиксируется в Белгородской области (0,1 промилле), но абсолютное значение показателя на протяжении всего исследуемого периода было ниже по сравнению с другими регионами.

В 2020-2021 годах наблюдается значительный рост уровня смертности городского населения, связанный в большей степени с пандемией Covid-19. Так, уровень смертности в Белгородской области вырос на 18,1% и достиг значения в 18,3 промилле, в Воронежской области – на 23,0% и составил 20,3 промилле, в Курской области – на 23,7% и возрос до 21,4 промилле. В целом, по Российской Федерации рост коэффициента смертности городского населения составил 15,8%, а сам показатель составил 16,8 промилле.

В результате отстающих темпов снижения коэффициентов смертности над коэффициентами рождаемости в 2017-2021 гг. во всех регионах фиксируется тенденция увеличения уровня естественной убыли населения (рис. 7).

За 2017-2021 гг. естественная убыль населения увеличилась в Белгородской области на 6,6 промилле, в Курской области – на 7,4 промилле, в Воронежской области на 7,1 промилле, что сопоставимо со среднероссийской динамикой в 6,3 промилле.

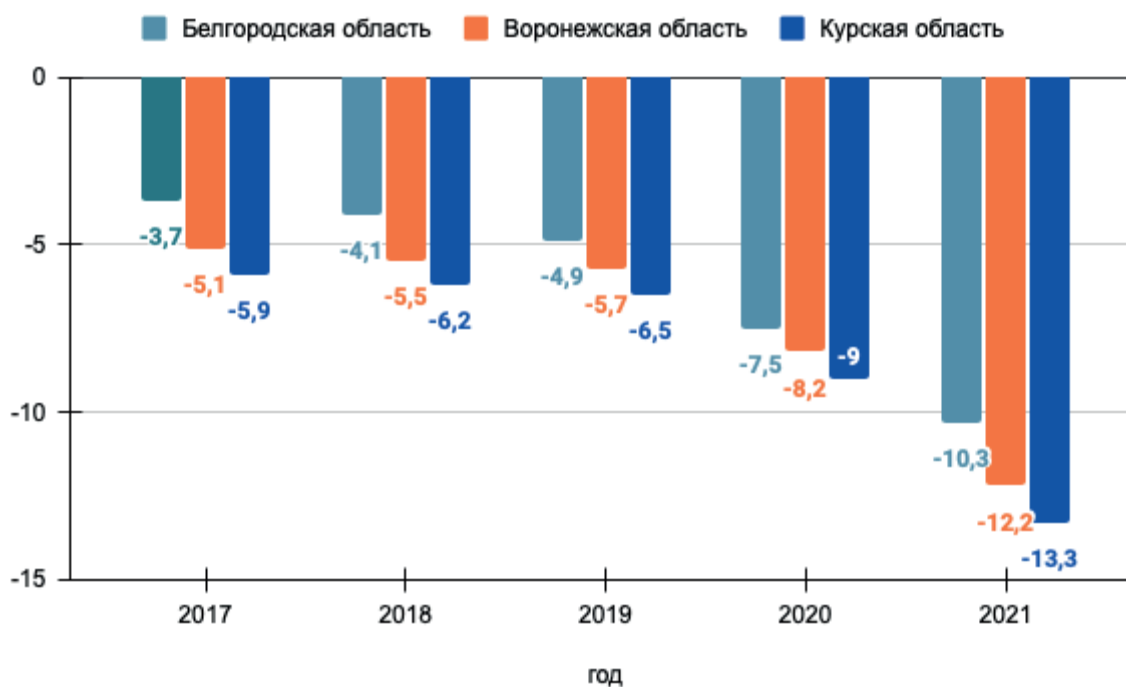

Рисунок 7 – Динамика значений коэффициентов естественной убыли населения в 2017-2021 гг., промилле

В то же время размеры сложившейся естественной убыли населения существенно превышают общероссийские значения: наименьший уровень естественной убыли в 2021 году населения среди анализируемых субъектов характерен для Белгородской области – 10,3 промилле, и он превышает в 1,43 раза среднероссийский уровень. В Воронежской и Курской областях уровень естественной убыли населения был равен 12,2 промилле и 13,3 промилле соответственно, что выше общероссийского показателя в 1,7 и 1,85 раза.

Таким образом, снижение уровня рождаемости и увеличение естественной убыли населения ведет к снижению численности коренного населения. Восполнение численности будет происходить главным образом за счет мигрантов. В Воронежской области – в 2021 году рассматриваемый показатель выходит на уровень 2017 года и составляет 10062 человек. В Белгородской области имеет место разброс значений: в 2020 году – снижается в 2,17 раза и составляет 4229 человек, в 2021 году данный показатель составляет 6436 человек. В Курской области наряду с широким разбросом миграционного прироста от 1698 чел. (2021 г.) до 4283 чел. (в 2019 г.) также наблюдается и миграционный отток городского населения в 2017 году (-988 человек) и 2018 году (-1296 чел.). Данное следствие выступает не только источником социальной напряженности, но и ограничивает возможности социальной консолидации региональных сообществ. Приезжие зачастую не знакомы с социокультурной спецификой регионов, комплексом культурно-ценностных норм и правил поведения (культурно-ценностным ядром), а также не намерены приобретать «культурную валентность» (подстраиваться под общность, принимать культурно-ценностные и поведенческие установки, сложившиеся в принимаемом обществе).

Демографическая ситуация характеризуется двумя противоположными действительностями. С одной стороны, сокращение численности населения и замещение «вакантных мест» мигрантами, что отрицательно влияет на консолидацию. С другой стороны, уменьшение численности сообщества вызывает ответную реакцию сообщества в виде укрепления консолидационных связей.

3. *Социально-экономические основания процессов социальной консолидации сообществ в регионах.* Процесс социальной консолидации региональных сообществ невозможен без первоначального удовлетворения социально-экономических потребностей населения. Благоприятные перспективы консолидации имеют в однородном обществе, где большинство составляют средний класс. В настоящее время наблюдается увеличение доли бедных. Проблема бедности – одна из острейших социальных проблем современной России.

Как справедливо отмечают Е.В. Фахрутдинова, Л.М. Хуснутдинова «отличительной особенностью развития экономики РФ является то, что у нас преобладает бедность трудоспособного населения, не говоря о многодетных и неполных семьях с детьми, семьях с иждивенцами, одиноких пенсионерах, инвалидах» (Фахрутдинова, Хуснутдинова, 2012).

Основными результатами экономической бедности (бедности работоспособного населения), выступающими препятствиями для консолидационного процесса, являются:

- крайне отрицательное отношение к действиям властей;
- социальная фрустрация (неуверенность в завтрашнем дне, безысходность, моральная, психологическая, социальная депрессия);
- отрицательный общественный резонанс;
- социальная и политическая пассивность.

Росстатом, начиная с 2020 г., анонсировался новый подход к определению уровня бедности, в котором был заложен «индекс социальной исключенности, характеризующийся наличием или отсутствием у человека доступа к социально значимым услугам, его включенность в социальные коммуникации, а также финансовое положение. Индекс рассчитывает неспособность индивида полностью участвовать в жизни общества» (Росстат измерит «многомерную бедность»...).

К сожалению, позже ведомство заявило о том, что не будет переходить на новую методику определения бедности в ближайшее время.

По данным Росстата (рис. 8), риск бедности у городских жителей ниже, чем у сельских, и имеет тенденцию дальнейшего снижения по мере роста численности жителей в городе (Росстат измерит «многомерную бедность»...).

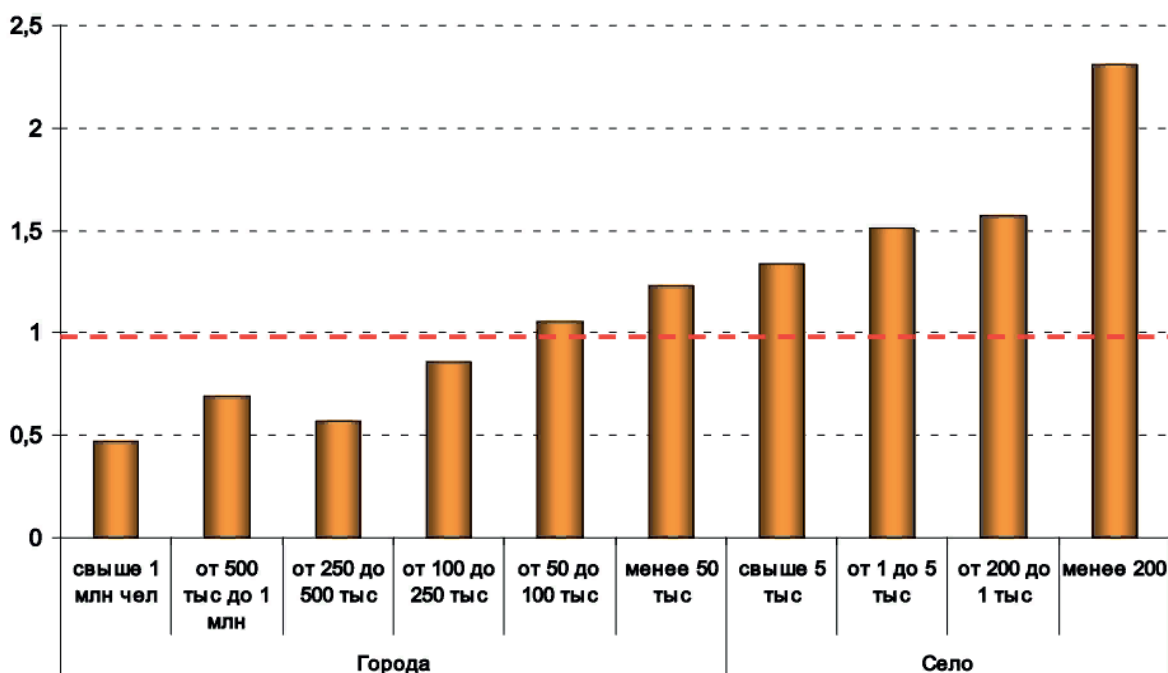

Рисунок 8 – Риски бедности в различных типах поселений

Для городских поселений выше соотношение денежных доходов с величиной прожиточного минимума и меньше дефицит денежных доходов (Статистика бедности: система показателей...) (рис. 9).

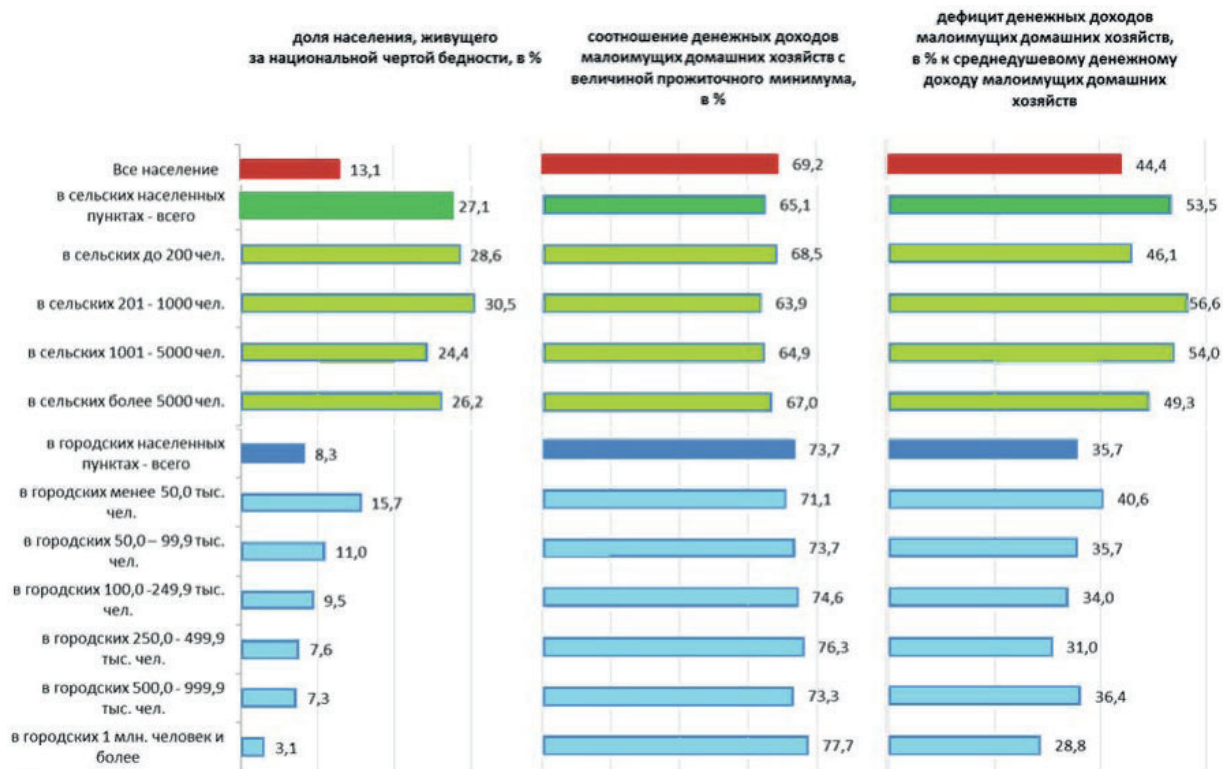

Рисунок 9 – Профиль бедности: город – село

Уровень бедности населения и численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в исследуемых субъектах РФ и в целом по стране (рис. 10-13).

Рисунок 10 – Динамика уровня бедности населения в Российской Федерации за 2017-2021 гг. (чел., %)

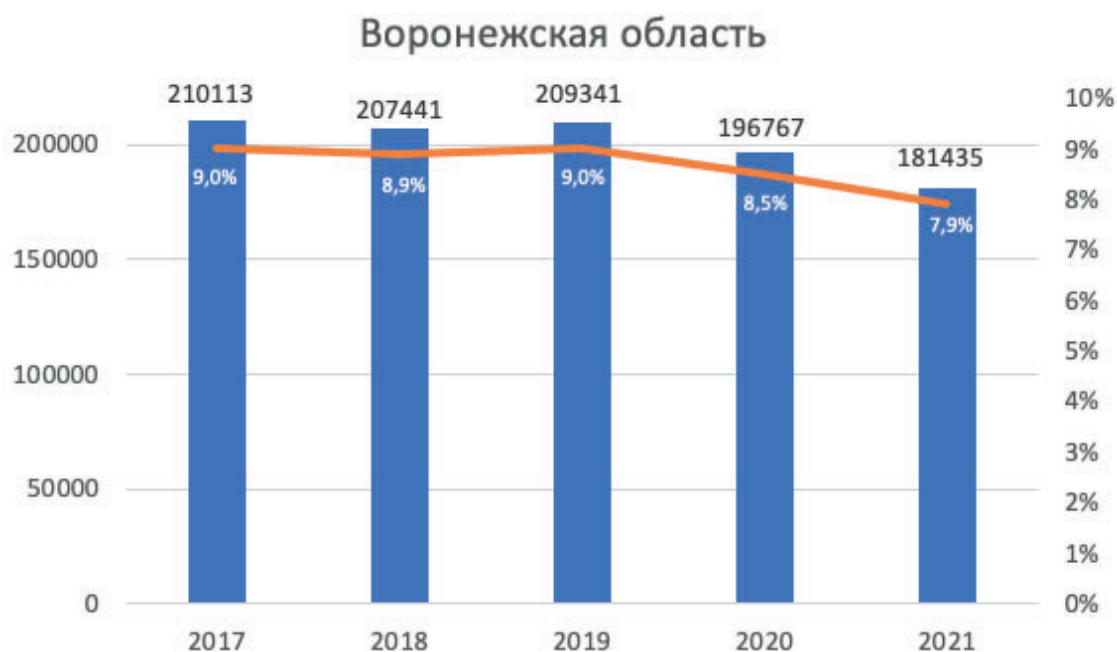

Рисунок 11 – Динамика уровня бедности населения в Воронежской области за 2017-2021 гг. (чел., %)

Рисунок 12 – Динамика уровня бедности населения в Курской области за 2017-2021 гг. (чел., %)

По данным Росстата, в Белгородской области за период с 2017 по 2021 гг. количество граждан, проживающих за чертой бедности, несущественно снизилось – на 11909 чел. или на 9,84%. Уровень бедности населения в регионе также сократился за анализируемый период в 1,1 раза и составил 7,1% от общей численности населения региона, что на 3,9% ниже общероссийского значения показателя.

Значения исследуемых показателей в Курской области в целом повторяют динамику Белгородской области: общее снижение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2017-2021 годах составило 16071 чел. или 13,9%.

Рисунок 13 – Динамика уровня бедности населения в Белгородской области за 2017-2021 гг. (чел., %)

Уровень бедности городского населения региона сократился в 1,13 раза и составил в 2021 г. 9,1% что ниже на ,9% общероссийского значения показателя.

В Воронежской области так же наблюдается тенденция снижения количества населения с доходами ниже прожиточного минимума, к 2021 году этот показатель снизился по сравнению с 2017 годом на 28678 человек или 13,6%. Несмотря на это, уровень бедности городских жителей региона за 2017-2021 гг. снизился в 1,14 раза и составил 7,9%, что на 3,1% ниже общероссийского значения показателя.

Спад уровня бедности также относительно обусловлен введением новых форм поддержки малоимущих семей со стороны государства. Начиная с 2021 года были осуществлены две выплаты по 10000 рублей для всех семей и семей с детьми, которые идут в первый класс; введены региональные выплаты малоимущим семьям с детьми 3-7 лет. Однако риски снижения благополучия в 2022 году, обусловленные внешнеполитическими процессами, сохраняются.

Таким образом, исходя из анализа статистических данных, можно отметить высокий уровень социально-экономической дифференциации региональных сообществ. Происходит социальная поляризация населения, люди делятся на богатых и основную массу – бедных, тем самым размывается средний класс общества. Но, как отмечал Аристотель, «государство, состоящее из средних людей, будет иметь наилучший государственный строй» (Аристотель, 1983), именно средний класс служит социальной основой консолидации, являясь базой стабильности, консолидации и устойчивости общества. Следовательно, повышение уровня социальной дифференциации и увеличение доли бедных негативно сказывается на перспективах консолидационного процесса.

Выводы

Таким образом, социально-экономические и социально-демографические основы консолидации сформированы недостаточно. Они, скорее всего, стимулируют де-консолидацию, чем консолидацию. При отсутствии объективных оснований любые попытки стимулировать консолидационные процессы и защитить консолидационные проекты не дают ожидаемого эффекта.

Проведенный сравнительный анализ статистических данных территориальных органов Федеральной службы государственной статистики позволяет сделать некоторые выводы о наличии специфических характеристик процессов социальной консолидации сообществ в Белгородской, Воронежской и Курской областях:

- демографическая ситуация характеризуется нарастающей тенденцией естественной убыли населения с замещением коренного населения мигрантами. Это существенно осложняет воспроизводство качественных характеристик территориальных сообществ. Отрицательная динамика естественного прироста населения в регионе объективно формирует потребность для поиска социокультурных регулятивов воспроизводства, к числу которых и относится социальная солидарность. Следовательно, идея консолидации должна наиболее позитивно восприниматься в регионах, в которых естественная убыль выше;
- уровень бедности имеет тенденцию к снижению в Белгородской, Воронежской и Курской областях, однако пока ее уровень не является низким, а значит, снижает потребность в консолидации, т.к. все ресурсы жителей направлены на решение проблем выживания и идея интеграции остается на периферии массового сознания. Более того, в бедной среде наблюдается негативная реакция на консолидационные проекты («мы едва сводим концы с концами, а нам предлагают объединиться»). Следовательно, в субъектах РФ с высоким уровнем бедности консолидационный проект найдет ограниченную поддержку.

Литература

- Аристотель (1983). Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 376-644.
- Бодрийяр, Ж. (1997). Город и ненависть. М.: Логос, 9, 107-116.
- Локосов, В.В. (2014). Социально-экономические факторы консолидации российского общества: региональный аспект. *Экономика региона*, 3, 73-82.
- Реутов, Е.В., Реутова, М.Н., Шавырина, И.В., Турьянский, А.А. (2017). Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4 (140), 145-164.
- Фахрутдинова, Е.В., Хуснутдинова, Л.М. (2012). Бедность населения России: тенденции развития. *Экономические науки*, 12 (97), 63-66.
- Филиппов, С. А. (2020). Символические ресурсы консолидации российского общества. В сборнике: *Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы*: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 17 февраля 2020 г., 287-289.
- Зубаревич, Н. Бедность в регионах России, городах и сельской местности. Проблемы статистики, основные факторы и дифференциация уровня бедности. Режим доступа: https://isp.hse.ru/data/2018/10/31/1142936160/Zoubarevitch_RU.pdf.
- Росстат измерит «многомерную бедность». Ведомство оценит уровень жизни россиян по международному стандарту. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2019/5cbf433d9a7947e02d081862>.
- Статистика бедности: система показателей, методология и организация статистических наблюдений. Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1176-src-1549286937.8565.pdf>.

References

- Aristotle (1983). Works: In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl. 376-644.
- Baudrillard, J. (1997). The city and hatred. Moscow: Logos, 9, 107-116.
- Fakhrutdinova, E.V., Khusnutdinova, L.M. (2012). Poverty of the Russian population: development trends. *Economic Sciences*, 12 (97), 63-66.
- Filippov S. A. (2020). Symbolic resources of consolidation of Russian society. In: *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: Resources, problems and prospects*: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, February 17, 2020. Irkutsk: Publishing House of ISU, 287-289.

Lokosov, V.V. (2014). Socio-economic factors of consolidation of Russian society: regional aspect. *The economy of the region*, 3, 73-82.

Reutov, E.V., Reutova, M.N., Shavyrina, I.V., Turyansky, A.A. (2017). Self-organization in local communities: practices and mechanisms. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 4 (140), 145-164.

Poverty statistics: a system of indicators, methodology and organization of statistical observations. Available at: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1176-src-1549286937.8565.pdf>.

Rosstat will measure "multidimensional poverty". The agency will assess the standard of living of Russians according to the international standard. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2019/5cbf433d9a7947e02d081862>.

Zubarevich, N. Poverty in the regions of Russia, cities and rural areas. Problems of statistics, the main factors and differentiation of the poverty level. Available at: https://isp.hse.ru/data/2018/10/31/1142936160/Zoubarevitch_RU.pdf.

Дата получения рукописи: 07.10.2022

Дата окончания рецензирования: 19.10.2022

Дата принятия к публикации: 30.11.2022

Информация об авторе

Великих Павел Константинович – аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, e-mail: velikikh@bsu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Velikikh Pavel Konstantinovich – Postgraduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, e-mail: velikikh@bsu.edu.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научная статья

УДК 316.42

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.11

EDN ZKBZVP

**Социальные установки в армянском обществе по вопросу о статусе
«Нагорного Карабаха в составе Российской Федерации»****Самвел А. Манукян¹**¹Ереванский государственный университет, г. Ереван, Республика Армения

e-mail: samvelmanukyana@gmail.com

Аннотация

Введение. После тяжелого поражения во второй 44-дневной Карабахской войне 2020 г, Армения испытывает сложности в обеспечении безопасности Нагорно-Карабахской Республики. Несмотря на это, подавляющее большинство населения Армении отрицает какой-либо статус Нагорно-Карабахской Республики в составе Азербайджана и продолжает стремиться к нереалистичным в сложившейся ситуации вариантам независимого статуса Нагорного Карабаха, а также включения Карабаха в состав Армении. В общереспубликанском репрезентативном исследовании «Кавказский барометр 2021» впервые прозондирована принципиально новая альтернатива – Нагорный Карабах в составе Российской Федерации. В статье проанализированы характеристики сегмента армянского общества, для которого этот статус полностью или частично приемлем.

Методы. Анализ проведен посредством вторичной обработки базы данных общереспубликанского социологического исследования «Кавказский барометр 2021». Генеральная совокупность исследования – население Армении в возрасте от 18 лет. Выборка исследования – вероятностная, многосупенчатая стратифицированная, кластерная, репрезентативная по полу и возрастным группам респондентов, регионам Армении, типам и размерам населенных пунктов. Объем выборки – 1648 респондентов.

Результаты и их обсуждение. Со статусом «Нагорный Карабах в составе Российской Федерации» однозначно согласились или скорее согласились бы 50% респондентов. Этот показатель в различных сегментах общества колеблется в пределах от 34% до 68%. Показатель относительно высок в менее благополучных и менее образованных слоях, в сельской местности, среди старших возрастных групп, среди электората пророссийских партий, либо с пророссийской внешнеполитической ориентацией. Показатель относительно ниже в лояльном к текущему политическому курсу страны сегменте. У сегментов населения, выступающего как против статуса «Нагорного Карабаха в составе РФ», так и – за, наблюдаются практически одинаковые характеристики политической культуры и электорального участия.

Ключевые слова: Армения; статус Нагорного Карабаха; Российская Федерация; политическая культура; внешнеполитическая ориентация; внутривнутриполитический конфликт.

Для цитирования: Манукян С. А. (2022). Социальные установки в армянском обществе по вопросу о статусе «Нагорного Карабаха в составе Российской Федерации». *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 130–142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.11>

**Social attitudes in the Armenian society on the issue of the status of
“Upper Karabakh within the Russian Federation”****Samvel A. Manukyan¹**¹Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia

e-mail: samvelmanukyana@gmail.com

Abstract

Introduction. After a heavy defeat in the second 44-day Karabakh war in 2020, Armenia cannot guarantee the security of the Upper Karabakh Republic. Despite this, in 2021, the vast majority of Armenian society denied any status of the Upper Karabakh Republic as part of Azerbaijan. On the other hand, the vast majority of society considers unrealistic variants of the status of Upper Karabakh acceptable – independence or inclusion into Armenia. In the all-republican representative study “Caucasian Barometer 2021”, for the first time, a fundamentally new alternative was probed – Upper Karabakh as part of the Russian Federation. The article analyzes the characteristics of the Armenian society segment for which this status is wholly or partially acceptable.

Methods. The analysis was carried out through secondary analysis of the database of the sociological nationwide survey “Caucasian Barometer 2021”. The general population of the study is the population of Armenia aged 18 years and older. The survey sample type is a probability, multi-stage stratified clustered sample, representative by sex and age groups of respondents, regions of Armenia, types of settlements, and sizes of settlements. The sample size is 1648 respondents.

Results and its discussion. With the status of “Upper Karabakh as part of the Russian Federation”, 50% of the Armenian society unambiguously agreed or would probably agree. This figure in various segments of society ranges from 34% to 68%. The indicator is relatively high in the less well-to-do and less educated strata, in rural areas, among older age groups, among the electorates of pro-Russian parties, and in the stratum with a pro-Russian foreign policy orientation. The indicator is relatively lower in a small segment loyal to the country’s political course. Both the segments that reject and do not reject the status of “Upper Karabakh within the Russian Federation”, have practically identical characteristics of the distribution of the participatory political culture and electoral participation.

Keywords: Armenia; the status of Upper Karabakh; Russian Federation; political culture; foreign policy orientation; internal political conflict.

For citation: Manukyan S.A. (2022). Social attitudes in the Armenian society on the issue of the status of “Upper Karabakh within the Russian Federation”. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 130–142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.11>

Введение

До 44-дневной Карабахской войны 27 сентября – 9 ноября 2020 г. Нагорно-Карабахская Республика и главный гарант ее безопасности – Республика Армения находились в выгодном по отношению к Азербайджану военно-стратегическом положении. Пояс безопасности вокруг НКР считался надежной защитой в случае войны. В информационном поле Армении преобладали публикации о мощи Армянской армии и ее непрерывном усилении (Нерсисян, 2017).

Вследствие войны Армения и НКР понесли серьезные стратегические потери. По официальным данным на 21 марта 2021 г. армянская сторона имеет 3822 человек убитыми (Армения назвала ..., 2022), азербайджанская сторона – 2783 (Азербайджан впервые раскрыл ..., 2020).

Под контроль Азербайджана перешли все семь районов пояса безопасности, значительные территории Гадрутского и Шушинского районов (в том числе – города Гадрут и Шуши), которые в советское время находились в составе Нагорно-Карабахской Автономной Области, а также вторая автодорожная магистраль Варденис – Мартакерт, связывающая Армению и НКР (Рисунок 1). Значительно увеличилась протяженность границы между НКР и Азербайджаном, а также Арменией и Азербайджаном. Большое количество сел в Армении и НКР, которые находились в безопасной зоне, превратились в приграничные поселения. Армения фактически потеряла статус гаранта безопасности НКР. По трехстороннему заявлению от 9 ноября 2020г. (Заявление Президента ..., 2020), безопасность оставшегося от НКР армянского анклава обеспечивают миротворцы РФ.

На рисунке оранжевым цветом обозначена территория НКР после 44-дневной войны, темно-зеленым – территории, завоеванные Азербайджаном в ходе боевых действий, светло-зеленым – территории, перешедшие к Азербайджану по заявлению от 9 ноября 2020 г., красной линией – граница Нагорно-Карабахской Автономной Области в 1991 году.

После войны выросла роль Пограничных войск РФ в вопросе обеспечения безопасности Армении, а также роль РФ в вопросе восполнения тяжелых военно-технических потерь. В сложившейся ситуации очевидно, что претерпело определенные изменения социально-психологическое состояние общества и его установки по отношению к важнейшим для Армении и НКР проблемам, в том числе – по вопросу о будущем НКР, включая гипотетическую альтернативу «НКР в составе РФ».

Рисунок 1. Карта НКР до и после 44-дневной войны 2020 г. (Что осталось ..., 2020)

Методы

Приведенные в статье данные получены посредством вторичной обработки базы данных «Caucasus Barometer, 2021» Кавказского исследовательского ресурсного центра (CRRRC Downloads, 2022). Полевая фаза исследования в Армении проведена в течение 18 декабря 2021 – 30 января 2022. Выборка исследования вероятностная, многоступенчато-стратифицированная кластерная, объем выборки – 1648 опрошенных. Кроме того, в процессе исследования проводился анализ актуальных документов – выступлений, заявлений по изучаемому вопросу.

Результаты

В рамках исследования рассмотрены общественные установки в Армении по отношению к различным вариантам будущего НКР, которые так или иначе озвучивались в течение всего карабахского конфликта, включая послевоенную стадию. Респондентам было предложено ответить на вопрос, с каким из предложенных им вариантов они бы согласились однозначно, возможно, либо никак не согласились бы. Было предложено шесть вариантов ответов: 1) Нагорный Карабах официально в составе Армении; 2) Нагорный Карабах как независимая республика; 3) Нагорный Карабах как особая административная территория, совместно управляемая Азербайджаном и Арменией; 4) Нагорный Карабах в составе Азербайджана с высоким уровнем автономии; 5) Нагорный Карабах в составе Азербайджана без автономии; 6) Нагорный Карабах в составе Российской Федерации.

Распределение ответов на перечисленные вопросы приведены в Диаграмме 1.

Получены результаты, практически повторяющие картину исследований последних 20 лет. Подавляющее большинство респондентов Армении видят Нагорный

Диаграмма 1. Приемлемость различных статусов Нагорного Карабаха в общественном мнении Армении

Карабах вне Азербайджана. В частности, со статусом «Нагорный Карабах – независимое государство» согласились бы, или возможно согласились бы 90% опрошенных. Статус «Нагорный Карабах – независимое государство» приемлем или возможно приемлем для 77% опрошенных. Никогда не согласились бы со статусом «Нагорный Карабах в составе Азербайджана» – 97%. Статус «Нагорный Карабах в составе Азербайджана с высоким уровнем автономии» не приемлем для 96% опрошенных, а статус «Нагорный Карабах как особая административная территория, управляемая совместно Азербайджаном и Арменией», не приемлем для 92% опрошенных. Следует обратить внимание, что исследование проведено через год после 44-дневной войны.

В опросе «Кавказский Барометр 2021» в числе возможных статусов Нагорного Карабаха впервые рассмотрен статус «Нагорный Карабах в составе Российской Федерации». Оказалось, что этот вариант однозначно приемлем для 21% опрошенных и возможно приемлем еще для 29%. Суммарный объем сегмента, в той или иной степени согласного со статусом «Нагорный Карабах в составе РФ», составляет 50%.

Такой гипотетический статус Карабаха принципиально нов как в геополитическом контексте, так и в плане национальных интересов Армении.

То, что в армянском обществе существуют примерно равные сегменты, допускающие и даже желающие статуса Нагорного Карабаха в составе РФ, а также не допускающие подобной альтернативы, обозначает значительный конфликтный потенциал вокруг этой идеи во внутривнутриполитическом дискурсе, а с учетом сложившейся ситуации после 44-дневной войны, данный конфликтный потенциал может превратиться в существенный фактор во внутривнутриполитической борьбе.

Это предположение подтверждается следующими фактами. Премьер Министр Армении Никол Пашинян в своем выступлении в Национальном Собрании Армении 13 апреля 2022 г. сказал: «Сегодня международное сообщество нам говорит – несколько опустите планку в вопросе статуса Нагорного Карабаха, и вы обеспечите большую

международную консолидацию вокруг Армении и Арцаха¹, ... иначе, международное сообщество просит не надеяться на него, не из-за того, что оно не хочет нам помочь, а из-за того, что не сможет нам помочь» (Международное сообщество обеспечит..., 2022).

С другой стороны, в Заявлении Национального Собрания Республики Арцах от 30 октября 2022, категорически отвергается подход западного сообщества по статусу НКР, в очередной раз подтверждается решение народа НКР на референдуме 10 декабря 1991 г. о выходе из состава Азербайджана (Референдум о независимости...), а также содержится призыв к Российской Федерации: «Обращаемся к Российской Федерации с просьбой и далее продолжать выполнять взятое на себя обязательство по обеспечению безопасности народа Арцаха. Учитывая реальную экзистенциальную опасность, угрожающую народу Арцаха, предлагаем с целью укрепления безопасности, внедрить дополнительные политические и военные механизмы» (Заявление Национального Собрания Республики Арцах, 2022).

Контекст дополняет комментарий посла РФ в Армении С. П. Копыркина об итогах трехсторонних переговоров В. Путина, Н. Пашиняна и И. Алиева, прошедших 31 октября 2022 г. в Сочи: «Могу повторить то, что неоднократно заявлялось российским руководством, в том числе и президентом Путиным. На наш взгляд, вопрос статуса Нагорного Карабаха – это тот вопрос, который следовало бы оставить следующим поколениям, когда будут сформированы условия для приемлемого для всех справедливого решения этого вопроса» (Посол России Сергей Копыркин: Вопрос статуса Нагорного Карабаха..., 2022).

Принимая во внимание вышеизложенное, рассмотрим, насколько статус «Нагорный Карабах в составе РФ» приемлем в различных слоях и группах армянского общества, в том числе в социально-демографических, лояльных и не лояльных политическому курсу руководства Армении группах, имеющих различные партийные предпочтения, политическую активность, электоральное участие, внешнеполитические ориентации и информационные предпочтения.

Далее в диаграммах приведены объединенные объемы сегментов, которые «согласились бы» или «возможно, согласились бы» со статусом «Нагорный Карабах в составе РФ».

Социально-демографические характеристики. Уровень приемлемости статуса «Нагорный Карабах в состав РФ» относительно выше среди жителей сельских регионов, мужчин, старших возрастных группах (45-59, 60 и старше лет), экономически менее состоятельных и менее образованных респондентов (Диаграмма 2).

Лояльность политическому курсу Армении. Ситуация с лояльностью политическому курсу Армении выглядит следующим образом (Диаграмма 3):

Общий объем нелояльного текущей политике страны сегмента (44%) почти в 2,5 раза превышает общий объем лояльного сегмента (18%). Четверть населения (26%) считает, что внутренняя политика Армении осталась неизменной. В контексте значительного роста цен на товары первой необходимости после 44-дневной войны, этот показатель имеет скорее отрицательное значение. 12% не ориентируется в этом вопросе. В контексте полученных данных уровни приемлемости статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» в группах лояльности (Диаграмма 4) становятся более содержательными.

Уровень приемлемости статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» относительно выше в группе, которая считает, что политика Армении никак не изменилась (54%), и относительно ниже (38%) в очень маленьком лояльном сегменте населения (4%, см. Диаграмме 3, нижний зеленый столбик).

Партийные предпочтения. В контексте политического процесса важно оценить уровень согласия с установкой «Нагорный Карабах в составе РФ» в электоратах

¹ Армянское название Нагорного Карабаха.

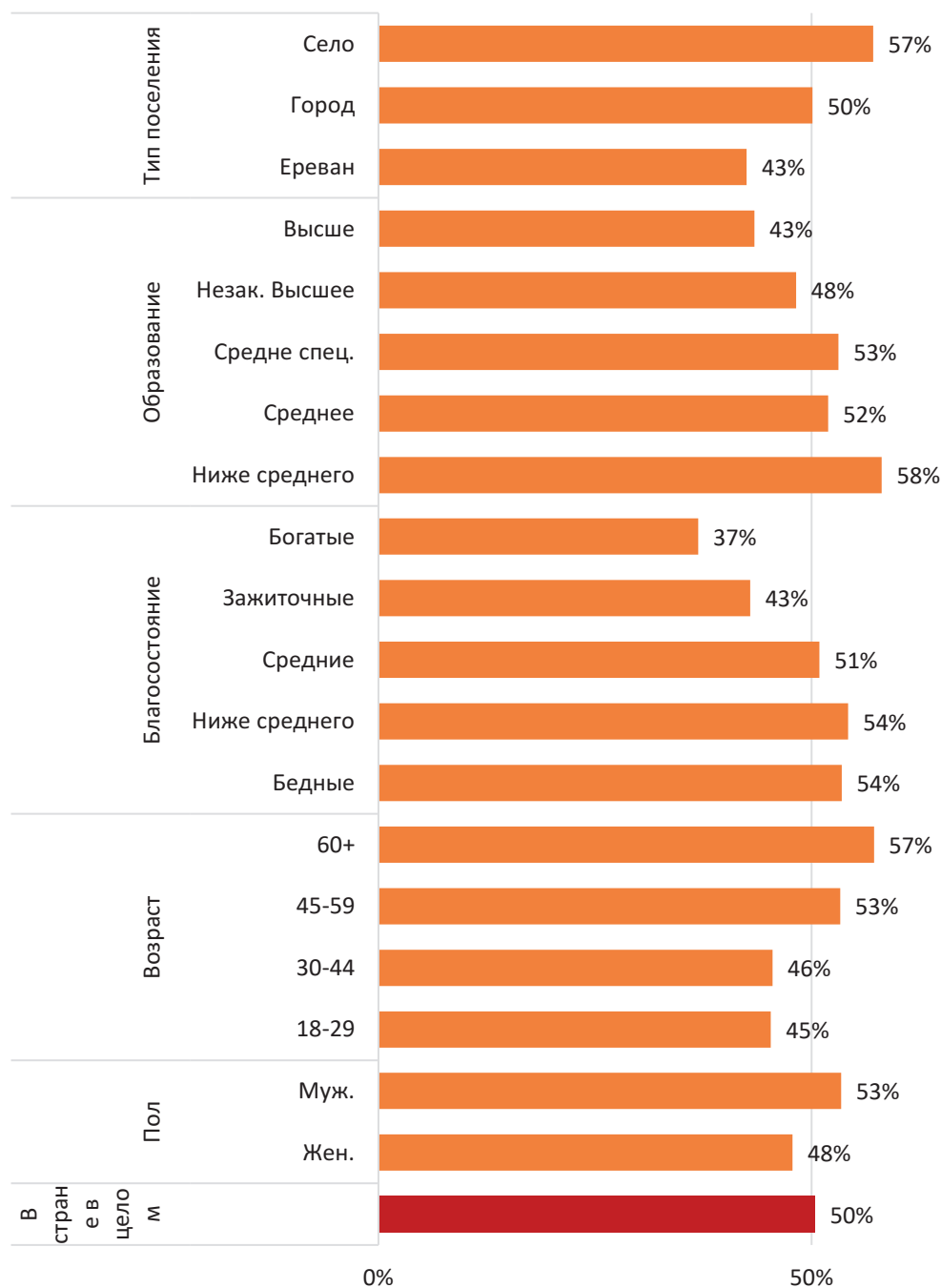

Диаграмма 2. Приемлемость статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» в социально-демографических группах.

различных партий. Распределение населения Армении по партийным предпочтениям на январь 2022 приведено на Диаграмме 5.

В Армении 43% населения не имеет партийных предпочтений, 6% не ориентированы в этом вопросе и еще 6% скрывают свои предпочтения. В целом сегмент с неопределенными партийными предпочтениями составляет 54% совершеннолетнего населения. Это очень большой объем. Поэтому в политических и электоральных технологиях на этот сегмент следует обратить особое внимание.

Наибольший электорат у правящей партии «Гражданский договор» (22,4%), возглавляемый Премьер-министром РА Н. Пашиняном, на втором месте, намного уступая правящей партии, находится оппозиционный парламентский блок «Армения» (7,6%), возглавляемый вторым президентом Армении Р. Кочаряном, на третьем –

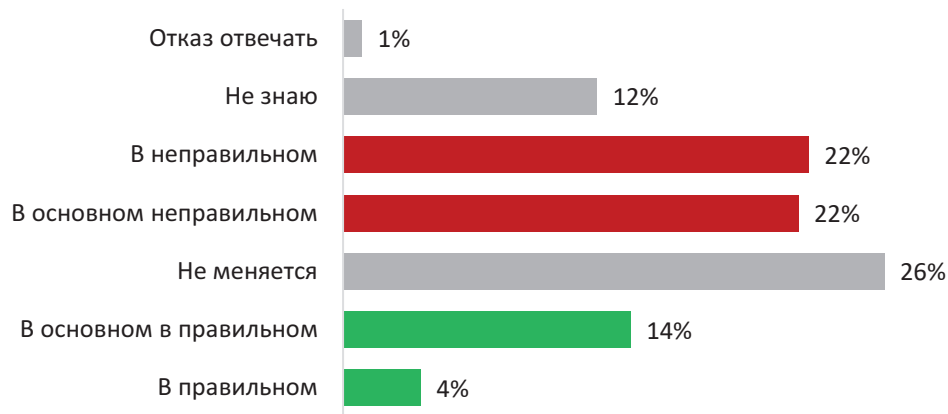

Диаграмма 3. «В каком направлении развивается внутренняя политика Армении?»

Диаграмма 4. Приемлемость статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» в сегментах различной лояльности к политическому курсу страны

партия мультимиллионера Г. Царукяна «Процветающая Армения» (4,5%). Затем идут прозападные партии «Республика» (2,4%), «Демократический союз Ширинян – Бабаджанян» (2,0%), а также парламентский блок «Честь имею», неформальным лидером которого является третий президент Армении С. Саркисян (1,6%).

Среди партий, имеющих минимально значимый объем электората, установка «Нагорный Карабах в составе РФ» значительно выше среднереспубликанского в электорате блока «Армения» (64%) и партии «Процветающая Армения» (62%). Это партии пророссийской ориентации. Эта установка выше среднего также в сегменте, не имеющем партийных предпочтений (62%, Диаграмма 6).

С другой стороны, установка «Нагорный Карабах в составе РФ» сравнительно ниже общереспубликанского уровня в электоратах прозападных партий, в частности – «Демократического союза Ширинян – Бабаджанян» (34%), «Армянского национального конгресса» (41%), неформальный лидер которого – первый президент Армении Л. Тер-Петросян, «Национально-демократического полюса» (43%) (лидер – Ж. Сефилян, чьи единомышленники из партии «Сасна Црер» организовали захват здания патрульно-постового полка в Ереване в июле 2016 г.), партии «Республика» (лидер – А. Саркисян – брат убитого в террористическом акте в парламенте Армении 27 октября 1999 г. тогдашнего Премьер-министра Армении Вазгена Саркисяна), а также в электорате блока «Честь имею».

Диаграмма 5. «Какую партию Вы считаете ближе к Вам?»

Диаграмма 6. Приемлемость статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» в электоратах партий

В электорате правящей партии «Гражданский договор» установка «Нагорный Карабах в составе РФ» составляет 47% и близка к общереспубликанскому уровню (50%), что является достаточно высоким уровнем.

Политическая активность. В контексте политического управления важное значение имеет тип политической культуры, в частности, распространенность куль-

туры политического участия. Нами был построен индекс политической культуры участия, в котором агрегированы различные элементы этой политической культуры, в том числе заинтересованность индивида во внутренней и внешней политике страны, чувство политической компетентности и чувство политической влиятельности. Индекс аппроксимирует степень политической культуры участия у индивида. Значение индекса 0 означает отсутствие политической культуры участия, а 1 – наибольшее присутствие (в рамках набора элементов, из которых составлен индекс). Оказалось, что индекс имеет нормальное распределение (Диаграмма 7).

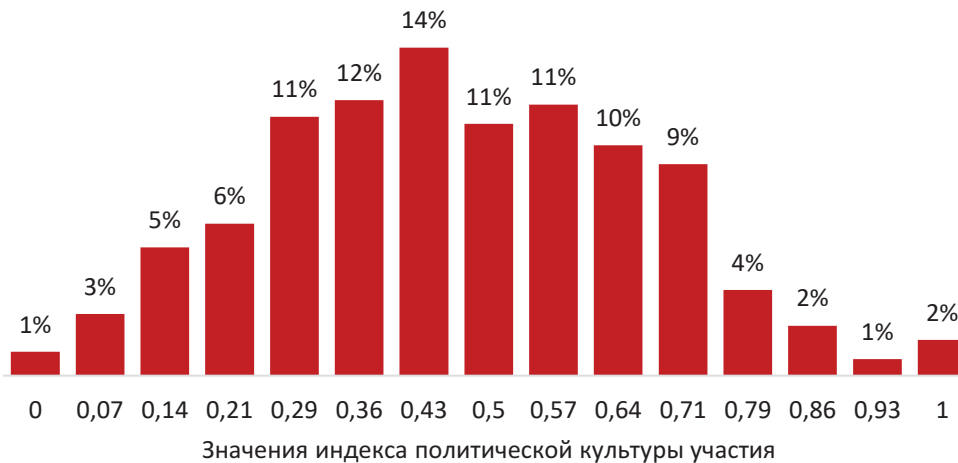

Диаграмма 7. Распределение индекса политической культуры участия в Армении.

Расчеты показали, что средние значения и стандартные отклонения распределения индекса в сегментах с различной установкой к статусу «Нагорный Карабах в составе РФ» практически не отличаются. Средние значения находились в диапазоне 0,47-0,49. Следовательно, эти сегменты имеют подобные паттерны политического участия, т.е. по этому показателю ни один из сегментов не имеет преимуществ.

Электоральное поведение. В контексте политического процесса важное значение имеет электоральное участие в сегментах с разными установками к статусу «Нагорный Карабах в составе РФ». Расчеты показали, что установки к статусу «Нагорный Карабах в составе РФ» в группах, принявших и не принявших участие в парламентских выборах 20 июня 2021 г., практически не отличаются. Следовательно, стратегии подстегивания или сдерживания электорального участия не дадут преимуществ никакой из сторон, поддерживающих или не поддерживающих установку «Нагорный Карабах в составе РФ».

Внешние ориентации. До 2013 г. Россию считало наилучшим стратегическим союзником Армении более 80% населения Армении. Однако, в последующие годы, вследствие антироссийской пропаганды западных стран, в том числе посредством армянских медиа, неправительственных организаций и молодежных общественных движений, а также формирования значительного слоя людей, деятельность которых финансировалась из западных фондов и организаций, пророссийские ориентации существенно снизились и, по данным «Кавказского барометра 2011-2021», упали до 34% (Диаграмма 8).

Место России начала замещать Франция. Если в 2013 г. ее считали наилучшим союзником Армении 7% населения, то в 2021 году этот показатель вырос до 37%, обогнав Россию. Постепенно росло также количество тех, кто считает, что у Армении «нет наилучшего союзника».

Следует отметить, что, если оценивать дружественность стран не в качестве «наиболее дружественной», т.е., когда от респондентов принимается только один ответ, а по отдельности, например по шкале «дружественная – нейтральная – враждеб-

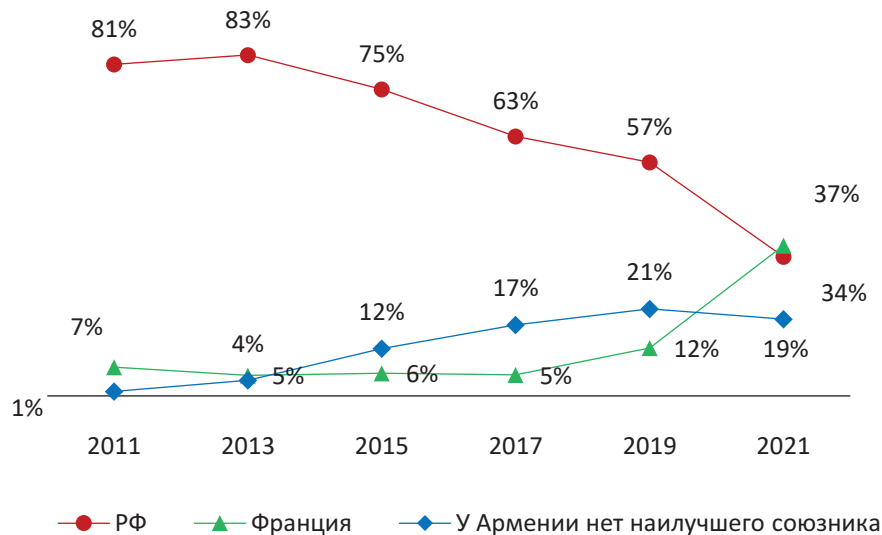

Диаграмма 8. «Какая страна – наилучший союзник Армении?», принимался только один ответ, 2011-2021 гг.

ная», то получают результаты отличающиеся от приведенных в статье. Например в исследовании (Атанесян А., Мкртчян А., 2021), Францию оценили дружественной страной 82% респондентов, а Россию – 47%.

Расчеты показали, что установка по отношению к статусу «Нагорный Карабах в составе РФ» сильно ассоциирована с внешнеполитической ориентацией людей. Среди тех, кто «наилучшим союзником Армении» считает Россию, приемлемость статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» составляет 68% (Диаграмма 9), а среди тех, кто «наилучшим союзником Армении» считает Францию – 41%.

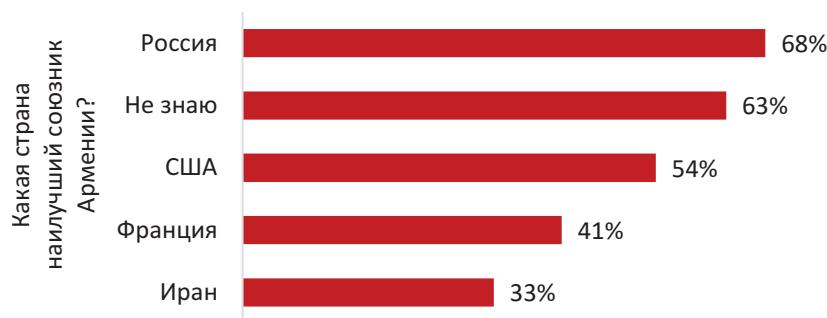

Диаграмма 9. Приемлемость статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» в сегментах с различными внешнеполитическими ориентациями

Наименьшая приемлемость этого статуса среди тех, кто «наилучшим союзником Армении» считает Иран – 33% (Диаграмма 8). Отметим, что в 2021 году Иран считали наилучшим союзником Армении 3,3%, а США – 2,6%.

Информационные предпочтения. В Армении наиболее мощным медиа, формирующим общественное мнение, остается телевидение. Телевидение является первым или вторым главным источником новостей для 70,4% совершеннолетнего населения, а социальные сети – для 52,6%. Поэтому следует оценить связь между доверием к различным телеканалам с установкой «Нагорный Карабах в составе РФ».

На Диаграмме 10 представлены уровни доверия к телеканалам в Армении. Первые три места по уровню доверия населения (следовательно, и по популярности) на протяжении более 20-и лет занимают три канала: «Армения ТВ», «Шант» и «1-ый общественный канал», которые иногда меняются местами.

Диаграмма 10. «Какому телеканалу больше всех Вы доверяете для получения политическим новостей?»

Объем сегментов аудиторий каналов, для которых приемлем статус «Нагорный Карабах в составе РФ» приведен на Диаграмме 11.

Диаграмма 11. Приемлемость статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» в аудиториях телеканалов

Приемлемость статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» очень высока в аудиториях 2-го канала (95%), Армнюз (76%) и Кентрон (73%), которые считаются оппозиционными и имеют маленькие аудитории. Однако, «2-ой канал» лишен эфира с января 2021, хотя имеет интернет-вещание, а телеканал «Армнюз» прекратил вещание с февраля 2022. Показатель значительно выше республиканского значения (50%) у аудитории «Армения ТВ» (60%) и Еркир Медиа (58%). Среди аудитории телеканала «Шант ТВ», который считается лояльным нынешней власти, значение показателя – 49%.

Выводы

Гипотетический статус «Нагорного Карабаха в составе РФ», апробированный в проанализированном социологическом исследовании, показал приемлемость для половины населения Армении. Следует предположить, что эта установка в армянском обществе появилась гораздо раньше, но не проявлялась, так как до карабахской войны 2020 года оставалась вне актуальной политической повестки дня, а также вне поля зрения социологических исследований.

Эта установка относительно больше распространена среди слоев населения с относительно низким социальным статусом. Однако ее распространенность в других социальных слоях также довольно высока и составляет 40% и выше.

В Армении дискурс по поводу статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» имеет конфликтный потенциал и является одним из показателей политической поляризации послевоенного армянского общества. Направление развития этого дискурса будет зависеть от информационных ресурсов и информационных стратегий соперничающих сторон, а также, возможно, внешних сил. Стратегия вовлечения государственных структур в этот дискурс еще больше накалит ситуацию.

Аналитические данные показывают, что для имеющих различные установки по отношению к статусу «Нагорный Карабах в составе РФ» политических групп, исходные возможности информационной и политической борьбы с точки зрения политического и электорального участия, приблизительно одинаковые. Однако снижение в обществе уровня лояльности к политическому курсу страны повысит распространенность установки «Нагорный Карабах в составе РФ».

Среди электората правящей партии «Гражданский договор» уровень приемлемости установки «Нагорный Карабах в составе РФ» довольно высок и составляет 47%. В январе 2022 г. рейтинг партии значительно превышал рейтинги оппозиционного блока «Армения» и партии «Процветающая Армения». Однако, официальная позиция партии по этому вопросу может существенно повлиять на текучесть ее электората. С точки зрения влияния на будущие парламентские выборы важное значение имеет то, как изменится отношение к статусу «Нагорный Карабах в составе РФ» в большом сегменте общества, который не имеет партийных предпочтений (42%), а также в сегментах не определившихся (5,6%) или скрывающих (6,0%) свои партийные предпочтения.

Динамика приемлемости статуса «Нагорный Карабах в составе РФ» во многом зависит от динамики внешнеполитических ориентаций в обществе, в первую очередь, от соотношения ориентаций к РФ и Франции, а также укоренения в обществе понимания, что Армения не в состоянии защищать НКР без помощи регионального актора, который способен и готов воевать. Причем, ориентация должна быть однозначной и адекватной.

Продолжение агрессивного и провокационного поведения Азербайджана в отношении к Армении, скорее всего, будет способствовать росту уровня приемлемости статуса «Нагорный Карабах в составе РФ».

Так как западные страны уже однозначно заявили, что видят Нагорный Карабах в составе Азербайджана, а исследовательские данные показывают неприемлемость такого статуса Нагорного Карабаха для подавляющего большинства населения Армении и Арцаха, ввод в политический и общественный дискурс дилеммы «Нагорный Карабах в составе Азербайджана или РФ» будет содействовать росту ее приемлемости.

Литература

- Атанесян, А., Мкртчян, А. (2021). Армянское общество на перекрестке. Внешнеполитические ориентации, приоритеты и восприятия. Ереван: Фонд Конрада Аденауера Армянское отделение, 96.
- Нерсисян, Л. (2017). ВПК Армении делает качественный скачок: РЭБ, лазерное оружие и БПЛА. Информационный портал Regnum.ru. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2314334.html>
- Азербайджан впервые раскрыл потери в войне в Карабахе (2020) Информационный портал BBC news Русская служба, Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-55149056>
- Армения назвала точное число погибших в войне за Карабах (2022). Информационный портал Lenta.ru. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2022/03/21/armenian_casualties/
- Заявление Национального Собрания Республики Арцах (2022). Сайт Национального Собрания Республики Арцах [nankr.am/gu/4955](http://www.nankr.am/gu/4955) Режим доступа: <http://www.nankr.am/gu/4955>
- Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации (2020), Портал Президент России <http://kremlin.ru/>. Режим доступа <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>

Международное сообщество обеспечит консолидацию вокруг Армении и Нагорного Карабаха, если Ереван снизит планку в вопросе статуса – премьер (2022). Портал Радио Азатутюн <https://rus.azatutyun.am/> Режим доступа: <https://rus.azatutyun.am/a/31801576.html>

Посол России Сергей Копыркин: Вопрос статуса Нагорного Карабаха – это тот вопрос, который следовало бы оставить следующим поколениям (2022). Информационный портал panorama.am/ru/. Режим доступа: <https://www.panorama.am/ru/news/2022/11/01/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%BB-%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9-%D0%9A%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD/2750319>

Референдум о независимости Нагорно-Карабахской Республики. Портал Министерства иностранных дел Республика Арцах <http://www.nkr.am/ru>. Режим доступа: <http://www.nkr.am/ru/independence-referendum-in-karabakh>

Что осталось от НКР – новая карта (2020). Информационный портал Sputnik Армения. Режим доступа <https://ru.armeniasputnik.am/20201121/Chto-ostalos-ot-NKR---novaya-karta-25433350.html>.

CRRC Downloads (2022). Режим доступа: <https://caucasusbarometer.org/en/downloads/>

References

Atanesyan, A., Mkrtichyan, A. (2021). Armenian society at the crossroads. Foreign policy orientations, priorities, and perceptions. Yerevan: Konrad Adenauer Foundation Armenian Branch, 96.

Nersisyan L. (2017). Armenian military-industrial complex makes a qualitative leap: electronic warfare, laser weapons and UAVs. Information portal Regnum.ru. Available at: <https://regnum.ru/news/2314334.html>

Armenia named the exact number of those killed in the war for Karabakh (2022). Information portal Lenta.ru. Available at: https://lenta.ru/news/2022/03/21/armenian_casualties/

Azerbaijan reveals losses in Karabakh war for the first time (2020) BBC news. Available at: <https://www.bbc.com/russian/news-55149056>

CRRC Downloads. Available at: <https://caucasusbarometer.org/en/downloads/>

Referendum on the independence of the Upper Karabakh Republic. Portal of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Artsakh: <http://www.nkr.am/ru>. Available at: <http://www.nkr.am/ru/independence-referendum-in-karabakh>

Russian Ambassador Sergei Kopirkin: The issue of the status of Upper Karabakh is one that should be left to future generations (2022). Information portal: panorama.am/ru/ Available at: <https://www.panorama.am/ru/news/2022/11/01/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%BB-%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9-%D0%9A%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD/2750319>

Statement by the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the Russian Federation (2020), Portal President of Russia <http://kremlin.ru/>. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>

Statement of the National Assembly of the Republic of Artsakh (2022). Website of the National Assembly of the Republic of Artsakh <http://www.nkr.am/ru> Available at: <http://www.nankr.am/ru/4955>

The international community will ensure consolidation around Armenia and Upper Karabakh if Yerevan lowers the bar on the issue of status – premier (2022). Radio Azatutyun Portal <https://rus.azatutyun.am/> Available at: <https://rus.azatutyun.am/a/31801576.html>

What's left of the Upper Karabakh Republic – the new map (2020). Information portal Sputnik Armenia. Available at: <https://ru.armeniasputnik.am/20201121/Chto-ostalos-ot-NKR---novaya-karta-25433350.html>.

Дата получения рукописи: 8.11.2022

Дата окончания рецензирования: 20.11.2022

Дата принятия к публикации: 24.11.2022

Информация об авторе

Манукян Самвел Аршалуйсович – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры прикладной социологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Республика Армения, e-mail: samvelmanukyana@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Manukyan Samvel Arshaluisovich – Candidate of Sociological Sciences, Lecturer, Department of Applied Sociology, Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia, e-mail: samvelmanukyana@gmail.com

The author has no conflict of interests to declare

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Научная статья

УДК 316.33

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.12

EDN GOXGLU

**Социальные ресурсы: понятие и детерминация
в современной отечественной социологии****Нина О. Соколова¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В статье рассматриваются содержание и исследовательское поле понятия «социальные ресурсы». Актуальность исследования обусловлена потребностью общества в прогрессивном развитии, предполагающем аккумуляцию имеющихся социальных ресурсов. Цель работы заключается в определении исследовательского поля для понятия «социальные ресурсы», что позволит определить семантическую основу современного исследовательского интереса отечественной социологической науки по данной проблеме.

Методы. Методологической основой исследования является количественный метод анализа документов (контент-анализ) и сравнительный подход. Эмпирической основой исследования послужили данные, полученные на сайте РИНЦ. В качестве смысловой единицы анализа определено понятие «социальные ресурсы». За единицу счета принята научная публикация. Анализ базировался на эффекте сопряжения понятия «социальные ресурсы» с другими, используемыми вместе понятиями в качестве ключевых слов в научных публикациях РИНЦ. Анализ показал, что существенное влияние на развитие социальных ресурсов имеют такие социальные феномены, как: социальный капитал; человеческий капитал; социальные сети; молодежь; регион; управление; политические нововведения; гражданское общество; доверие; личные ресурсы; образование; семья; социальная адаптация; социальный потенциал; экономические ресурсы; адаптация; качество жизни; ресурсный потенциал; сельские территории. При этом смысловое поле понятия «социальный капитал» имплицитно определяет смысловое поле понятия «социальные ресурсы». Полученные результаты согласуются с мнением таких ученых, как Яковлева Н.И., Дроздова Ю.А., Дятлов А.В., Зотов В.В., Преликова Е.А., Ядова М.А., Ядов В.А., Бояринова И.В., Начкебия М.С., Тихонова Н.Е., Ильдарханова Ч.И.

Результаты и их обсуждение. Резюмируя, можно говорить о том, что социальные ресурсы тесно связаны с социальным капиталом и территориальной спецификой. Это многокомпонентное понятие, имеющее социальные и экономические составляющие (с доминанцией в социологической области), включающее совокупность всей ресурсной базы социальных акторов, входящих в конкретную территориальную общность.

Ключевые слова: социальные ресурсы; социальный капитал; РИНЦ; контент-анализ; ключевые слова; территориальные общности.

Для цитирования: Соколова Н.О. (2022). Социальные ресурсы: понятие и детерминация в современной отечественной социологии. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 144–151. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.12>

Social resources: concept and determination in modern domestic sociology**Nina O. Sokolova¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru**Abstract**

Introduction. The article discusses the content and research field of the concept of “social resources”. The relevance of the study is due to the society’s need for progressive development, which involves the accumulation of available social resources. The purpose of the work is to determine the research field for the concept of “social resources”, which will determine the semantic basis of the modern research interest of domestic sociological science.

Methods. The methodological basis of the study is a quantitative method of document analysis (content analysis) and a comparative approach. The empirical basis of the study was the data obtained on the RSCI website. The concept of “social resources” is defined as a semantic unit of analysis. The unit of account is a scientific publication. The

analysis was based on the effect of conjugation of the concept of “social resources” with other concepts used together as key words in scientific publications of the RSCI. The analysis showed that such social phenomena as social capital has a significant impact on the development of social resources; human capital; social networks; youth; region; control; political innovations; civil society; confidence; personal resources; education; a family; social adaptation; social potential; economic resources; adaptation; the quality of life; resource potential; rural areas. At the same time, the semantic field of the concept of “social capital” implies the semantic field of the concept of “social resources”. The obtained results are consistent with the opinion of such scientists as Yakovleva N.I., P. Bourdieu, Drozdova Yu.A., Dyatlov A.V., Zotov V.V., Prelikova E.A., Yadova M.A., Yadov V.A., Boyarinova I.V., Nachkebia M.S., Tikhonova N.E., Ildarkhanova Ch.I.

Results and its discussion. It is summarized that social resources are closely related to social capital and territorial specificity. This is a multicomponent concept that has social and economic components (with dominance in the sociological field), including the totality of the entire resource base of social actors that are part of a specific territorial community.

Keywords: social resources; social capital; RSCI; content analysis; keywords; territorial communities

For citation: Sokolova N.O. (2022). Social resources: concept and determination in modern domestic sociology *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 144–151. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.12>

Введение

Залогом актуальности исследования является его востребованность. Социальный заказ на поднимаемую проблему обусловлен самой сутью изучаемого явления, так как социальные ресурсы есть часть характеристики социума. Уровень их развития и рациональность использования предопределяют темпы прогресса человеческой цивилизации. В связи с этим востребованность в точной оценке социальных ресурсов для выстраивания последующего процесса оптимизации их использования актуализирует тему данного исследования.

Любое исследование начинается с определения базовых понятий, выстраивания терминологической системы, определения логико-понятийной основы, на которых выстраиваются современные исследования по изучаемой проблематике. Исследовательский интерес данной работы локализуется в рамках детерминации в отечественной науке такого понятия, как «социальные ресурсы». Содержание рассматриваемого понятия указывает на его принадлежность к области социологических исследований. Однако современные тенденции в формировании исследовательского поля дают возможность выдвинуть гипотезу о некоторой нестабильности и неоднозначности его детерминации. Тесная связь с социальным началом обуславливает «проецирование» социальной нестабильности, социально-экономических изменений и происходящих в российском обществе процессов на денотат понятия «социальные ресурсы». Фиксация исследовательского интереса на социальной сути объекта исследования указывает на необходимость принять за основу следующую позицию: детерминация понятия «социальные ресурсы» является отражением происходящих в социуме процессов, которые попадают в поле зрения ученых-социологов.

Цель работы заключается в определении исследовательского поля для понятия «социальные ресурсы», что позволит определить семантическую основу современного исследовательского интереса отечественной социологической науки по данной проблеме.

Новизна данного исследования связана с попыткой определить семантическое ядро понятия «социальные ресурсы» на основе количественной оценки содержания публикаций российских учёных, позволяющей выявить вектор развития современного научного интереса по изучаемой проблеме.

Методы

Для проверки выдвинутого предположения использовался количественный метод анализа документов (контент-анализ), сравнительный подход. В основу ана-

лиза были положены данные, взятые на сайте научной электронной библиотеки (eLibrary.ru). Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) позиционируется как «библиографическая база данных научных публикаций российских учёных», аккумулирующая труды, отражающая передовые достижения отечественной науки, и выстраивающая имидж «авторитетного источника библиографической информации». Используя заложенные в этой электронной базе аналитические инструменты проведем оценку семантического поля исследуемого понятия, используя элементы метода контент-анализа. Следуя технологии применения данного метода в качестве смысловой единицы анализа, выделено понятие «социальные ресурсы». Единицей счета (количественной характеристикой единицы анализа) будем считать научную публикацию. Для исследования использовались публикации, размещенные в e-library, где понятие «социальные ресурсы» присутствует в качестве ключевого слова.

Результаты исследования и их обсуждение

Используя описанные методологические основания, исследуем библиографическую базу научных публикаций на предмет разработанности понятийного пространства ресурсного подхода. Анализ публикационной статистики РИНЦ, найденной по ключевому слову «социальные ресурсы», показал 218 научных публикаций, написанных с 2000 года по 2022 годы.

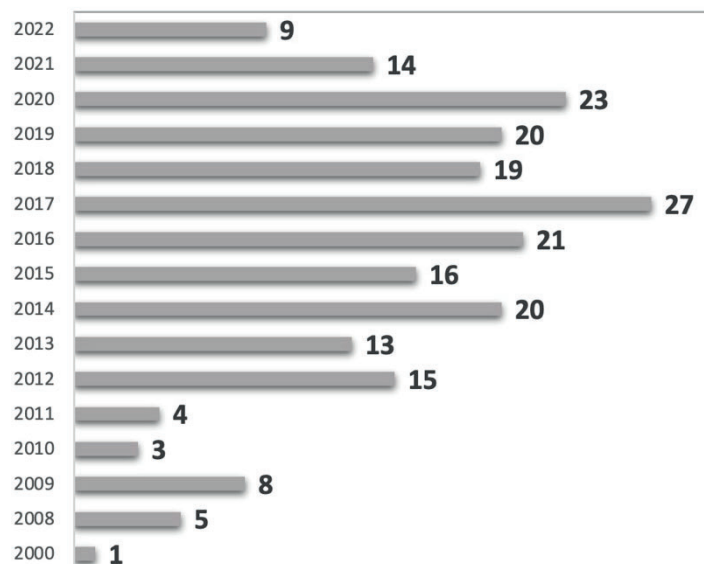

Рисунок 1. Динамика публикационной активности работ с ключевым словом «социальные ресурсы»

Данные показывают достаточно высокую публикационную активность отечественных исследователей по данной тематике. Таким образом, актуальность заявленной темы обусловлена неугасающим исследовательским интересом ученых к проблеме развития социальных ресурсов.

Помимо этого, было определено, что зафиксированные в РИНЦ публикации, охватывают достаточно широкий спектр научных областей:

- социология – 105 публикаций;
- экономические науки – 59 публикаций;
- психология – 16 публикаций;
- педагогика – 14 публикаций;
- юридические науки – 8 публикаций;
- политические науки – 8 публикаций;

- здравоохранение – 3 публикации;
- философия – 3 публикации;
- исторические науки – 2 публикации;
- география – 1 публикация;
- организация и управление – 1 публикация;
- физическая культура и спорт – 1 публикация;
- машиностроение – 1 публикация.

Данные подтверждают предположение о междисциплинарном значении понятия «социальные ресурсы». Очевидно, что локализация основного исследовательского интереса отечественных ученых лежит в области социологического знания. Тем не менее, нельзя не заметить тот вклад, который вносит экономическая наука в понимание роли и значения социальных ресурсов для развития российского общества.

Дальнейшую логику анализа будем строить базируясь на эффекте сопряжения понятия «социальные ресурсы» с другими часто используемыми вместе терминами в качестве ключевых слов в научных публикациях РИНЦ. Частота определялась как количество использований понятия в качестве ключевого слова, а единицей счета будем считать научную публикацию. В получившемся множестве отсечем те понятия, частота которых оказалась менее 3 (определим подобную сопряженность как неустойчивую, несформированную, нестабильную, поэтому получающую статус акцидентальной). Оставшиеся понятия проранжируем по частоте упоминаний (исключив англоязычные версии ключевых слов). В результате сформирован следующий массив из ключевых слов (зафиксированные в 3-х и более публикациях): социальный капитал (28); человеческий капитал (13); социальные сети (11); молодежь (10); регион (9); управление (9); политические нововведения (7); гражданское общество (6); доверие (6); личные ресурсы (6); образование (6); семья (6); социальная адаптация (6); социальный потенциал (6); экономические ресурсы (6); адаптация (5); качество жизни (5); ресурсный потенциал (5); сельские территории (5); конкурентоспособность (4); социализация (4); социальное пространство (4); территориальные общности (4); устойчивое развитие (4); ценности (4); цифровая экономика (4); человеческий потенциал (4); городское сообщество (3); дети (3); предпринимательство (3); ресурсный подход (3); риск (3); самоорганизация (3); социальное неравенство (3); социальное управление (3); социальные риски (3); социальный механизм (3); социологические исследования (3); студенты (3); субъекты (3); территория (3); экономическая безопасность (3); экономический рост (3).

Очевидным лидером, формирующим основу семантического ядра понятия «социальные ресурсы», является социальный капитал. Более детальный количественный анализ показал, что смысловое поле понятия «социальный капитал» имплицитно включает смысловое поле понятия «социальные ресурсы». В частности на портале РИНЦ было выявлено 3002 научные работы, имеющие в качестве ключевого слова «социальный капитал», опубликованные в период с 2000 по 2022 годы (при этом в 2022 году фиксируется 145 публикаций). Рейтинг, выстроенный по частоте использований понятия в качестве ключевого слова, включает 906 ключевых слов (самые значимые: «человеческий капитал» (502); «доверие» (434); «социальные сети» (191); «гражданское общество» (121); «интеллектуальный капитал» (116)). Понятие «социальные ресурсы» занимает в этом рейтинге всего лишь 43–44 место (деля их с понятием «социальное партнерство (28)»). Полученные данные полностью соответствуют теоретическим наработкам отечественных и зарубежных исследователей. Социальные ресурсы связывают с социальным капиталом такие ученые, как Яковлева Н.И. (2019), П.Бурдые (2005), Дроздова Ю.А. (2019), Дятлов А.В. (2008), Зотов В.В., Преликова Е.А.

(2019); Ядова М.А. (2019); Ядов В.А. (2001); Бояринова И.В., Начкебия М.С. (2018); Тихонова Н.Е. (2004, 2006); Ильдарханова Ч.И. (2014). В частности, Бурдые П. в работе «Формы капитала» указывает, что «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группах» (Бурдые, 2005). В. Ядов приводит в качестве синонимичных понятия «социальный ресурс» субъекта с «символическим капиталом» П.Бурдые, связывая его с понятием «социальный капитал» (Ядов, 2001, с. 312). Можно выделить целую группу авторов, которые полностью отождествляют понятия «социальный капитал» и «социальные ресурсы» (Зотов, Преликова, 2019; Дроздова, 2020; Четверикова, 2022; Абдусаламова, 2021). Так, например, Зотов В.В., Преликова Е.А. считают, что «социальный капитал можно представить в качестве ресурса сообщества, формирующегося благодаря наличию социальной сети и облегчающего достижение общих целей» (Зотов, Преликова, 2019, с.97). Дроздова Ю.А. указывает, что «основным социальным ресурсом является социальный капитал, который в условиях социальной турбулентности ... влияет на сохранение территориальных общностей» (2020, с.45).

С другой стороны, выделяются работы, в которых авторы имеют противоположное мнение (Бояринова, Начкебия, 2018; Тихонова, 2004). Например, Н. Тихонова прямо указывает на периодически происходящую подмену понятий «капиталы» и «ресурсы» (2004, 2006).

Указывают на связь понятий «социальные ресурсы» и «человеческий капитал» в своих работах Вотинов А.В. (2012) и Куклина Н.Б. (2017). Немаловажное значение для смыслового наполнения сути социальных ресурсов имеет понятие «социальные сети» (Бояринова, Начкебия, 2018; Четверикова, 2022; Реутов Е., Колпина, Реутова М., 2011, 2012; Заякина, 2021; Снежко, 2010).

Исходя из данных анализа можно заключить, что важное влияние на специфику формирования социальных ресурсов имеет территориальный фактор (который отражается в следующем наборе ключевых слов: регион (9); сельские территории (5); территориальные общности (4); городское сообщество (3); территория (3)). Территориальную специфику развития социальных ресурсов исследуют в своих работах Дроздова Ю.А. (2019; 2020, 2022), Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Бурмакина А.Л., Брандт Я.А. (2020), Зудочкина Т.А. (2019), Климова С.Г., Щербакова И.В. (2015), Гужавина Т.А. (2017), Великий П.П. (2019). Ю.А. Дроздова указывает на то, что «будущее региона определяется социальными ресурсами, имеющими пространственно-временной характер и включающими количественный и качественный состав населения» (2019). По ее мнению, социальные ресурсы территориальных общностей определяют как жизнедеятельность населения, так и конкурентоспособность самой территории, «инвестиционную привлекательность региона, качественный и количественный состав миграционных потоков» (2019), а также «влияют на сохранение территориальных общностей» (2020). Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Бурмакина А.Л., Брандт Я.А. (2020) в своей работе делают акцент на актуализацию «проблемы ресурсного оснащения ... в случае освоения в регионах инновационных, технологических, политических и экономических проектов». Это дает возможность сделать вывод о том, что развитые социальные ресурсы территориальной общности позволяют наиболее эффективно использовать привлекаемые в регион инвестиции, т.е. делают территорию более привлекательной для инвестирования. Обратная ситуация, когда сокращение перспектив реализации человеческого потенциала и самоорганизации населения приводит к ухудшению перспектив территорий, что «снижает возможности использования имеющихся ресурсов для улучшения экономического по-

ложения населения» рассматривается в работах, раскрывающих проблемы сельских общностей (Гужавина, 2017) и депрессивных территорий (Зудочкина, 2019). Таким образом, исследование социальных ресурсов территориальных общностей развивается, преимущественно, в ключе эффективного управления и социально-экономического развития территорий. Это делает целесообразным включить в исследовательское поле понятия «социальные ресурсы» экономическую составляющую, подтверждая междисциплинарный характер поднимаемой проблемы.

Заключение

Применение контент-анализа для обоснования исследовательского поля понятия «социальные ресурсы» показало достаточно широкую интерпретацию и понимание роли и значения социальных ресурсов для развития социального капитала и территориальных общностей. Учитывая социально-экономическую нестабильность и мобильность научной мысли, можно заключить, что многокомпонентность понятия также претерпевает определенные изменения, в то время как его семантическое ядро остается относительно стабильным. Понятие «социальные ресурсы» разрабатывается, в основном, в областях социологического и, частично, экономического знания. Существенное влияние на развитие социальных ресурсов имеют такие социальные феномены, как: социальный капитал; человеческий капитал; социальные сети; молодежь; регион; управление; политические нововведения; гражданское общество; доверие; личностные ресурсы; образование; семья; социальная адаптация; социальный потенциал; экономические ресурсы; адаптация; качество жизни; ресурсный потенциал; сельские территории. Таким образом, это многокомпонентное понятие, имеющее социальные и экономические составляющие (с доминацией в социологической области), включающее совокупность всей ресурсной базы социальных акторов, входящих в конкретную территориальную общность.

Литература

- Абдусаламова, М.Ш. (2021). Молодежная политика как фундаментальная основа социального капитала. *Модернизационные процессы в современной России: материалы V Международной научно-практической конференции*. Пенза: Издательство: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 44-47.
- Бояринова, И.В., Начкебия, М.С. (2018). Социальный капитал как методологическая основа эффективности социальных сетей в региональном сообществе. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 4, 29-31.
- Бурдые, П. (2005, Май). Формы капитала. *Экономическая социология*, 6(3). 60-74.
- Великий, П.П. (2019). Социальный механизм: от теории к практикам разработки и реализации. *Региональные агросистемы: экономика и социология*, 3, 178-182.
- Вотинов, А.В. (2012). Социальные ресурсы экономического развития региона. *Социология власти*, 2, 175-182.
- Гужавина, Т.А. (2017). Социальный капитал как ресурсный потенциал сельских территорий. *4 Всероссийские Беловские чтения, 23-25 октября 2017 г.: материалы конференции*. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 398-402.
- Дроздова, Ю.А. (2019). Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей. *Вестник Института социологии*, 10(10), 82-103. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557
- Дроздова, Ю.А. (2020). Миграция как социальный ресурс территориальных общностей. *Primo Aspectu*, 1(41), 56-64. DOI: 10.35211/2500-2635-2020-1-41-56-64
- Дроздова, Ю.А. (2020). Территориальные общности в условиях социальной турбулентности. *Парадигмы управления, экономики и права*, 1, 45-55.
- Дроздова, Ю.А. (2022). Методология исследования социальных ресурсов территориальных общностей. *Возможности применения результатов эмпирических исследований для изучения актуальных проблем современности. 28 апреля 2022 года: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 73-81.

- Дятлов, А.В. (2008). Социальные ресурсы в контексте «динамического поля». *Теория и практика общественного развития*, 1, 9-21.
- Заякина, Р.А. (2021). Двойное значение доверия в теории социального капитала. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 11(5), 251-260. DOI: 10.21869/2223-1552-2021-11-5-251-260
- Зотов, В.В., Преликова, Е.А. (2019). Капитализация как процесс обобществления социальных ресурсов индивида. *Коммуникология*, 7(4), 97-106. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-4-97-106
- Зудочкина, Т.А. (2019). Современные тенденции формирования социальных ресурсов депрессивных территорий Саратовской области. *Закономерности развития региональных агропродовольственных систем*, 1, 42-46.
- Ильдарханова, Ч.И. (2014). Переоткрытие социальной реальности города и села. *Вестник МГИМО Университета*, 6(39), 228-235.
- Климова, С.Г., Щербакова, И.В. (2015). Опыт изучения территориального контекста гражданского участия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(127), 12-27. DOI: 10.14515/monitoring.2015.3.02
- Кранзеева, Е.А., Головацкий, Е.В., Бурмакина, А.Л., Брандт, Я.А. (2020). Национальные проекты в регионе: ресурсы местных сообществ Кузбасса. *Управление устойчивым развитием*, 5(30), 57-68.
- Куклина, Н.Б. (2017). Социальное мышление как человеческий капитал. *Идеи и идеалы*, 2 (32), 90-98. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-90-98
- Реутов, Е.В., Колпина, Л.В., Реутова, М.Н. (2011). Сети взаимопомощи в региональном сообществе. *Регион: Экономика и Социология*. 2, 137-157.
- Реутов, Е.В., Колпина, Л.В., Реутова, М.Н. (2012). Социальные сети и повседневные практики населения Белгородской области. *Социологические исследования*. 10 (342), 34-41.
- Снежко, С.В. (2010). Неформальные отношения как социальный ресурс организации. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, 1, 17-26.
- Тихонова, Н.Е. (2004). Социальный капитал как фактор неравенства. *Общественные науки и современность*, 4, 24-25.
- Тихонова, Н.Е. (2006). Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях. *Социологические исследования*, 9(269), 28 -40.
- Четверикова, Н.А. (2022). Социальный капитал молодежи как ресурс развития региона. *Вестник Самарского муниципального института управления*, 1, 89-96.
- Ядов, В.А. (2001). Социальный ресурс индивида и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе. В Т.И. Заславской (ред.) *Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса*. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 310-319.
- Ядова, М.А. (2019). К вопросу о модернизационном капитале. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, 4, 88-91. DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.05
- Яковлева, Н.И. (2019). Социальные ресурсы и препятствия в достижении жизненного успеха. *Вестник Государственного социально-гуманитарного университета*, 2 (34), 89-95.

References

- Abdusalamova, M.Sh. (2021). *Youth policy as a fundamental basis of social capital*. Modernization processes in modern Russia: materials of the V International scientific and practical conference. Penza: Publisher: Autonomous non-profit scientific and educational organization "Privolzhsky House of Knowledge", 44-47.
- Boyarinova, I.V., Nachkebia, M.S. (2018). Social capital as a methodological basis for the effectiveness of social networks in the regional community. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 4, 29-31.
- Bourdieu, P. (2005, May). Forms of capital. *Economic Sociology*, 6(3). 60-74.
- Velikiy P.P. (2019). Social mechanism: from theory to practice of development and implementation. *Regional Agricultural Systems: Economics and Sociology*, 3, 178-182.
- Votinov, A.V. (2012). Social resources of economic development of the region. *Sociology of Power*, 2, 175-182.
- Guzhavina, T.A. (2017). Social capital as a resource potential of rural areas. 4 All-Russian Belovo Readings, October 23-25, 2017: conference materials. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 398-402.
- Drozdova, Yu.A. (2019). Resource approach in the study of territorial communities. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10(10), 82-103. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557
- Drozdova, Yu.A. (2020). Migration as a social resource of territorial communities. *Primo Aspectu*, 1(41), 56-64. DOI: 10.35211/2500-2635-2020-1-41-56-64
- Drozdova, Yu.A. (2020). Territorial communities in conditions of social turbulence. *Paradigms of Management, Economics and Law*, 1, 45-55.

- Drozdova, Yu.A. (2022). Methodology for the study of social resources of territorial communities. Possibilities of applying the results of empirical research to the study of topical problems of our time. April 28, 2022: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Eagle: Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPa, 73-81.
- Dyatlov, A.V. (2008). Social resources in the context of the “dynamic field”. *Theory and practice of social development*, 1, 9-21.
- Zayakina, R.A. (2021). The double meaning of trust in the theory of social capital. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economy. Sociology. Management*, 11(5), 251-260. DOI: 10.21869/2223-1552-2021-11-5-251-260
- Zotov, V.V., Prelikova, E.A. (2019). Capitalization as a process of socialization of the individual's social resources. *Communicology*, 7(4), 97-106. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-4-97-106
- Zudochkina, T.A. (2019). Modern trends in the formation of social resources of depressed territories of the Saratov region. *Patterns of Development of Regional Agro-Food Systems*, 1, 42-46.
- Ildarkhanova, Ch.I. (2014). Rediscovery of the social reality of the city and the countryside. *Bulletin of MGIMO University*, 6(39), 228-235.
- Klimova, S.G., Shcherbakova, I.V. (2015). Experience in studying the territorial context of civil participation. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(127), 12-27. DOI: 10.14515/monitoring.2015.3.02
- Kranzeeva, E.A., Golovatsky, E.V., Burmakina, A.L., Brandt, Ya.A. (2020). National projects in the region: resources of local communities of Kuzbass. *Sustainability Management*, 5(30), 57-68.
- Kuklina, N.B. (2017). Social thinking as human capital. *Ideas and Ideals*, 2(32), 90-98. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-90-98
- Reutov, E.V., Kolpina, L.V., Reutova, M.N. (2011). Mutual aid networks in the regional community. *Region: Economics and Sociology*. 2, 137-157.
- Reutov, E.V., Kolpina, L.V., Reutova, M.N. (2012). Social networks and everyday practices of the population of the Belgorod region. *Sociological research*. 10 (342), 34-41.
- Snezhko, S.V. (2010). Informal relations as a social resource of the organization. *Bulletin of Moscow University. Series 21: Governance (state and society)*, 1, 17-26.
- Tikhonova, N.E. (2004). Social capital as a factor of inequality. *Social Sciences and Modernity*, 4, 24-25.
- Tikhonova, N.E. (2006). Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies. *Sociological Research*, 9(269), 28-40.
- Chetverikova, N.A. (2022). Social capital of youth as a resource for the development of the region. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 1, 89-96.
- Yadov, V.A. (2001). The social resource of an individual and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society. In T.I. Zaslavskaya (ed.) Who seeks to lead Russia and where? Actors of macro-, meso- and microlevels of the modern transformational process. M.: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, 310-319.
- Yadova, M.A. (2019). On the issue of modernization capital. *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, 4, 88-91. DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.05
- Yakovleva, N.I. (2019). Social resources and barriers to success in life. *Bulletin of the State Social and Humanitarian University*, 2 (34), 89-95.

Дата получения рукописи: 07.10.2022

Дата окончания рецензирования: 20.10.2022

Дата принятия к публикации: 29.10.2022

Информация об авторе

Соколова Нина Оганесовна – аспирант Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Sokolova Nina Oganessovna – Postgraduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.4.057.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.13

EDN HBACWG

**Социальное влияние ислама: ретроспектива и современное состояние
(на примере Северного Кавказа)****Олег С. Черевков¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

Аннотация

Целью исследования является анализ социального влияния ислама как сложного социокультурного комплекса на Северном Кавказе.

Методологическую базу исследования составляют исторический и социологический подход в сочетании с такими методами, как критический анализ, сравнение.

Результат исследования. Автором выявлены конкретные примеры выражения социального влияния ислама на социальную структуру, традиции и обычаи населения Северного Кавказа на разных исторических этапах; обозначает разделение региона на западную и восточную часть по степени влияния ислама в указанном аспекте.

Перспективы исследования. Изучение социального воздействия ислама на Северном Кавказе является важным направлением исследований с точки зрения анализа и прогнозирования развития социально-политической, религиозной ситуации в регионе, гармонизации межкультурных отношений, поддержания гражданского мира.

Ключевые слова: социальное влияние, влияние ислама, Северный Кавказ, социальная структура, обычаи, традиции, ислам.

Для цитирования: Черевков, О.С. (2022) Социальное влияние ислама: ретроспектива и современное состояние (на примере Северного Кавказа). *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 152–162. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.13>

**Social influence of Islam: retrospective and current state
(on the example of the North Caucasus)****Oleg S. Cherevkov¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

Abstract

The purpose of the study is to analyze the social influence of Islam as a complex socio-cultural complex in the North Caucasus region.

The methodological basis of the study is the historical and the sociological approach combined with such methods as critical analysis, comparison.

Result of the study. The author identifies concrete examples of the expression of the social influence of Islam on the social structure, traditions, and customs of the population of the North Caucasus at different historical stages; designates the division of the region into western and eastern parts according to the degree of influence of Islam in this aspect.

Prospects of the study. The study of the social impact of Islam in the North Caucasus is an important area of research from the point of view of analyzing and predicting the development of the socio-political, religious situation in the region, the harmonization of intercultural relations, and the maintenance of civil peace.

Keywords: social influence, influence of Islam, North Caucasus, social structure, customs, traditions, Islam.

For citation: Cherevkov, O.S. (2022) Social influence of Islam: retrospective and current state (one the example of the North Caucasus). *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 152–162. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.13>

Введение

Религия как социальный институт представляет собой один из важнейших элементов социальной структуры, обеспечивающей устойчивость развития сообщества посредством социального влияния, т. е. воздействия на поведение индивида, его чувства, на межличностные и межгрупповые взаимодействия, а также на элементы социальной структуры. Существуют различные точки зрения на то, как религия оказывает влияние на социальные процессы: с одной стороны, она может способствовать совершенствованию духа, укреплению нравственности и развитию социальных структур, с другой стороны – к догматизации, консервации архаичных социальных институтов и форм взаимодействия. Проблема связи общества и религии имеет глубокие корни и до сегодняшнего дня не потеряла своей актуальности.

Ислам является второй по распространенности религией в мире. Она основана на божественном откровении, пророческой власти и ниспосланном священном тексте. Простота и четкая регламентированность, в том числе в вопросах о том, как должно правильно организовать общество, можно считать одной из причин, по которой ислам так быстро распространился далеко за пределы Аравийского полуострова. Особенностью ислама, в отличие от родственных ему иудаизма и христианства, является фактическое отсутствие разделения «светского» и «сакрального». Все мирское в исламе не просто подчинено религиозному, но является его продолжением, неотъемлемой частью.

Методология исследования

Изучение вопроса о социальном влиянии ислама строилось, главным образом, на анализе основных священных текстов. Коран¹ как главная священная книга мусульман, в силу своего содержания, является не только источником самой религии, но и ее социального воздействия (Abdullah, Ismai, Othman, Nasir, 2017). Коран, согласно исламским канонам, был передан через откровение пророку Мухаммеду Аллахом. Положения, зафиксированные в Коране, регулируют не только чисто религиозные вопросы: в сурах (главах) даются предписания о правильной социально-политической организации общества, о регулировании межличностных и межгрупповых взаимоотношений и т.д. Вторым по важности в плане формирования стратегии социального воздействия в исламе является Сунна, которая представляет собой совокупность высказываний пророка Мухаммеда (кауль), его поступков (фииль), молчаливых одобрений слов и дел его сподвижников (такрир). В них зафиксированы определенные нормы, правила и обычаи, при этом фигура пророка выступает в качестве ориентира того, как следует поступать в той или иной ситуации. С течением времени Сунна повлияла на формирование исламского комплекса предписаний – шариата.

Анализ социокультурной составляющей ислама говорит о том, что данная религия своей целью ставит духовное развитие верующих, установление и поддержание среди них справедливых взаимоотношений. В этой связи интересно отметить отношение ислама к вопросам смягчения взаимодействия между богатыми и бедными: с одной стороны, ислам признает право частной собственности священным; с другой стороны, ислам предписывает богатым выплату обязательного налога на имущество, который идет в пользу бедных (закят). Закят является одним из пяти столпов ислама, выплата этого налога является, своего рода, подтверждением легальности доходов плательщика. В то же время существует еще одна форма обязательной милостыни –

¹ Автор использовал перевод Священного Корана за авторством Крачковского И. Ю., размещенный на сайте: <https://falaq.ru/quran/krac/>

закят аль-фитр, или саа (по названию арабской меры сыпучих веществ). Закят аль-фитр выплачивается до наступления праздника Ид-аль-Фитр (Ураза-байрам) главой семьи за всех членов своей семьи, находящихся на его попечении. Право наследования распространяется на широкий круг родственников. Торговля разрешена и даже поощряется, а вот риба (ростовщичество или сделка, при которой одна из сторон получает прибыль, но не прикладывает для этого труда) считается одним из самых тяжких грехов и запрещена шариатом. Имеются и другие этические предписания, поощряющие установление социальной справедливости и общественное развитие. Важно в свете рассмотрения социального воздействия ислама упомянуть об умме – положении, согласно которому сообщество людей должно объединяться на основе принадлежности к вере, а члены сообщества должны отринуть этнические и иные отличия как индикаторы разделения. В принятом своем значении умма понимается именно как сообщество мусульман, хотя есть свидетельства, что изначально этот термин носил более универсальный характер. Каждый мусульманин, вне зависимости от места своего нахождения, принадлежит к мировому мусульманскому сообществу, с сохранением за них всех прав и обязанностей последователя данной религии (Герейханов, 2012).

Еще одним важным фактором, способствующим эффективному социальному влиянию ислама, является то, что религиозные каноны, нормы поведения, как правило, прививаются верующим с раннего возраста, т.е. человек не просто принимает его, но воспитывается в его русле, воспринимая такие этические нормы, как почитание родителей, уважительное отношение к старшим, особое отношение к женщине и т.п. Таким образом, сочетание необходимости следования этическим нормам и религиозным предписаниям обеспечивают устойчивость и распространенность ислама в мире (Дьяченко, 2015).

В рамках данной статьи автором поставлена цель раскрыть социальное влияние ислама через проявления в различных сферах жизни общества на Северном Кавказе.

Результаты

На территорию Северного Кавказа (конкретно – южный Дагестан) ислам пришел уже в VII в., вместе с первыми подвижниками пророка Мухамеда. В ходе экспансии Арабский халифат (632–945, 1124–1258 гг.) установил контроль над территориями современного Азербайджана, продвинувшись на севере до Дербента. Сопротивление местного населения, внешние политические обстоятельства, отдаленность этого региона от экономических и политических центров Арабского халифата привели к тому, что лишь к X в. Дербент становится крупным мусульманским центром. На данном этапе были исламизированы те народы, которые находились территориально близко к городу, в частности, лезгины, табасаранцы, рутульцы.

Установление власти Арабского халифата сопровождалось серьезными изменениями существовавшей социальной структуры. Если ранее основными владельцами земли выступали или общины, или государство/правящий род, то после исламизации, хотя и не сразу, постепенно складываются раннефеодальные отношения: появляются крупные поместья (дийа), владельцами которых стала новая региональная знать, прежде всего – арабские военачальники. (Халифаева, 2014). За несение военной службы арабские правители также предоставляли своим подданным права на часть территорий и доходов с них – икта. Распространение новой религии привело также к появлению особой формы собственности – вакфа т. е. имущества, переданного в качестве пожертвования на религиозные или благотворительные цели. Вакф

стал основой для существования мечетей, по нему священнослужители получали не только ценные предметы, но и земельные участки, инфраструктурные объекты, например караван-сарай, бани, мельницы и т.д. (Ибрагимова, 2012; Алиев, 2014).

Серьезные изменения произошли также в сфере налогообложения: помимо налогов для принявших ислам, соответственно, появились налоги для тех, кто сохранял прежние верования – подушная подать (джизья). От ее выплаты освобождался ряд категорий людей, например инвалиды, старики, женщины, рабы, монахи и христиане, воевавшие в мусульманской армии. Джизья служила не только средством пополнения казны, но и инструментом экономического принуждения к принятию ислама. (Васильев, 2015).

Распространение власти Арабского халифата сопровождалось массовым насаждением ислама среди населения, в основной своей массе исповедовавшего язычество, в небольшой степени – христианство и иудаизм. Постоянные военные кампании привели к формированию особого социального слоя – газии, свободных воинов, чьей специализацией было нападение на поселения неверных (Шихсаидов, 2010).

Нельзя недооценивать роль внешнего фактора на процессы экспансии ислама в регионе на данном этапе: Арабский халифат, а за ним – Государство сельджуков способствовали расширению зоны влияния религии и упрочнению ее позиций. Разумеется, нельзя забывать о том, что исламу были присущи такие черты, как жесткая регламентированность как духовной, так и социальной, экономической, политической жизни общества; понятность и простота обращения; а также лояльная по отношению к обращенным в ислам налоговая политика (Бережной, Добаев, Крайнюченко, 2011).

Между X и XV вв. начинается новый этап исламизации на Северном Кавказе, связанный с обретением самостоятельности местными правителями, в частности эмирами Дербента и шахами Ширвана, которые использовали ислам для упрочнения собственного влияния. (Bosworth, 1996). Исламизация расширяет свою географию, охватывает новые народы – агулов, лакцев, даргинцев, кумыков, аварцев и другие этнические группы.

В XI в. в регион через Дербент проникает суфизм – особое мистико-философское направление в исламе, которое придало дополнительный импульс распространению религии среди местного населения. (Ханбабаев, Якубов, 2008). Формируются устойчивые локальные духовные традиции, основанные на интеграции отдельных местных обычаев в религиозную мусульманскую практику. Развивается сфера религиозного образования: так, в XI в. появляются первые медресе, в частности, в Цахуре. В медресе осуществлялась подготовка мусульманских ученых и богословов, а также переводились на местные языки мусульманские книги, имелась своя обширная библиотека. (Абдуллаев, 2013).

В XIII–XIV вв. регион оказывается, включен в сферу влияния огромных мусульманских империй, в частности Государства хулагуидов и Империи Тамерлана. Происходит столкновение старой и новой традиции сразу по нескольким направлениям: ислам расширяет свое влияние, вытесняя язычество и христианство, мусульманское право – шариат, – пытается вытеснить обычное право горцев – адат. Это приводит к формированию своеобразия ислама на Северном Кавказе, которое заключается в синкретизме доисламского социокультурного субстрата и нормативного ислама (Бардаков А. И., Поломошнов А. Ф., Гурбанов Э.А.-О., 2012).

В XVI–XVIII в. на развитие ислама на Кавказе оказываются влияние одновременно Персидская и Османская империи, являвшиеся лидерами шиитского и суннитского исламского мира соответственно. География исламизации вновь расшире-

на: на востоке ислам более активно проникает на территории современных Чечни и Ингушетии, на западе через турецких и крымскотатарских проповедников религия распространяется среди адыгских племен, проживающих близко к черноморскому побережью. В отдельных районах Северного Кавказа ислам уже в это время становится важной компонентой самоидентификации населения, а исламские традиции вытесняют многие ранее бытовавшие обычаи, хотя и не до конца. В то же время районы распространения ислама характеризуются крайней политической раздробленностью. (Бережной, Добаев, Крайнюченко, 2011)

На территории Дагестана постепенно формируется слой т. н. «официального» мусульманского духовенства. Он характеризуется социально-экономической близостью к правящей верхушке, благодаря которому развивается исламская образовательная и религиозная инфраструктура. Образуются династии священнослужителей, формируются закрытые сообщества из представителей духовенства, которые распределяли между собой формально выборные должности, например кадиев (Магомедов, 2017). Священнослужители принимают активное участие не только в собственно религиозной жизни, но и осуществляют судебные и даже дипломатические функции.

В то же время в сельской местности Дагестана упрочняется влияние суфизма. (Юсупова, Алиева, 2012). Формируются т. н. суфийские ордена, где центральной фигурой является шейх – учитель/святой, вокруг которого собираются мюриды – ученики/послушники. Суфизм сыграл крайне важную роль в распространении социального влияния ислама по следующим причинам: во-первых, верующим импонировал аскетичный образ жизни суфиев, который резко контрастировал с образом жизни феодалов, родовых лидеров и близких к ним официальных священнослужителей; во-вторых, суфии выступали за четкое следование законам шариата, в отличие от представителей знати и «официального» духовенства, которые в зависимости от ситуации склонялись к применению или шариата, или обычного права. Суфийские шейхи возглавили антиколониальную борьбу, что особенно ярко проявилось на востоке Северного Кавказа (Солтамурадов, 2008). Так, уже в конце XVIII в. в Чечне борьба с феодализмом и колониализмом под руководством шейха Мансура проводилась под религиозными лозунгами.

Важную роль в упрочнении социального влияния ислама в регионе сыграли события Кавказской войны 1817–1864 гг. В этот период политический аспект социального влияния ислама, усилившийся со второй половины XVIII в., достиг своего пика. Если ранее ислам во многом адаптировался к местным социокультурным условиям, характеризовался большей терпимостью, то в годы Кавказской войны актуализировались догматизм, стремление к консолидации верующих вокруг религии для противостояния «неверным» в лице русских и поддерживавших их представителей знати. Важную роль в формировании тогдашнего социально-политического облика Северного Кавказа сыграли последователи горского религиозно-политического движения за создание исламского теократического государства, в российской историографии получившего название «мюридизм», или «кавказский мюридизм» (Герман, 2017). При этом его не следует путать с религиозно-философским течением в русле суфизма (Брокгауз, Ефрон, 1897). Распространение «кавказского мюридизма» в 1820-х гг. привело к формированию серьезного религиозно-политического движения, противопоставившего себя Российской империи. Усиление влияния «кавказского мюридизма» связывают с деятельностью имамов Гази-Мухаммада, Гамзат-бека и особенно Шамиля (Эскарханов, 2011). С деятельностью последнего связывают усилия по преобразованию полиэтничного, раздробленного в политическом отношении пространства северокавказского региона в исламское теократическое государство –

имамат. Строительство имамата подразумевало создание системы военно-административного управления, выразившейся в формировании наибств, во главе которых Шамиль ставил верных людей – наибов. Наибы при осуществлении своей деятельности, в свою очередь, опирались на вновь созданную группу мюридов, т. н. наибских. Они отличались от мюридов в традиционном понимании тем, что, во-первых, имели весьма ограниченные религиозные познания, во-вторых, выполняли в основном военные и полицейские функции, в-третьих, получали от наиба довольствие за свою службу. Таким образом, Шамиль в борьбе с Россией и враждебными ему феодалами создавал собственную привилегированную прослойку, лояльную лично ему и готовую принять его видение газавата. Шамиль ввел на территории имамата новую систему налогообложения, которая основывалась на закяте и харадже; а также внедрил шариат как единственно легитимную систему права (в ущерб адатному праву), на котором, в свою очередь, был основан разработанный имамом свод законов – низам. Низам регулировал вопросы административно-хозяйственного и военного управления, устройства общества, поведения мусульман и т. д. (Шехмагомедов, 2014).

После установления власти Российской империи над Северным Кавказом в XIX в. ислам оказался под определенным давлением: российская администрация сделала ставку на феодальную верхушку, поддержание системы адатного права, внедрение общероссийских законов и распространение христианства. Однако с течением времени эта политика была пересмотрена: мусульмане стали пользоваться правом свободного вероисповедания своей религии, а традиционно настроенное мусульманское духовенство и шариат в начале XX в. стали одним из оснований российского контроля над регионом. Важным моментом, который способствовал стабилизации социально-политической ситуации на Северном Кавказе, стало то, что российские власти перестали излишне вмешиваться в вопросы повседневного образа жизни мусульман. Более того, российская администрация не препятствовала развитию религиозной и образовательной инфраструктуры, поощряла открытие новых духовных школ и мечетей (Сатушиева, 2016). Более того, после событий Первой русской революции 1905–1907 гг. официальный статус получило мусульманское общественное движение, появились различные организации мусульман, отстаивавшие права и интересы своих единомыслителей (Хабутдинов, Имашева, 2020).

В годы общественно-политического кризиса и Гражданской войны в России советской власти социальное воздействие ислама существенно снизилось. Хотя на начальном этапе взаимоотношения большевиков и значительной части мусульман (как простых верующих, так и духовенства) можно назвать в целом доброжелательными, в дальнейшем деятельность коммунистов привела к закрытию большинства мечетей и религиозных образовательных учреждений, запрету для священнослужителей отправлять обряды, замене шариата и адата светскими нормами (по крайней мере, декларативно), общему падению интереса к религии среди населения. Ситуация несколько изменилась после Великой Отечественной войны, когда с санкции властей в 1944–1945 гг. были созданы духовные управления мусульман, в том числе на Северном Кавказе (Панов, 2022), сформирован очень небольшой слой официального духовенства. С одной стороны, этот тип священнослужителей находился под жестким идеологическим контролем, обязан был демонстрировать лояльность советской власти, платить подоходный налог, производить отчисления в Фонд мира. С другой стороны, только официально зарегистрированные священнослужители обладали правом проповедовать в мечетях, участвовать в международных исламских конференциях, осуществлять отбор кадров для последующего получения ими религиозного образования, организовывать паломнические поездки и т. д. Реакцией на это

стало стихийное формирование т. н. «неофициального» духовенства. Это были как люди, получавшие религиозное образование в дореволюционные времена, так и те, кто изучал ислам самостоятельно. Среди «неофициального» духовенства было множество последователей суфийских тарикатов, в основном из числа представителей депортированных народов Северного Кавказа (Гусева, 2013). Несмотря на попытки официального духовенства и власти взять это движение под контроль, ограничить его, сделать им это не удалось: «неофициальные» священнослужители пользовались поддержкой и помощью простых верующих. В то же самое время следует признать, что в силу вышеописанных факторов снизился не только общий интерес к религии, но и уровень знаний верующих об исламе. Фактически, в ряде регионов к концу 1980-х гг. исламские нормы, обычаи и традиции, часто в сильно искаженном виде, сохранились лишь как часть этнического самосознания и как часть культуры быта (т. н. «народный ислам»). Неисламские по своему происхождению элементы обрядов являлись важной составляющей «народного ислама», что касалось, в частности, похорон. (Такова, 2016). В то же время в восточной части Северного Кавказа, например, в Дагестане, «народный ислам» и подпольное обучение исламу послужили факторами сохранения данной религии в относительно «чистом» виде. Важным фактором сохранения исламской традиции стали обряды мавлидов, включавшие в себя проповеди, рассказы об исламе, пророке, совместные молитвы и т.п. (Магомедов, 2012).

В ходе процессов, начавшихся в постперестроечное время, в Советском Союзе происходит возрождение религии, в том числе ислама. Духовенство выходит из-под идеологического контроля, активизируется деятельность по восстановлению религиозной инфраструктуры, возрождается религиозное образование, в чем помощь оказывают иностранные благотворительные и религиозные организации. В то же время иностранные эксперты не имели представлений о глубокой специфике местного ислама, а поставляемая религиозная литература отличалась бессистемным характером. Это, вкупе с упомянутым низким уровнем знаний об исламе среди верующих, привело к распространению радикальных, политизированных трактовок ислама, борьбе между условно «традиционным» исламом и исламизмом – религиозно-политической деструктивной идеологией (Башиев, Мансуров, Яковлев, 2014).

Примечательно, что некоторые исследователи (Абдулагатов, Ахундов, 2018) полагают, что де-факто на Северном Кавказе в постперестроечное время наблюдался не столько процесс возрождения ислама, сколько процесс реисламизации населения: упадок исламских институтов, утрата значительной частью мусульманского населения знаний и понимания собственной религии достигли такого уровня, что образ жизни среднестатистического человека, считавшего себя последователем ислама, имел мало общего с официальными мусульманскими нормами, и людям пришлось заново осваивать даже основы мусульманского вероучения. При этом в зависимости от того, кто проводил реисламизацию, происходило распространение тех или иных внутриисламских течений, усвоение различных вариаций исламского социокультурного комплекса.

Обсуждение. Сегодня уровень социального влияния ислама на Северном Кавказе нельзя назвать одинаковым во всем регионе. В западной части Северного Кавказа мусульманам пришлось фактически с самого начала отстраивать инфраструктуру, формировать систему религиозного образования, осуществлять набор кадров, проводить разъяснительную работу среди верующих. К тому же ислам окончательно укоренился здесь позже, чем на востоке, и не стал настолько важным фактором влияния на традиции и обычаи населения, как, например, фактор этнической принадлежности. На востоке же даже в годы советской власти удалось луч-

ше сохранить исламскую образовательную и религиозную традицию, здесь оставались авторитетные богословы. В то же время, ислам в восточной части Северного Кавказа, содержащий в себе существенную суфийскую и даже доисламскую компоненту, сталкивается с проблемой роста популярности салафизма – идеологии, призывающей к «очищению» ислама от сторонних заимствований (Искандерян, 2004). Именно для востока в большей степени характерна визуальная демонстрация принадлежности к исламу (при помощи одежды, религиозной символики), более жесткое следование в повседневной жизни исламским нормам и обычаям, обращение к религии при разрешении бытовых, семейных, имущественных и других видов споров. Также для востока в гораздо большей степени характерен спрос на продукцию халяльной индустрии.

Уровень социального влияния ислама косвенно можно проследить, обратившись к результатам социологических исследований по теме формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе. Так, в статье «Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки» (Авксентьев, Аксумов, Гриценко, Иванова, Шульга, 2022) отмечается незначительное преобладание общегражданской идентичности над этнической и конфессиональной составляющими. В среднем по СКФО доля религиозной идентичности в «портфеле идентичностей» составляет 29%. Наиболее высока доля конфессиональной компоненты идентичности в Чечне (45%), Дагестане (40%), Ингушетии (37%); при этом одновременно здесь же фиксируются самые низкие показатели по доле общегражданской компоненты идентичности – 22%, 27% и 15% соответственно. В то же время в ряде западных регионов Северного Кавказа религиозная идентичность не так ярко выражена по сравнению с востоком: в «портфеле идентичности» Кабардино-Балкарии она занимает 18%, в Карачаево-Черкессии – 22%. Большинство экспертов (представители научного сообщества, административных структур, лидеры мнений и представители НКО), опрошенных авторами исследования, отмечало важность конфессионального элемента идентичности, но только эксперты из Чечни и Ингушетии отмечали его фундаментальный, а из Дагестана – преобладающий характер.

В то же самое время существуют исследования по схожей тематике, в частности, по Республике Дагестан, которые демонстрируют преобладание общероссийской идентичности на уровне указанного региона (Адиев, 2021; Шахбанова, 2013; Шахбанова, 2022). Еще одно исследование показывает высокий, хотя и не доминирующий, уровень групповой идентичности на основе принадлежности к одному религиозному комплексу в Дагестане.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что социальное влияние ислама на Северном Кавказе сложно недооценить: оно имеет глубокие корни, прочно закреплено как на индивидуальном, так и на групповом уровне в различных сферах социальной жизни. Наиболее вероятным вариантом развития ситуации представляется дальнейшее усиление и воспроизводство социального воздействия ислама, которое наиболее отчетливо будет проявляться в восточной части Северного Кавказа.

Для нас важно изучение и понимание историко-культурных особенностей, составляющих мировоззренческую основу ислама, что будет способствовать формированию устойчивого мира и адекватных культурных, экономических и политических контактов между Россией и Ближним Востоком, Центральной Азией и другими регионами, в которых представлено влияние ислама.

Литература

- Абдулагатов, З. М., Ахундов Т. И.-О. (2018). «Народный» ислам: особенности социологического анализа. *История, археология и этнография Кавказа*, 14 (3), 95–108. DOI: 10.24411/2618-6772-2018-13009.
- Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В., Гриценко, Г. Д., Иванова, С. Ю., Шульга М. М. (2022). Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 16 (1), 115–124. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-115-124.
- Адиев, А. З. (2021). Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.). *Социологические исследования*, 4, 136–142. DOI: 10.31857/S013216250011312-6.
- Алиев, Б.Г. (2014). Вакуф – специфическая форма землевладения мусульманских религиозных учреждений. *Вестник Института ИАЭ*, 3 (39), 15–24.
- Бардаков, А. И., Поломошнов, А. Ф., Гурбанов, Э.А.-О. (2012). Ислам – политический и социально-культурный фактор развития Северного Кавказа. *Исламоведение*, 2, 55–75.
- Башиев, М. А., Мансуров, Р.А., Яковлев М.В. (2014). Ислам на Кавказе. *Молодой ученый*, 21 (80), 573–574.
- Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. (1897). Мюридизм. *Словник: Наказания исправительные*. Московский Университет. Т. XX, 372–373.
- Васильев, И. (2015). Богословские основания для межрелигиозного диалога в исламской традиции. *Пятигорск: Снег*, 347.
- Герейханов, Г. П. (2012). Мусульманская умма в фокусе социально-философского анализа. Часть 1. Религиозная доктрина и социальное пространство ислама, *Электронное научное издание Альманах Пространство и Время*, 1 (2), 10.
- Герман, Р. Э. (2017). Характеристика идеологии мюридизма и лидерских качеств имамов участниками и современниками Кавказской войны. *Общество: философия, история, культура*, 4, 91–94. DOI: 10.24158/fik.2017.4.22.
- Гусева, Ю. Н. (2013). Суфийские братства, «Бродячие муллы» и «Святые места» Среднего Поволжья в 1950-1960-е годы как проявления «Неофициального ислама». *Исламоведение*, 2, 35–43.
- Дьяченко, Л.И. (2015). Ислам и его роль в жизни современного общества. *Гуманитарные научные исследования*, 5, 2, 36–38.
- Ибрагимова, П. А. (2012). Вакуф в Дагестане и Османской империи XIX в. *Научная мысль Кавказа*, 3 (71), 74–79.
- Искандерян, А.М. (2004). Ислам на Северном Кавказе: ре- или доисламизация? *Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции*. Ереван, КИСМИ, 120.
- Клименко, Л.В., Жаде, З.А. (2022). Региональные особенности идентичности населения Юга России: этногендерный аспект. *Гуманитарий Юга России*, 11 (55), 3, 167-175, DOI: 10.18522/2227-8656.2022.3.14
- Магомедов, А. Д. (2012). Исламские новации в современной свадьбе народов Северного Кавказа. *Исламоведение*, 3, 60–72.
- Панов, Н. Н. (2022). Государство и ислам в СССР В 1940-е гг.: поиск новой модели взаимоотношений. *Вестник Омской Православной Духовной Семинарии*, 1 (12), 138–146.
- Сатушиева, Л. Х. (2016) «Мусульманский вопрос» в российской политике на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) *Исламоведение*, 1, 51–58.
- Солтамурадов, М.Д. (2008). Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа. *Южнороссийское обозрение*, 51, 141.
- Такова, А.Н. (2016). «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2 (34), 255–280. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-2-255-280.
- Хабутдинов, А. Ю., Имашева, М. М. (2020). Лидеры мусульманского движения Российской империи об основных политических вопросах начала XX века. *История, археология и этнография Кавказа*, 16, 4, 969–981. DOI: 10.32653/CH164969-981.
- Халифаева, А.К. (2014) Мусульманское государственное право (имущественное и наследственное право) на территории Дагестана: проблемы становления и развития. *Системные технологии*, 10, 181–185.
- Ханбабаев, К.М., Якубов, М.Г. (2008). Религиозно-политический экстремизм в мире, России: сущность и опыт противодействия. Махачкала, 194.
- Шахбанова, М.М. (2013). Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 394.
- Шахбанова, М.М. (2022). Этноконфессиональные и языковые процессы в городском пространстве современного Дагестана. Махачкала: АЛЕФ, 1.
- Шехмагомедов, М.Г. (2014). «Лаиха Низам ал-джадид» – «Свод нового Низама» Шамиля. *История, археология и этнография Кавказа*, 2 (38), 43–49.
- Шихсаидов, А. Р. (2010). Распространение ислама в Дагестане. *Исламоведение*, 1. С. 31–50.
- Эскарханов, Г.Л. (2011). Возникновение и развитие суфизма на Северо-Восточном Кавказе. *Научная мысль Кавказа*, 2 (66), 120–124.

- Юсупова, Г. И., Алиева, Д. А. (2012) Суфизм в Дагестане. *Исламоведение*, 1, 97–103.
- Abdullah, A. H., Ismai, M. S., Othman, M. S., Nasir, N. (2017). Islamic View on the Role of Social Environment in Shaping Human Behaviour. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 7, 7, 886–895.
- Bosworth, C. E. (1996). *The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual*. Edinburgh, Edinburgh University Press Ltd, 243-249.
- Абдуллаев, М. (2013). Оплот исламских знаний в Цахуре. Первое медресе университетского типа в горах Дагестана. *Федеральная лезгинская национально-культурная автономия*. Режим доступа: https://flnka.ru/glav_lenta/4485-oplot-islamskih-znaniy-v-gorah.html.
- Бережной, С.Е., Добаев, И.П., Крайнюченко, П.В. (2011). Генезис и этапы эволюции ислама на Северном Кавказе. *Информационно-аналитический портал Евразия*. Режим доступа: <http://evrazia.org/article/1737>.
- Магомедов, А.Р. (2017). Земельно-правовые отношения в Дагестане XV-XVII вв. Москва: Садра, 163. Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-arsen-magomedov/128168-zemelno-pravovye-otnosheniya-v-dagestane-xv-xvii-vv-arsen-magomedov/read/page-6.html>.

References

- Abdulagatov, Z. M., Akhundov, T. I.-O. (2018). "People's" Islam: features of sociological analysis. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*, 14 (3), 95–108. DOI: 10.24411/2618-6772-2018-13009.
- Avksentiev, V. A., Aksyumov, B. V., Gritsenko, G. D., Ivanova, S. Yu., Shul'ga M. M. (2022). All-Russian identity in the North Caucasus: the experience of expert assessment. *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*, 16 (1), 115–124. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-115-124.
- Adiev, A. Z. (2021). All-Russian identity in Dagestan (according to surveys 2016-2019). *Sociological research*, 4, 136-142. DOI: 10.31857/S013216250011312-6.
- Aliyev, B. G. (2014). Waqf is a specific form of land ownership of Muslim religious institutions. *Bulletin of the Institute of IAE*, 3 (39), 15-24.
- Bardakov, A. I., Polomoshnov, A. F., Gurbanov, E.A.-O. (2012). Islam is a political and socio-cultural factor in the development of the North Caucasus. *Islamic studies*, 2, 55–75.
- Bashiev, M. A., Mansurov, R.A., Yakovlev M.V. (2014). Islam in the Caucasus. *Young scientist*, 21 (80), 573–574.
- Brockhaus, F. A., Efron, I. A. (1897). *Muridism. Dictionary: Correctional punishments*. Moscow University, XX, 372-373.
- Vasiliev, I. (2015). Theological grounds for interreligious dialogue in the Islamic tradition. Pyatigorsk: Snow, 347, 283.
- Gereikhanov, G. P. (2012). The Muslim Ummah in the focus of socio-philosophical analysis Part 1. Religious doctrine and the social space of Islam. *Electronic scientific publication Almanac Space and Time*, 1 (2), 10.
- German, R. E. (2017). Characteristics of the ideology of Muridism and leadership qualities of imams by participants and contemporaries of the Caucasian War. *Society: philosophy, history, culture*, 4, 91–94. DOI: 10.24158/fik.2017.4.22.
- Guseva, Yu. N. (2013). Sufi brotherhoods, "Wandering Mullahs" and "Holy Places" of the Middle Volga region in the 1950s and 1960s as manifestations of "Unofficial Islam". *Islamic Studies*, 2, 35–43.
- Dyachenko, L.I. (2015). Islam and its role in the life of modern society. *Humanitarian scientific research*, 5, 2, 36–38.
- Ibragimova, P. A. (2012). The Waqf in Dagestan and the Ottoman Empire of the XIX century. *Scientific thought of the Caucasus*, 3 (71), 74-79.
- Iskanderyan, A.M. (2004). Islam in the North Caucasus: re- or pre-Islamization? *Religion and politics in the Caucasus. Materials of the international conference*, 96–109.
- Klimenko, L.V., Zhade, Z.A. (2022). Regional features of the South-Russian population identity: ethnogender aspect. *Humanities of the South of Russia*, 11 (55), 3, 167-175, DOI: 10.18522/2227-8656.2022.3.14.
- Magomedov, A.D. (2012). Islamic innovations in the modern wedding of the peoples of the North Caucasus. *Islamic Studies*, 3, 60–72.
- Panov, N. N. (2022). The state and Islam in the USSR in the 1940s: the search for a new model of relations. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, 1 (12), 138–146.
- Satushieva, L. H. (2016). "The Muslim question" in Russian politics in the North Caucasus (the second half of the XIX – early XX Century). *Islamic Studies*, 1, 51-58.
- Soltamuradov, M. D. (2008). Sufism in the culture of the peoples of the North-Eastern Caucasus. *South Russian Review*, 51, 141.
- Takova, A.N. (2016). "Praying" Muslim youth as a subculture of Kabardino-Balkarian society. *State, religion, church in Russia and abroad*, 2 (34), 255–280. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-2-255-280.
- Khabutdinov, A. Yu., Imasheva, M. M. (2020). Leaders of the Muslim movement of the Russian Empire on the main political issues of the early twentieth century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 16, 4, 969-981. DOI: 10.32653/CH164969-981.

- Khalifaeva, A. K. (2014). Muslim state law (property and inheritance law) on the territory of Dagestan: problems of formation and development. *System technologies*, 10, 181-185.
- Khanbabaev, K. M., Yakubov, M. G. (2008). Religious and political extremism in the world, Russia: the essence and experience of counteraction. Makhachkala, 194.
- Shakhbanova, M.M. (2013). Ethnic identity and strategies of interethnic behavior of the small peoples of the Republic of Dagestan. Makhachkala: ALEPH Publishing House, 394.
- Shakhbanova, M.M. (2022). Ethno-confessional and linguistic processes in the urban space of modern Dagestan. Makhachkala: ALEPH, 481.
- Shekhmagomedov, M.G. (2014). "Laiha Nizam al-jadid" – "The Code of the new Nizam" by Shamil. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*, 2 (38), 43–49.
- Shikhsaidov, A. R. (2010). The spread of Islam in Dagestan. *Islamic studies*, 1, 31-50.
- Eskarkhanov, G.L. (2011). The emergence and development of Sufism in the North-Eastern Caucasus. *Scientific thought of the Caucasus*, 2 (66), 120-124.
- Yusupova, G. I., Alieva, D. A. (2012). Sufism in Dagestan. *Islamic studies*, 1, 97-103.
- Abdullah, A.H., Ismai, M.S., Othman, M.S., Nasir, N. (2017). Islamic View on the Role of Social Environment in Shaping Human Behaviour. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 7, 7, 886-895.
- Bosworth, C. E. (1996). The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual. Edinburgh, Edinburgh University Press Ltd, 243-249.
- Abdullaev, M. (2013). The stronghold of Islamic knowledge in Tsakhur. The first university-type madrasah in the mountains of Dagestan. *Federal Lezgian National-Cultural autonomy*. Available at: https://flnka.ru/glav_lenta/4485-oplot-islamskih-znaniy-v-gorah.html.
- Berezhnoy, S.E., Dobaev, I.P., Kraynuchenko, P.V. (2011). Genesis and stages of the evolution of Islam in the North Caucasus. *Informational and analytical portal "Evrazia"*. Available at: <http://evrazia.org/article/1737>.
- Magomedov, A. R. (2017). Land and legal relations in Dagestan of the XV-XVII centuries. Moscow: Sandra, 163. Available at: <https://iknigi.net/avtor-arsen-magomedov/128168-zemelno-pravovye-otnosheniya-v-dagestane-xv-xvii-vv-arsen-magomedov/read/page-6.html>.

Дата получения рукописи: 3.11.2022

Дата окончания рецензирования: 17.11.2022

Дата принятия к публикации: 20.11.2022

Информация об авторе

Черевков Олег Сергеевич – аспирант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Cherevkov Oleg Sergeevich – Postgraduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира.

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «**Caucasian Science Bridge**» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge» (редакция от 25.11.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью),
 Научная степень, звание, должность,
 E-mail:
 Контактный мобильный телефон (для ответственного автора),
 Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя),
 Номер идентификатора ORCID,
 Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения);
 Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны);
 Рабочий телефон (с кодом города);

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке,
(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность,

E-mail:

Тел.:

Аффилиация на английском языке

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.
- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю APA (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019), или, при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов, при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторов шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (a, b, c). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания,

интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi, его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателя оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / а, b, с). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi:

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL
 Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL
 Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА**КНИГИ**

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.
 Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.
 Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/ Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская диссертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от *circa* – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказываемся актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарём определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.

6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.